

ГИПЕРБОРЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ №1 (8)

**«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

**Специальный юбилейный выпуск
«Гиперборей» - собирает друзей»**

2022

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ГИПЕРБОРЕЙ

№1(8)

Издаётся с 2019 года

ул. Осипенко, 81
+7 3452 56 56 50

АО «Тюменский дом печати»

Тюмень

2022

УДК 82

ББК 84

Г50

ГИПЕРБОРЕЙ: Литературно-художественный альманах. Специальный выпуск: «Гиперборей» - собирает друзей». Автор идеи и куратор издательского проекта: Сопредседатель Правления Союза российских писателей Н.М. Шамсутдинов. Тюмень: АО «Тюменский дом печати», 2022. – № 1(8). – 224с.

Уважаемый читатель!

Литературно-художественный альманах «Гиперборей», восьмой номер которого Вы сейчас держите в руках, посвящён замечательному событию в жизни профессионального писателя – 40-летию вступления в Союз писателей СССР известного в стране и за рубежом поэта, прозаика, публициста, сатирика и переводчика Николая Миркамаловича Шамсутдинова.

Авторы этого специального выпуска альманаха «Гиперборей – собирает друзей!» знакомят Вас со стихами, прозаическими произведениями, литературоведческими исследованиями, посвященными жизни и творчеству нашего друга, кудесника поэтического слова, (наставника для многих, в частности, членов Тюменского областного отделения Союза российских писателей), одного из создателей Ассоциации союзов писателей и издателей России, ставшего 17 марта 1982 года ПЕРВЫМ членом Союза писателей СССР – этого уникального писательского сообщества и в северном Сургуте, и на огромном материке нефтяного Приобья!

ISBN 978-5-87591-313-6

ISBN 978-5-87591-368-6

Возрастная категория: 16+

(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

**© Тюменская региональная организация
«Союз российских писателей», 2022**

К 40-летию со дня вступления в Союз писателей СССР

«Судьба земли, на которой мы живем, складывается из судеб живущих на ней людей. Тюменская область — поистине уникальный регион. У истоков его становления и развития стояли великие люди — создатели, своим трудом и любовью к родной земле создавшие комфортные условия для жизни настоящих и будущих поколений тюменцев. И именно Вы, Николай Миркамалович, являетесь таким человеком, который примером своего служения делу, ответственностью и бескорыстным трудом внес огромный вклад в развитие Тюменской области. От всей души желаю Вам здоровья, благополучия Вам и Вашим близким, а также успехов во всех добрых делах и начинаниях!»

*Губернатор Тюменской области А.В. Моор
(из поздравительного адреса)*

Довелось мне прочесть недавно в «Литературной газете» о предстоящем в декабре сего года столетнем юбилее СССР, и тотчас же вспомнил я, что чудесным образом судьба устроила так, что именно сорок лет назад, 17 марта 1982 года довелось мне стать членом Союза писателей СССР. Безусловно, этому предшествовали события, воспоминания о которых греют душу семидесятидвухлетнего ветерана отечественной словесности, «старейшину», как недавно называли вашего собеседника в печати... Если же обратиться к воспоминаниям о не столь уж и давнем прошлом, то следует, прежде всего, упомянуть о действительно судьбоносном для меня 7-ом Всесоюзном совещании молодых писателей, организованном Союзом писателей СССР и ЦК ВЛКСМ (Москва, весна 1979 года), на одном из семинаров которого был я отмечен рекомендацией в СП СССР. Соискателей было предостаточно, поэтому и состав нашего семинара был весьма насыщенным по географическому признаку: Москва, Прибалтика, Украина, Белоруссия, Узбекистан – вот далеко не полный список

мест, откуда прибыли соискатели грядущих тиражей и славы. Ваш же покорный слуга представлял Сибирь...

Накрепко запомнилось мне, как по завершении работы семинара Евгений Иванович Осетров, возглавлявший работу его, а также и, ко всему, главный редактор журнала «Дружба народов», прощаясь со мной, справился у счастливица, так когда, мол, Николай, к нам, в Москву? На мой вполне недоумённый вопрос, а с какой, мол, такой целью именно в Москву, он привёл мне цитату: «Поэт рождается в провинции, а умирает в Париже». Слова его пришли мне на память именно тогда, когда, по приглашению из Парижа, вознамерился я навестить во Францию для подписания контракта с знаменитой Сорбонной, куда настойчиво приглашаем был милейшей Натальей Николаевной для чтения лекций для славистов. Но, поскольку медиками был я уже лишён возможности членораздельно говорить – на долгие три года, то приглашение вынужден был отклонить.

К слову сказать, довелось мне через некоторое время вторично принять участие в работе Всесоюзного совещания, уже 10-го по счёту и последнего в истории СССР, но на сей раз уже в качестве одного из руководителей поэтического семинара и подписывавшему в силу этого обстоятельства рекомендации в Союз писателей СССР свежееиспечённым счастливицам, в том числе и одному молодому новосибирцу, занявшему вскорости кресло главного редактора в журнале, в котором не просто охотно публиковали мои произведения, но и подавали их в таком гигантском объёме, что дифирамбические «зложелатели» диву давались.

С приходом же нового главреда дорога на печатные полосы этого популярного издания оказалась для меня не просто закрытой, но наглухо, скажем так, забитой.

Но – вернёмся к приятному... В отделе культуры ЦК ВЛКСМ началась, по традиции, работа по выдвижению

вашего покорного слуги на знаменитую «Премию Ленинского комсомола», которая, в свою очередь, послужила для многих неременным, образно говоря, трамплином к получению и Государственной премии СССР. Стартовой площадкой для будущей премии должна была служить книга о знаменитой в ту пору стройке века – БАМе. Но, здраво поразмыслив, пришёл я к выводу о нецелесообразности этого шага, и последовавшие вскоре события подтвердили правомерность моего решения.

Хочу отметить, что в советские годы моё появление в литературе было воспринято весьма доброжелательно: стартовыми площадками для моих лирических циклов, очерков становились полосы «Литературной России», «Литературной газеты», «Нового мира», «Октября», «Дружбы народов», «Молодой гвардии», «Смены», «Поэзии», «Дня поэзии», а также знаменитых в стране «Кругозора», «Крокодила», «Пионера», в Ленинграде – «Невы», «Звезды», «Авроры», «Костра» и прочих провинциальных периодических изданий, перечислять которые несподручно, – рука устанет... Друг мой из Екатеринбурга, Володя Блинов, поделился недавно со мной воспоминанием о том, чем в те дни был сопровождён мой приход в литературу – «Новый Павел Васильев появился». Великий Павел Васильев, автор не только замечательных «Стихов к Наталье», «Любви на Кунцевской даче» и других шедевров, но и поистине эпических, потрясающих душу и воображение поэм «Соляной бунт», «Песня о гибели казачьего войска», «Христоробовские ситцы», «Кулаки», был, по доносу завистников, арестован и в свои невеликие двадцать шесть лет расстрелян.

Итак, об СП... Попыталась было группка «добродеев» из Приемной комиссии воспрепятствовать моему приему, произвольно отложив рассмотрение вопроса до, по казуистической формулировке, «выхода следующей книги». Но после незамедлительного моего обращения к

руководителю Союза писателей РСФСР Сергею Владимировичу Михалкову проблема была разрешена положительным образом, причём, как сообщили мне сочувственники, вопрос о моём приёме обсуждался непосредственно на заседании Секретариата Союза писателей РСФСР, то бишь «Литературного генералитета», как звали его в просторечии. Таким образом, Михалковы сыграли, можно сказать, в творческой судьбе моей немаловажную роль, ибо на запеве века текущего именно Никита Михалков, будучи председателем Российского Фонда культуры, поручил вручить мне Общенациональную премию им. М. Горького, прямую, как утверждают знатоки, преемницу Государственной премии РСФСР по литературе им. А.М.Горького.

Летом же воспоследовало предложение от СП СССР принять участие во Всесоюзных днях поэзии им. Вл. Маяковского (Грузия, июль), на которых Евгений Евтушенко, представляя меня как своего земляка многочисленной аудитории в театре Шота Руставели, назвал молодого сибиряка «автором гениальных образов» и предложил прочесть понравившееся ему стихотворение из первой моей о той поре книжечки «Выучиться ждать»...

И – крепко отложилось в моей памяти, как был я поражён непредсказуемой для меня, внезапно возникшей отчуждённостью, то бишь реакцией на произошедшее добрых в недавнем прошлом знакомцев-поэтов, с которыми разделял я до сей поры и горячие застолья, и выступления перед аудиториями. Одним словом, вполне закономерная обструкция... Апогея это поветрие достигло вечером «злополучного» дня, когда, при нашей беседе с очаровательной супругой Евгения Александровича, англичанкой Джан, на меня неожиданным образом буквально выверилась одна из поэтических питомиц известного поэта, с которой, кстати сказать, завязались было добросердечные отношения. Да-а-а, действительно «тяжела ты, шапка Мономаха...»

Таким образом, я впервые, можно сказать, на собственной шкуре ощутил, что значит – быть выделенным из общего ряда, ибо сей общий ряд, то бишь «среда», не прощает подобного индивидууму... И всё же, на первый взгляд, дела мои складываются достаточно неплохо: пятьдесят три книги – в авторском активе, порядка тридцати Международных и Всероссийских премий, а также премий и локального характера, несколько сотен публикаций в отечественной и зарубежной периодике, с десятков почетных, ко многому обязывающих званий...

Но в последние годы всё явственней становится ощущение усиливающегося прессинга: многие издания всё охотней предоставляют свои полосы явно сомнительным в художественном аспекте опусам откровенных лит. ремесленников, настойчиво и непредсказуемо закрывая дорогу «признанному классику современности» («Литературная газета», сентябрь 2021) к читательской аудитории.

От советской поры остались на память мне, помимо прочих, четыре книги, вышедшие в ключевых по тем временам московских издательствах, «Арктическая сага» – в Санкт-Петербурге, остальные в Екатеринбурге да Тюмени... Тем временем в далёкой Америке появилось за последние несколько лет десять книг плюс к ним одна – в Германии.

Шестидесятые, в частности, и семидесятые, восьмидесятые годы века прошлого были действительно «годами золотыми» для избравших поприщем своим писательский труд. Не для всех, естественно... В качестве иллюстрации хочу привести высказывание прозаика, председателя Комиссии по Международному сотрудничеству СП (какого только? – СРП? СПР? СП Москвы? СП Санкт-Петербурга?), который пишет: «Вступить в Союз писателей было тогда то же самое, что стать генералом: ты сразу получал множество привилегий.

Сейчас же, напротив, писателей держат в чёрном теле», «Литературная газета», 9-15 февраля 2022 года). Ну, как тут не согласиться с коллегой?

По рассказам очевидцев, на вопрос Сталину, каким социальным статусом должен обладать член новоиспечённого о той поре СП СССР (тридцатые годы века прошлого), лаконично было отвечено следующее: «Доктора наук...».

Есть мне что и вспомнить, и что поведать о тех феерических годах: зашкаливавшие, не в пример нынешним, тиражи и поэтических, и прозаических книг, а соответственно им, и увесистые гонорары; искромётные Всесоюзные литературные праздники по городам и весям страны, фешенебельные, гостеприимные Дома творчества на побережьях Чёрного и Балтийского морей, зарубежные командировки (вождедлённая Иностранная комиссия!) и т.д. и т.п. Забыл, впрочем, упомянуть о знаменитой Книжной лавке писателей на Кузнецком мосту, существом раздолье печатных новинок для записного книголюбца с писательским удостоверением...

И, наконец, венчающий всё это великолепии ЦДЛ, Центральный дом литераторов, с его залами для творческих встреч, для повседневного общения, которое каждый из вхожих волен был продолжить непосредственно в довольно дорогом, для избранных, знаменитом «Дубовом зале», ресторане с его витражными окнами и дубовыми панелями вдоль стен, а то и в так называемом «Пёстром зале», для публики, более демократичной в запросах, но – с художественными шедеврами и едкими эпиграммами на лит. собратьев, венчающими его стены. Не грешно будет упомянуть и о банкетном зале на огромной веранде, с окнами, выходящими прямо в сад германского посольства. Ютятся, ко всему, на задворках памяти и небольшой клубный бар, и, буквально впритык к бильярдной, буфетная стойка в полуподвальчике...

За рамками моего повествования чуть было не осталась, и явно незаслуженно, наша достоправная, сугубо «писательская», поликлиника, приём в которой вели большей частью кандидаты да доктора медицинских наук, приёма к которым часто приходилось дожидаться в компании явно медийных персон, будь то популярные писатели либо известные актёры, недаром ректором Литературного института, в котором довелось мне учиться вплоть до 1979 год, был милейший, деликатнейший, несмотря на внешнюю неприступность, человек, Владимир Фёдорович Пименов, в неотдалённом прошлом директор Большого театра, а также главред журналов «Театр», «Театральная жизнь», который некогда, когда был я ещё зелёным абитуриентом, первым удостоил автора своего рукопожатия, а по окончании института, на прощальном банкете, самолично предложил произнести тост, который, к откровенной неприязни некоторых моих изнывающих сокурсников, длился минут пятнадцать или более того...

Нельзя в моём материале обойти вниманием и наш пятиэтажный, «писательский», больничный спецкорпус на территории 7-ой Московской городской больницы. В нем довелось мне некогда пройти небольшое врачебное обследование и попутно завести знакомства с довольно интересными людьми, известными большинству сограждан по популярным киноролям.

Все эти, следует добавить, службы, как, впрочем, и многочисленные Дома творчества в Переделкино, Малеевке, Комарово, находились в ведении Литературного фонда СССР, сотрудников которого неизменно отличали благорасположенность к писателям и даже, отметил бы я, явная заинтересованность в их судьбах, проблемах и неперемное стремление к благополучному, во что бы то ни стало, разрешению их, а также искренние теплота и участливость.

Случались, отмечу, и казусы в моей практике благотворителя и заботника... Так, к примеру, довелось мне разжиться путёвкой в Ялтинский Дом творчества для одного из моих подопечных, всего лишь тогда кандидата в СРП, с супругой... Через несколько дней последовал звонок из этого городка, и раздался голос счастливец, сообщившего мне, что вот, мол, стоит он едва ли не на коленях и от всей души благодарит «мэтра» (его выражение) за такой редкий и дорогой подарок. И, тем не менее, это обстоятельство не помешало ему, забывчивому, несколько лет спустя, примкнуть к обструктантам, добивавшимся во что бы то ни стало немедленного моего смещения, как, впрочем, и нынешним их приемникам, особам, запустившим в массы скабрёзное, что им де «тесно в Тюмени с Николаем Миркамаловичем...»

И всё же, без околичностей, несказанно счастлив я тем обстоятельством, что более десяти лет моей жизни прошли под чутким, чисто родственным патронатом Союза писателей Союза Советских Социалистических Республик! Не столь уж и великий, казалось бы, срок, но столько радостного и праздничного по насыщенности вместил он в себя, что благодарных воспоминаний о нём достанет не на одно, Господь даст! десятилетие.

Уместно будет отметить в контексте этого материала и то обстоятельство, что был у меня и свой, персональный, можно сказать, консультант, к которому, при необходимости, вполне уместно было обратиться по поводу хорошего номера в столичной гостинице либо же получения выездной визы в любом, по существу, из зарубежных консульств... К большому сожалению, запаматовал я, как звали-величали моего опекуна... Помнится лишь, как в начале девяностых неожиданно столкнулись мы с ним на Старом Арбате, крепко обнялись, и поведал он мне, что состоит в должности директора знаменитого о той поре Центра Мейерхольда...

Знай наших!

Николай Шамсутдинов, 17 марта 2022

**Как слово наше
отзовётся...**

Семён Гурарий - гость рубрики

из лаудацио по случаю присуждения

Международной премии «Доминанта» /«Dominante-Preis»
Николаю Шамсутдинову (Николаю Шамсу) Мюнхен, 2019

Коля, дорогой!

Можно ли размышлять о твоих стихах без известной доли эгоизма, непроизвольно не выверяя подробности воздействия их на мой поэтический склад и опыт?

И придти к осознанию или к подтверждению первой ценности сочинительства – игре, в основе которой свойства языка, изученные так глубоко и раскованно, что делают нас (и, прежде всего, поэта – тебя, но и нас, твоих читателей) свободными в их интенсивном и нерасторжимом использовании и наполнении строчек смыслом и дыханием.

У меня не получается... Но стоит ли намеренно удерживать себя пусть и от поверхностных выводов, даже отдавая себе отчёт, что всё равно не хватит сил довести мои размышления до конца, перечитывая твои кристаллические в своём неповторимом блеске стихи?

Однако, как читатель я не могу не присваивать то, что казалось, было создано для меня, а значит и мной самим.

Твоя магическая воля отсекает всё то, что не умещается в рамках твоего поэтического закона, не может не впечатлять. И не порождать вопросы. Как пишешь ты – легко и быстро? Или подвергаешь тексты бесконечным пересмотрам? Полагаю, что так и эдак.

Хотя плотность твоих стихов говорит о сочинителе, относящемся к себе с завидной для меня исключительной строгостью. Для меня чтение твоей поэзии – это неизбывные попытки представить себе энергию и направленность твоих синтаксических путей-дорожек и усилий чувств и мыслей. Разгадать или хотя бы приблизиться к тайнописи твоего словесного владычества: с твоей помощью переживать властные в

своей победительности повороты этого нескончаемого процесса овладения и всякий раз неожиданного осмысления слов в их интимных взаимоотношениях.

Ты – «трудный автор» для массы, привыкшей заглатывать «литературные наслаждения» без затраты сил. Твои стихи – для читателей, не признающих чтения без труда, без упорной попытки усвоения, постепенного завоевания текста.

Стоит ли сокрушаться, что подлинная литература всегда почти существует где-то на крапивной обочине так называемой, культуры (культ? – ура!). Эти набившие оскомину призывы к великим классикам прошлого, пренебрежительные насмешки, идущие от органического неприятия *д р у г о г о...* Эти резонёрские, припечатывающие реплики: *люди все на один манер, так было и будет, ни с того ни с сего ничего не бывает...* Впрочем, живут же люди без высшей математики или знания законов классического балета.

Ты – д р у г о й.

Мастер не складывать, а множить. Не расширять, а углубляться, ввинчиваться до дна, до самой сердцевины обнажённого нерва. Множить – это взрыхлять плодonoсящую почву *длительности, протяжённости* поэзии и звучания её неповторимого тембра во времени.

И тогда звук становится частью гармонической вертикали. А движение строчек пульсирует непреложными шамсутдиновскими ритмами и закольцовывают строфы, стихи, книги в деревья просторного озонирующего леса.

В конце этого сумбурного этюда, спонтанно вылившегося под впечатлением твоих стихов из трёх (ещё не всех прочитанных) присланных книг, посылаю тебе свой акростих, выдержанный, как мне кажется, в твоём стиле. Не суди строго, это лишь опыт подражания Николаю Шамсу:

В проёме неба...

К. Тихомиров —
Н. Шамсутдинову

+ * +

В поэзии первоначален
не звук, а личности привесн,
который взгляд, едво печален,
потомком сообщают свет.

Что человекства машина
пред светом этим?.. Велтихнем глаз
в проёме неба: Шамсутдинов
светло проглядывает в нас.

9.06.94г.

К. Тихомиров

Константин Викторович Тихомиров, (1964-1995), учился в Тюменском университете. Работал журналистом, редактором газеты-альманаха «Апрельский литератор» (ныне «Живое слово»). Единственная авторская книга стихов «Тотальный романс» была опубликована посмертно в 1997 году (Тюмень, «Софт-Дизайн»).

Член Союза российских писателей (1994). Жизненный путь Константина Викторовича оборвался очень рано. Но он навсегда остался в истории Тюменского областного отделения Союза российских писателей, как один из инициаторов (вместе с Н.М. Шамсутдиновым) его создания.

Виктор Астафьев о поэме «Покорители»

Поэма Николая Шамсутдинова «Покорители» – гимн сибирской природе и вопль изболевшейся души.

Уроженец Ямала, мать которого занималась сбором пушнины во время войны, вспоенный водами Оби и Иртыша, вскормленный рыбой этих великих рек, он был свидетелем «освоения нефтяной целины» и, как сам с горечью признаётся в письме ко мне, «с упоением писал о покорителях тайги и тундры».

Но прошли годы, и наступило горькое прозрение всех жителей Сибири, в том числе и северных её окраин, потому что освоение «незаметно» перешло в покорение, а затем и в избиение сибирских, казалось бы, необъятных и недоступных пространств.

Если бы поэма Шамсутдинова касалась проблем местных, была проникнута тревогой только о своей малой родине, она и тогда имела бы острое публицистическое звучание и обвинение всем ныне странствующим по тайге и тундре «покорителям» природы, осуществляющим грандиозные планы разработки богатейших земель Полярного Урала, в недрах которого представлена вся периодическая система Менделеева.

Нет, поэма «Покорители», написанная уверенной рукой, восходит от экологических к общечеловеческим проблемам, ибо нет сейчас болей и тревог не всеобщих, не всечеловеческих, внеземных. Всё и вся связано между собой, и озоновая дыра, возникшая над Антарктидой, так же губительна для Ямала, как и содранная с ямальской тундры «кожа» болезненна для всего растительного и живого мира нашей прекрасной планеты.

Кто мы? Что мы? Единое целое с беззащитной земной жизнью? Её палачи и погубители, у которых нет, и не

может быть будущего, или все-таки разумные существа, способные не только «покорять», брать, истреблять, но, как разумные же существа, несущие нравственную ответственность за будущее своих детей? Что мы оставим им? Холодную пустыню, ограбленную землю, срубленные леса, «среди обитания» или обжитый, благоустроенный дом?

Об этом пора не только думать, но и действовать, уже сейчас, всем, кто работает на земле и раскочегаривает «прогресс», кто не утратил ещё тревожного права называть себя человеком, ответственным за всё, что им уже сотворено хорошего и плохого за человеческую историю. Поэма-боль, поэма-крик, поэма-смятение нашего разума, воззвание к нему, ибо только разум способен спасти нас и летящую в безбрежном пространстве планету, по нашей вине и разнузданности всё более выпадающую в инвалидное состояние.

Виктор Астафьев, Красноярск

Виктор Петрович Астафьев (1924-2001) – русский писатель, эссеист и драматург, сценарист окончил Высшие литературные курсы в Москве. Основной темой творчества писателя была военная и деревенская проза. Одно из первых произведений было написано ещё в школе в качестве сочинения. Затем он превратил его в рассказ «Васюткино озеро». В.П. Астафьев часто публиковался в журнале «Смена», но первый его рассказ «Гражданский человек» был напечатан в газете «Чусовской рабочий» в 1951 году, с этого момента всю свою жизнь В.П. Астафьев посвятил литературе. А в 1953 году вышла в свет его первая книга «До будущей весны». По произведениям Астафьева сняты кинофильмы «Сюда не залетали чайки», «Таежная повесть», «Звездопад», «Где-то гремит война», «Ненаглядный мой».

Член Союза писателей СССР. Народный депутат СССР (около двух лет). Герой Социалистического Труда. Кавалер ордена Ленина. Лауреат двух Государственных премий СССР, Государственной премии РСФСР им. М. Горького и двух Государственных премий РФ. Участник Великой Отечественной войны.

В родной деревне Овсянки функционирует библиотека, названная в его честь, и мемориальный дом-музей.

«Студёная звезда глухонемых времён...»

«Так в чём исток сибирского характера?». ...Можно этот вопрос и без кавычек задавать. Ибо он – не только заглавная строка стихотворения Николая Шамсутдинова, открывающего одну из его ...книг, но он – едва ли не ключевой в моих размышлениях о творчестве этого поэта – одного из самобытнейших российских стихотворцев, принадлежащих к моему поколению. К тому поколению, что пришло в середине 70-х к обширной тогда ещё всесоюзной аудитории. Именно в силу своей самобытности Николай Шамсутдинов воплотил в творческих путях и поисках, во всей литераторской судьбе **характерные**, «генетические» черты поколения, к которому принадлежит...

...Так в чём исток сибирского характера? Быть может, в сущности шамсутдиновских строк, продолжающих вышеназванное стихотворение?

В густых постах дремучего раскола,
Тесавшего гнездовья за Тоболом?
Или в нелёгкой доле мужика,
Пришедшего сюда до Ермака?

...И следом – в пьяных смолах по карнизы –
Слепя и статью радуя своей,
Из глухомани выхлестнулись избы
Рязанских да коломенских кровей.
Сибирь, она и глад, и холод вынесла,
Всегда глядела вдаль из-под руки
И в страшный год
на мощном гребне вынесла
В бессмертие – сибирские полки...

То есть в глубинах истории, в скрепах созданных как движением русского народа к Востоку и Северу, так и преодолением лихолетий? Но, может быть, этот исток – для поэта Н. Шамсутдинова, подчеркиваю, – в более

лично-индивидуальных корнях бытия сибиряка, в тех, что увидены им в стихотворении «Край пращуров» (другую из недавних его книг открывающем)?

Куда спешить, как перелётный лист?
Всегда с тобой – курай, созвездья, кони...
Татарник узловат и неказист,
Но глубоко испытанные корни.

То есть не только в собственно русской основе, но и в её смешении с тюркским субстратом нации и с другими сибирскими этносами? И с этим соглашаешься, читая Н. Шамсутдинова, но сам автор и другие варианты ответов дает, как бы «напластовывая» один на другой. Быть может, вот он, не только исток, но и стержень нынешнего сибирского характера, – в ярой, молодой силе, целиком отданной созиданию, зажженной порывом безоглядно вкладывать себя в освоение таёжных просторов? Может, он в этой песне озарённой и влюбленной души?

Я жаждал работы. Я, к делу примеряясь,
На лыжах глотал за верстою версту.
Я бил по распадкам тяжёлого зверя
И влёт – оперённую стужей звезду.
Я видел, как зори текут по карнизам,
Как, полымем смазав рассветный восток,
По снегу струятся червонные лисы
В багрянце и меди тяжёлых хвостов.

Два года – две жизни! Я дерзок и весел.
И, вышвырнув двери, я вижу – туга,
В кустах вороная, зелёным замесом
На весь горизонт наплывает тайга...

...Ах, в какой восторг приводили меня эти строфы из «Прощания с юностью» – и до сих пор жив во мне тот восторг, – перед действительно животворной мощью, коей они преисполнены и, по сути, и по звучанию, по

экспрессии и динамике мускулистой и одухотворенной стиховой плоти; с какой радостью и гордостью за своего товарища «в поколенья» я цитировал их в статьях и обзорах двадцатилетней давности.

Верилось тогда: вот и впрямь он, исток натуры моих сверстников-созидателей; казалось тогда – вот он, стержень нашей молодости, не зря прожитой. Думалось, верилось... правда, что-то и «царапало», ещё не ясно осознаваемое, что-то смутногорьковатой нотой примешивалось к радостной музыке души. Не категоричность ли авторского взгляда здесь:

...низвергнув божков и поверья развеяв,
Осмыслить гипотезы, недра постичь
Вошла пропылённая георазведка.
И, вот подминая снега и кусты,
В четыре протектора – свист самосвала...

Несколько корбило от этих низвержений и подминаний, от комсомольско-молодёжного «аллюра» некоторых интонаций Н. Шамсутдинова, – хотя они и были неотъемлемы от того темпераментного и духоподъемного звучания, что и являлось самим «воздухом» его ранней поэзии и притягивало к его творчеству. (Особенно в сравнении с основным потоком тогдашнего «мегаполисного» стихотворчества с его уныло-скептическим рационализмом, с его «мандельштампами», «пастернакипиями» и уже входившими в «закон» псевдоавангардистскими испарениями...).

Но ведь уже и национально-культурный ренессанс, отрицающий «низвержение богов», восходил в России, уже и экологические тревоги начинали нас охватывать... И другие, с «человеческим фактором» связанные, – и поэт с цепким зрением сердца (а Шамсутдинов им обладал изначально) не мог их не ощущать. И всё чаще сквозь «ядренность» и «глубистость» изображения пробивались ноты горьких предчувствий, появлялись строки о некогда

многолюдных, но ставшими заброшенными таёжных сёлах, где на всём «безразличие ставит крест» (вот символика происхождения нынешней разрухи!), где «горе памятью не лечат», где «...птицы гнёзд не вьют, // И нетопленные печи // Теплят жалобу свою.»

Но едва ли не сильнее всего в шамсутдиновских стихотворениях конца 70-х – начала 80-х обжигали мотивы женского горя, обращение к незадавшимся личным судьбам сибирских красавиц – тех самых, кого без всякой иронии надобно было величать «трудовыми современницами». Эти жительницы тайги, речных и морских побережий – уже дочери двужильных вдов-солдаток Великой Отечественной, – словно бы переняли у своих матерей чашу неласковой бабьей доли. Они не ломались под тяжким грузом трудов на лесоповалах и на путинах, а вот одиночество корежило их души. «Но – «О любви!» – Молили жилистые руки». А вместо любви, вместо тепла домашнего и семейного – женщина «простоволосой выбежит под тучи // Отчаянно застынет на юру, // Лишь проливные волосы в падучей // Отчаянно забьются на ветру...». (Заметим, кстати: «хищный глазомер», особое умение ставить слово к слову проявляются у Шамсутдинова уже тогда, прежде, всего в эпитетах, в определениях, обретающих многозначность, дополнительный смысл в их слиянности с определяемыми словами, как, например, в «проливных волосах»). И тем сильнее оказывалось воздействие таких строк о неладных женских судьбинушках, что сами-то героини молодым автором изображались в таком буйстве чувственных красок, в такой одухотворенной пластике трепетной плоти, – ну, хоть к любой из них сватайся:

Круты ресницы, губы талы,
И ситчик, влажный от ведра,
Прильнул к ленивому овалу
Её тяжёлого бедра.

Или – совсем раблезианское:

Это я – пляшу с весёлой,
Девкой рослой, бронзобровой,
Белозубой, золотой,
Звонким ситцем облитой.
Блещут маленькие лытки!..
Смотрит весело, грешно...

И вот же беда: такие, полные женского солнца, сибирячки полной мерой испытали на себе участь одиночества... Но их несломленность – тоже один из истоков сибирского характера, натуры огромного людского множества, которая при всех потерях, наперекор всем социальным катаклизмам века, сохранила свою жизнестойкую сердцевину.

Вообще говоря, Н.Шамсутдинов с дебютных пор своего творческого пути и по сей день занимал и занимает весьма своеобразную и трудно поддающуюся какой-либо классификации или «типизации» стезю взаимоотношений с гражданственно-социальным устроением окружающего мира. С «системой», можно и так сказать. Вроде бы его ранняя поэзия, исполненная мажорно-светлой музыки бытия в труде среди тайги и тундры, насыщенная восторгом озарений, свершений и открытий, была начисто лишена каких-либо нот отрицания этой системы, этого устройства, но – ни «воспевательскими», ни тем паче конформистскими его молодые сочинения назвать язык не повернулся бы. Собственное лирическое «я», как и личные миры его героев, при всей их распахнутости ветрам созидания и дружеству трудовому, были очень «интровертны» – в том смысле, что автора волновало, прежде всего, то, что в душе человеческой происходит. Его занимало в первую очередь то, как, какими плюсами или минусами отзываются в ней события и дела окружающей действительности. А действительность той поры, как было уже сказано, взору

сердца поэта открывалась далеко не только жизнеутверждающими своими чертами и гранями...

В то же самое время, ни на йоту не встретишь даже в самых горьких шамсутдиновских строках тех лет никакого привкуса «оппозиционности»: те «придворные оппозиционеры», что, слагая оды всем великим стройкам и верно служа верхушке коммунистического режима, держали «фигу в кармане» по отношению к нему (читай – к государству), всегда оставались неприемлемыми для Н. Шамсутдинова... Вот что мне думается сегодня, когда читаю его новые творения и перечитываю прежние: мой литературный сибирский сверстник **всё** в окружающем его мире – и социальное, и духовное, и лично-сокровенное – всё видел глазами поэта, сквозь призму поэзии, всё воспринимал именно и даже можно сказать – только как поэт. Не иначе! А это (как ни парадоксально прозвучит такое утверждение в эпоху сплошного прагматизма и торжества рассудочности) – **самый здравый** взгляд на вещи из самых возможных. Самый объективный. Ибо он удерживает человека от любых, от всех и всяких «уклонов», диктуемых временными, общественными, «партийными», групповыми и даже религиозно-этническими мотивами. (Что отнюдь не исключает эмоциональных и тематических «акцентов», страстного подчеркивания той или иной авторской идеи: сие вообще есть суть музыки поэтических откровений...).

Вот так Н. Шамсутдинов сумел остаться – со всей своей тюркской наследной горячностью, при всей экспрессии своего темпераментного голоса и присутствием в своём мировосприятии многих качеств, типичных для советского журналиста и литератора, – остаться творцом «лирического вещества», далёким как фанфарно-казённому официозу, так и проявлениям «андеграунда». Просто – поэтом. Можно добавить: сибирским поэтом конца XX века. Надо и уточнить – даже если с этим уточнением мой сибирский коллега не

согласится, – русским советским поэтом. Хотя бы по той причине, что все метаморфозы его творческих трудов в последние лет пятнадцать только с таким поэтом и могли произойти...

В том состояла и состоит естественность его художественного развития, что он менялся, не «изгибаясь вместе с линией», но – предчувствуя, даже и несколько прорицая (пусть не на десятилетия вперед, а лишь на годы, но ведь в последней четверти века поистине «год за три» шел) грядущие «тектонические сдвиги» в мире, стране и обществе. Причем – вот характерный штрих глубинной интуиции подлинного художника стиха – это оракульство не только к социальным явлениям относилось, но и к гораздо более тайным, на замки тысячелетий запертым.

Вздрыгнул я, прочитав, к примеру, его строки 80-х: «Но в пору наши пространства широкой натуре этруска...». Ну, ни при какой погоде не мог Николай тогда быть осведомлённым о лингво-исторических изысканиях С. Гриневича; свои открытия в расшифровке знаков на древнейшем «Этрусском диске», свидетельствующие о родстве этого праримского племени с предками этносов Восточной Европы и Сибири, учёный обнаружил лишь в минувшем десятилетии. Не мог... а вот же, сказал, причём как бы невзначай, походя: только так и «проговариваются» поэты...

И всё же основные тревожные мотивы, нараставшие в стихах Н.Шамсутдинова на исходе 70-х и в 80-х, относились к тому, что можно назвать «**социальной экологией души**». Он всё острее ощущал и всё жестче излагал в стихах гибельность бездумного разрушения природы индустриальной агрессией. Это разрушение представляло в его строках невыносимыми бедами души человеческой, а то и её распадом. И трагедиями как для

отдельных людей (чаще всего – хранителей и защитников природы земли родной), так и для целых народов, чьё жизненное пространство уничтожается «покорителями»... Цитировать тут можно чуть не половину страниц из книг «Сургутский характер» и «Железные елки», выпущенных Николаем Шамсутдиновым в самое недавнее время и вобравших в себя основные вехи и грани его творческой судьбы. «Куда мы идём?!» – вопрошает себя лирический герой, подобравший изуродованную людской жестокостью собаку.

Ключевой вопрос тех (а наших – тем паче) дней. На Руси он уже равен ответу... Вот один из подступов к ответу:

Но злей и воспалённой – смута,
И пуще помыслы болят:
Душа – как птица из мазута –
Выпрастывает нищий взгляд...

...Вот и прозвучало слово, означившее эпоху развала и бедствий, в которую ввергнули державу «перестройщики». Смута! Смута... Ещё до её прихода сибирский поэт обозначил и её имя, и – без преувеличения, **потрясающим** по художественно-обобщающей силе сравнением души с птицей в мазуте, – её античеловеческую сущность...

И, что называется, количество переросло в новое качество: в 1988 году под пером Н. Шамсутдинова родилась поэма «Покорители». Это мощное и страстное произведение протеста против надругательства над Землёй (и с большой буквы тоже – над планетой, над всем живущим и сущим на ней) достойно отдельного обзора и анализа сегодня, через десять с лишним лет после своего рождения, быть может, даже в большей мере, чем прежде. Ведь годы Смуты показали: «катастройщики», «мандарины» (так их зовёт автор) разграбления недр, почуяв все прелести «свободы и демократии» и не

страшась теперь никаких «партконтролей» и прокуратур, повели в эти годы такое убиение тайги и тундры, что стократно переплюнули свое прежнее «покорительство». Такое, что звать их хищниками – значит, обижать многих животных и птиц...

Такое, что ханты, манси и другие народы севера Сибири, стыдливо переименованные из «малых» в «малочисленные», теперь имеют перспективу невдолге наименоваться несуществующими. Вот о чём свидетельствует эта поэма Николая Шамсутдинова и вот почему она ещё более актуальна сегодня, чем в пору своего рождения... Написанная «на едином дыхании», она ныне позволяет читателю гораздо более явственно увидеть в её тексте как социальную правду эпохи идущей, так и образцы чеканно созданных, мастерских обращений поэта к современникам:

...Ну, так хватит проектов и толков,
Если в небытие упирается путь!
Время, время настало – глазами потомков
На свои же деянья взглянуть.

Или – ставший ныне уже почти «каноническим» стоп-кадр времени:

Сколько ж, Божье подобье, природе во зло
На земле прозябаешь ты? Словно повитель
На бесплодных, слепых пустырях, проросло
В наши будни – мурло.

Временщик.

Покоритель...

И, если в 1988 году самым справедливым определением этой вещи звучали слова Виктора Астафьева из его замечательного предисловия к ней: «Поэма-боль, поэма-крик, поэма-смятение нашего разума, воззвание к нему...», – то по прошествии ряда лет, ставших временем небывалых сотрясений для страны, земли и

народа, становится все более очевидной иная её суть – **историко-лирическая**. Та, где объём духовного зора (с приближением конца века и тысячелетия) насыщен не только остросоциальным содержанием, но и глубоко личностным осознанием и ощущением своей ответственности за всё, происходящее на родной земле. Только такой сплав даёт произведению искусства, созданному на «злобу дня», право на полноценную жизнь в иных днях, то есть – перейти в категорию **«добра вечности»**. Будь иначе – «Покорители» остались бы лишь одним из многих (причём ярких, одарёнными людьми написанных) образцов поэтической публицистики, обращенной к болевым экологическим темам 80-х лет.

Но сейчас, перечитывая шамсутдиновскую поэму, убеждаюсь: она осталась как **факт русской поэзии**. Ибо –

Рано встал я, при свете студёной звезды...

Эта строка одной из глав «Покорителей» – как и многие другие, к конкретике содержания, к частным деталям относящиеся, – теперь воспринимается, как символ. Символ взаимоотношений «я» поэта с его временем. Здесь, с одной стороны, быть может, подсознательная переключка с пушкинской «звездной» символикой («Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды»), с другой же... При свете студёной предраассветной звезды отчётливей всего поэт видит и ощущает свою вину. Нет, не только в том и даже далеко не в том только эта вина, что «...размышления перегоняя, жадно ветром железной эпохи дыша, был, как мальчик, запальчив я, не замечая, как – на бешеной скорости – слепнет душа...». И не в том, что был сам причастен к «покорительству» пером влюблённого в созидание поэта и журналиста. А просто в том, что – жил воедино с этим временем, был его частицей...

Чувство такой вины – естественнейшее для русского поэта любых эпох. Естественность же сия в том, что такие

понятия, как естество, натура, природа являются синонимами понятий «душа», «земля», «народ», «отечество», и они взаимопорождающи, синкретны как по отношению друг к другу, так и к «я» поэта... Думается, будь иначе – русское искусство стиха (шире – словесности) не стало бы тем, чем оно опять-таки, несмотря ни на что и вопреки всему, остаётся даже сейчас – гласом народным, совестью народа (даже если народ в массе своей и не осознает этого). Вот почему, думается, Николай Шамсутдинов и решился на такой беспощадный по отношению к самому себе шаг: в его книги «Сургутский характер» и «Железные елки», вышедшие в самом конце 90-х, вошли и те произведения, сердцевиной коих стала поэма «Покорители», и те, где лирический герой сам участвует в освоении северных просторов. И среди этих вторых есть и такие, где перо поэта впрямь летело, «размышления перегоняя» (об этом уже говорилось в начале моих заметок). Такие, что вполне могут стать мишенью для язвительных упрёков со стороны кое-кого из «прогрессистов» и «либералов», что горазды оплевывать всю жизнь страны до 1991 года как некий сплошной и беспросветный ГУЛАГ. Мол, сам же был приверженцем «покорения», а потом бичевать его стал... Нет. Н. Шамсутдинов вовсе не обратился из «Савлов в Павлы», не уподобился целому ряду маститых советских (и процветавших в советское время) литераторов, которые «сжигают всё, чему поклонялись». Которые не перепечатавают в своих нынешних ПСС творений вроде «Школы в Лонжюмо» или «Считайте меня коммунистом». (А ведь автор последнего тоже в Сибири родился, на станции Зима – да, видно, «исток сибирского характера» – не в месте рождения...). Зная множество шамсутдиновских журнальных и прочих подборок и публикаций времён нашей молодости, а также ранние книги сибиряка, вижу: он включил в свои новые книги лишь те стихи и баллады,

что, подобно «Покорителям», остаются и поныне явлениями поэзии, а не стихотворной журналистики.

И это – поступок. Ибо очень немногие поэты нашего и других поколений рискуют сегодня включать в свои итоговые томики даже страницы своей ранней поэзии, что, казалось бы, прошли испытание временем – но тематически и по содержанию окрашены в «советские» цвета...

И – главное: читая новые книги своего тюменского товарища, сердцем радуюсь, – Николай не отрёкся от идеалов нашей молодости. А она – как бы там ни было, какие бы глупости и пакости тогдашнего режима ни омрачали её – была прекрасна. Потому что и в самом деле отдана была, прежде всего, разнообразию творческих трудов, созиданию, а не разрушению и не лихорадочной и душу убивающей погоне за «баксами» во что бы то ни стало... Словом, я рад, что мой сибирский сверстник остался честен. Выстоял, остался собой. Поэтом...

...А ещё мне такое отношение Н. Шамсутдинова к собственному творческому прошлому представляется естественным, потому что собственно «прошлым», то есть как бы «отсечённым» от его нынешних забот и помыслов литературно-бытийных, оно не стало. Ведь об «отсечённом» не скажешь: «Поминаю всё добром». И этого тоже в своём прошлом не вспомнишь, если оно стало тебе чужим: «Весенним искусом любви возожжены уста народа». Эта жизнотворная энергия любви, насыщавшая буквально всё в молодых творениях Н. Шамсутдинова, с годами не ослабела, напротив – «Тетрадь полна любви неутолённой».

Она, эта жгучая сила любви, в самом изначальном смысле этого слова – любви мужчины и женщины, любви, в единый сплав сладчайшего взаимотяготения обращающей физическое и духовное начало – и стала тем руслом, по которому мощный, порой взвихренный и ярый поток шамсутдиновского творчества движется, не

изменяя своей сути даже при самых резких поворотах и перепадах. Той «красной нитью», что соединяет разные, внешне подчас весьма не схожие меж собою этапы его литературно-эстетического развития. Вот строки 80-х годов:

Нет порочного, стыдного нет в воспевании плоти,
Ведь гармония тело объёмлет в любви и работе.
Славлю строгие формы мужей
И литое изящество жён...

Стихотворение, из которого взяты эти строки, было напечатано в книге «Сургутский характер», но ему самое место нашлось бы и в книге «Женщина читает сердцем», солидном томе, вышедшем в 2000 году, томе, включившем в себя стихи, созданные автором в последнее десятилетие ушедшего века.

Конечно, кое-кто из читателей, знакомясь с «читающей сердцем женщиной», может воскликнуть: «Ба, да тут новый Шамсутдинов, не схожий с прежним собой!». Я с такой сентенцией не соглашусь. Разумеется, в этой книге немало звучит той поэтической музыки, что находилась как бы «под спудом» в шамсутдиновском творчестве «советских» лет...

...Да, в этом новом томе есть много страниц, которые просто не могли бы придти к читателю в былые годы. Немало откровенно чувственно-раскованных строк, зримо рисующих соитие мужчины и женщины; таких, к примеру:

Ночь истекает спазмами любви,
Осатаневшей в крике. Любь обычай!
Тяжёлый пламень пращура – в крови,
И ты же, распинаема, – добычей,
С горящим оком, влажная, меж ног...
И до-олгий всхлип свернувшейся в изножье:
– Возлюбленный, прекрасен твой клинок,
А я – и долгий выдох – его ножны...

Что тут сказать? – очень пластичные стихи, по-своему даже виртуозные. И великолепен троп, зрительно-осязаемый образ сравнения (хотя, строго говоря, разные вариации этой метафоры «меч в ножнах» ещё в средневековой рыцарской поэзии опосредованы, однако современный автор обновил её). И так ли уж важно, на какую тему написано произведение, если оно отличается таким добрым качеством? Тема слияния двух любящих? – а что, господа-товарищи, разве российская стиховая словесность когда-либо обходилась без эротическо-чувственного субстрата? Или вы чем-то шокированы в прочитанном? То-то же...

Вы скажете: мол, «шлюзы» открылись, не стало цензуры, вот поэт в уже неюном возрасте и «вдарился» в прежде запретные сферы. Но так вы скажете, если раньше не читали Шамсутдинова, лет 20-25 назад. А он и тогда создавал (и две его книги, о коих я тут и говорил, многими страницами это подтверждают) удивительно жаркие любовные откровения, порой просто с неистовой, опаляющей силой в показе слиянности плоти и души, зажжённых молодой страстью... А вот сегодня – да, точнее, в минувшем десятилетии Николай Шамсутдинов упорно искал для сих мотивов соответствующую форму выражения. Искал и ищет...

И, надо отдать ему должное, нередко находит. То, что сам он назвал «книжностью», опять-таки в его поэзии 70-х 80-х лет присутствовало даже тогда, когда он говорил о самых земных и насущных трудах. Звучание «любомудрия», основа корневой гуманистической культуры – без них наша отечественная словесность тоже никогда не жила (по крайней мере, в лучших своих проявлениях). Тем паче – в краю, куда волею неласковых судеб отправлялись на поселения российские интеллектуалы многих десятилетий и эпох... Н. Шамсутдинов остался собой – сибиряком – в ещё большей

мере, чем прежде, «подключив» (простите за тавтологию) к своей поэтике Кастальский ключ. Струю Иппокрены... Эллинистическое движение строки, с «переливаниями» групп дактиля, амфибрахия и анапеста, некая звуковая аллюзия античного движения стоп... Образы и реалии древнегреческого и древнеримского мифов, евангельско-библейский словарь, лексика западных поэзолегод – всё это как-то удивительно и органично смыкается у него с его тюркско-восточной почвой мелоса и фольклора. И всё это находит выражение в точных социально-философских определениях времени идущего.

Глухонемое время... Кому ж повем
Страсти свои, торопя в перебранке дней,
В мятный канун Рождества, не тропу в Вифлеем,
А, затмевая легенду, дорогу к ней...

Нет, Н. Шамсутдинов не совершил «побег» от себя прежнего – от поэзии созидания. Он естественным образом, войдя в самый зрелый и суровый возраст, развивает то, что было подарено его музе горячей порой молодости. Сибирью. Порой это осмысление обретает «гербарный», углублённо-психологический характер – тогда-то главным действующим лицом произведений и становится «читающая сердцем женщина» (а что, согласимся, предмет для исследования самый благодатный и особенно благодарный). Причем, отмечу, делает это мой сверстник – в отличие от немалого числа наших коллег по стиховому перу, прежде отличавшихся сугубым благочестием и пуританством, а теперь действительно «вдарившихся» в интим, – с тактом и достоинством как литературными, так и мужскими... По крайней мере – как правило. Время пришедшее, как и у многих из нас, рождает у него нерадостный взгляд на самого себя, на свою собственную судьбу, и тогда вырывается вот такое: «Пасынок неусыпной отечественной словесности...». Что ж, порой и так имеет

право русский поэт (любого происхождения) сказать о себе – все мы в какой-то мере пасынки...

И всё же миф, творимый сегодня Н. Шамсутдиновым в новых стихах, – это действительно торение новой поэтической дороги. Прежде всего – к самому себе. К собственной духовной сердцевине. Создание своего образа русско-сибирской античности – в её чистоте и ясности, не замутненных нечистью дней идущих...

И если меня спросят: жив ли он сегодня, **настоящий сибирский характер**, живы ли его истоки? – я знаю, что ответить.

Я отвечаю: читайте поэта Николая Шамсутдинова.

Станислав Золотцев, Москва

Станислав Александрович Золотцев (1947-2008) – советский и российский поэт, прозаик, переводчик и публицист. Автор слов гимна города Пскова.

В 1968 году окончил Ленинградский государственный университет (английское отделение филологического факультета). Два года работал переводчиком в Индии. Затем два года преподавал в Историко-архивном институте (Москва), сотрудничал с Интуристом, работая гидом.

С 1972 по 1975 год служил офицером в авиации Северного флота. Учился в аспирантуре на кафедре зарубежной литературы МГУ, защитил диссертацию по творчеству Дилана Томаса (Великобритания, Уэльс), кандидат филологических наук.

Первые стихи опубликованы в 1970 году в журналах «Аврора», «Новый мир», через пять лет выходит первая его книга стихов «Зимняя радуга». В тот же 1975 год С.А. Золотцев становится членом Союза писателей СССР.

За 30 с лишним лет профессиональной деятельности С.А. Золотцев выпустил 25 книг стихотворений, несколько книг прозы и три книги литературных исследований. Множество его статей, обзоров и других литературно-исследовательских материалов были опубликованы в периодике.

Его перу принадлежат более 20 книг переводов из поэзии Востока (бывших советских республик, Индии и арабских стран) и Запада (Великобритании, США, Франции и др.).

Феномен поэта Николая Шамсутдинова

Для известного российского поэта Николая Шамсутдинова, которого Станислав Золотцев, к сожалению, недавно ушедший от нас поэт и критик, называл одним «из самобытнейших российских стихотворцев», 2019 год стал юбилейным. Серьезную дату юбиляра воспринял не эсхатологически, а оптимистически, издав, при поддержке Правительства Тюменской области, пятитомное собрание сочинений «Избранное», а также книгу поэтической сатиры и юмора «Яблоко раздора», в которую вошли пародии, авторские афоризмы, автором метко названные «законсервированной мудростью», и катрены:

На подарки нам скупа природа...
Потому-то и люблюсь я
Женщиною – ложечкою мёда
В бочке дегтя, в бочке бытия...

Данное четверостишие прекрасно иллюстрирует восторженное отношение поэта к женщине. Критик, доцент ТГУ В. Рогачев, говоря о любовной лирике Н.Шамсутдинова раннего периода (книги «Заветная беззаветность», «Женщина читает сердцем», «Пенорожденная» и другие), выделял в стихах поэта «трепетное, нежное преклонение перед женщиной, гармонизированное в свободно льющихся образах. Зоркий наблюдатель, искушённый знаток прекрасного пола, автор сведущ в милых уловках... своих героинь». В одном из интервью Николай Шамсутдинов приводит, в свою очередь, отзыв Станислава Золотцева: «Я всегда знал, что ты безумно талантлив, – писал ему собрат по перу после прочтения книги стихов «Пенорождённая, – но не ждал, что ты выдашь такую – совершенно иную по чувственно-эмоционально-философской насыщенности вещь. Это

действительно современный Гимн Любви во всех её проявлениях. Песнь Песней нынешнего русского поэта...». Судьба настоящего поэта полна мистических и сакральных тождеств: Николай Шамсутдинов родился ранним утром 26 августа 1949 года. Читатели, знающие историю русской литературы, помнят: 26 августа 1921 года был расстрелян Николай Гумилев, а великая Анна Ахматова именно 26 августа 1949 года, после обеда, написала свою знаменитую «Колыбельную»:

Я над этой колыбелью
Наклонилась черной елью.
Бай, бай, бай, бай!
Ай, ай, ай, ай...

Под стихотворением значится: «26 августа 1949 года, Фонтанный дом». Символика поэтических и мистических совпадений определяет вектор судьбы героя моего материала – трагических испытаний, судя по биографии, выпало Николаю Шамсутдинову немало: не единожды, кстати сказать, он избежал гибели... Ставший русским поэтом и демонстрирующий блестящее владение русским языком, он подчеркивает, – «Родной для меня – русский язык, а родная литература для меня независима от языка – английская ли, немецкая ли, русская... Если автор талантлив, для меня его произведение становятся родным». Николай Шамсутдинов – по сути своей является мостом между культурами континента: единственным, в частности, из тюменских литераторов он был приглашен в Данию, где прочитал цикл лекций о российской поэзии в Королевских университетах Копенгагена и Оденсе (1991). Интересен генезис самой фамилия «Шамсутдинов», произведенной от фамилии его предков Шамси (Шамс – Солнце). Он ведет историю рода своего от народа волжских булгар, ярким представителем которого является болгарский поэт Микаиль Шамси ибн Башту – автор поэмы «Шан кызы дастаны» (865-882 гг.) и, помимо

этого, великий визирь государства «Волжская Булгария» (см.: Борис Рябухин «Волжский царь», М., 2013). Николай Шамсутдинов отмечает, что его «матушка внешне сущая европейка, носила имя Юма-бика Атыкашевна», приставка «бика» к тюркскому женскому имени означает «княжна». Так вспомним же правительницу Казани во время захвата этого города Иваном Грозным, которую звали – Суюм-бика! Существует научно обоснованная точка зрения, что именно представители болгарской знати стали пращурами многих дворянских родов России, таких, в частности, как Аракчевы, Атласовы, Ахматовы, Булгаковы, Голенищевы-Кутузовы, Карамзины, Куприны, Мичурины, Огаревы, Суворовы и т.д. (об этом: А. Халиков «500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения». – Казань, 1992).

Упомянувшийся в контексте материала филолог В. Рогачев, говоря о лирике поэта и обещая «пиршество для гурманов», уже тогда отмечал наглядную взаимосвязь поэта с мировой и европейской культурой: «Здесь есть уважительный диалог с Данте, Овидием – классиком римской античности, оживают древнегреческие ионийские, эолийские лады и переданы те возвышенные страдания души, за которыми видна даль культурных штудий поэта, его понимание смысла жизни». О том же писал постоянный исследователь творчества Николая Шамсутдинова Ст. Золотцев: «Эллинистическое движение строки, с «переливаниями» групп дактиля, амфибрахия и анапеста, звуковая аллюзия античного движения стоп... Образы и реалии древнегреческого и древнеримского мифов, евангельско-библейский словарь, лексика западных поэзолегов – все это как-то удивительно и органично смыкается у него с его с тюркской почвой мелоса и фольклора».

Критик Ирма Юстус, утверждающая, что Николай Шамсутдинов – исключительное явление в современной литературе, в своей статье, посвященной творчеству

русского поэта, говорит о том, что автор «обладает богатой творческой родословной, исполненной мощи и полифоничности соседствующих в пантеоне мировой поэзии творцов», поэзия его «альтернативна повседневному убожеству» и с горечью подчеркивала: «Мощное и независимое дарование оборачивается для творца, в конечном счете, драмой...».

А Ст. Золотцев отмечает ещё и «особое умение поэта ставить слово к слову», что видно «прежде всего в эпитетах, определениях, обретающих многозначность, дополнительный смысл в их слиянности с определяющими словами...». Эти черты проявились уже в ранних стихах 70-80-х годов, отличающихся и по эмоциональному настрою, и по особенностям поэтики, – в стихах более поздних, «тёмных», то есть очень сложных по своей стилистике и философской парадигме. Ранние стихи были исполнены оптимистического накала, в них жили и творили люди труда. Но в и них, по большому счету, уже явственней звучала тревога за сохранение природы не только Сибири, но и всей Земли: недаром его поэму «Покорители» В.П. Астафьев предварил такими словами: «Поэма-боль, поэма-крик, поэма-смятение нашего разума, ибо только разум способен спасти нас и летящую в безбрежном пространстве планету, по нашей вине и разнузданности всё более впадающую в инвалидное состояние».

Феномен поэта Николая Шамсутдинова, на мой взгляд, заключается в том, что, будучи одним из самых заметных советских стихотворцев, имевших своё лицо и не обойдённых славой, публикациями и премиями, он не мумифицировал свои прежние стихотворные достижения, что часто случается с бывшими советскими поэтами, не застыл на воспоминаниях о былом успехе, который был весьма заметен (к примеру, в начале 80-х гг. Евг. Евтушенко на Всесоюзных Днях Маяковского в Грузии, представляя огромной аудитории театра им. Шота

Руставели тридцатилетнего поэта Н. Шамсутдинова, назвал его «автором гениальных образов»).

Нет! поэт совершил весьма рискованный для любой поэтической биографии резкий переход к совершенно иной поэтике, отталкиваясь от культуры, книги, но одновременно не утрачивая энергии стиха и связи с жизненными впечатлениями... Стихи его становятся драматичнее, труднее для восприятия, многослойнее. Мир изменился, страна, в которой вырос поэт, рухнула, иная жизнь, противоречивая, сложная, прогностически непредсказуемая, окружает теперь поэта – и рефлексия лирического героя становится все тревожнее: «Мир катастроф. Неоновою россыпью/ горя, трещат, в содоме городов...». Образы его, эстетически неординарные и захватывающие внимание, наполняются новым, нетривиальным философским содержанием, непосредственным образом образовывая читателя, его культуру, ощутимо пострадавшую в результате массовой ориентации на упрощение, обернувшуюся безвкусицей. Зачастую образы его наглядно афористичны: «убожество божеств гламурных», «эстетический стоицизм», «исповедник муз», «пластическая цитата из Истоминой», «сбивая истерические массы в критическую массу», «вечность есть архетип, заключенный в архитектуре» и так далее.

Но автор поглощен наполнением своей речи и глубокими мыслями, приглашающими нас разделить его рефлексии. Поэтому его стиль (вспомним О.Шпенглера) – это не просто признак культуры, это – судьба. Симон Гурарий, концертирующий по миру пианист и редактор журнала «Dominanta» (Мюнхен), подчеркнул в своём выступлении, посвященном награждению Николая Шамсутдинова Международной премией «Dominante-Preis 2019» «За выдающиеся открытия и развитие новых эстетических принципов в литературе», что стихи поэта отмечены неповторимой, энергичной, выпуклой, хорошо

узнаваемой интонацией, а в своей приветственной речи добавил «...твои, неповторимые в своём кристаллическом блеске стихи... Ты – «трудный автор» для массы, привыкшей заглатывать «литературные наслаждения» без затраты сил». Действительно, произведения Н.Шамсутдинова 90-х-2000-х г.г. невозможно читать без интеллектуального напряжения и культурологического соучастия:

И за полночь, простёрт, в молчанье, вдоль
безлюбия чужого, к изобилью
рацей, он убаюкивает боль,
надсадно обернувшуюся былью.
Жизнь бьёт его, кремнёва, – не добьёт,
плодя, в текущих подлостях, обиды,
покуда, в искупленье, не пошлёт
смерть Филемона – у колен Бавкиды...

Передо мной книга Николая Шамсутдинова «Патрицианка», стихи из которой вошли в пятитомное собрание его сочинений «Избранное». Именно в «Патрицианке» поэт, уходя от тематических или сюжетных стихов, выявляет свое отношение к языку как первоэлементу поэзии. Стихи его максимально усложняются, поскольку сцеплением слов часто служит семантическая «валентность» рядом стоящих, нередко заключающаяся в самом их созвучии, а отнюдь не в прямом смысле слова или фразы. С. Аверинцев как-то признался: «Иногда приходится идти на затрудненный способ выражения, чтобы разрушить автоматизм скользящих мимо слов, «разбудить» себя и читателя». «Патрицианка», на мой взгляд, относима к явлению такого именно характера. «Астрофичность – характерная примета стихов книги. Каждое стихотворение надо воспринимать в его целостности, в объёмности той мысли, которая рождается из течения стиха», – ещё один формальный признак, отмеченный критиком И.Матвеевой в статье «Соименник сердца». Тема и сюжет в «Патрицианке» не

исчезают, но становятся менее конкретными, а, главное, сквозными, соединяя стихи книги одним лирическим героем – странствующим Одиссеем: архетипический образ для любого настоящего творца («Жить упованьем, что жизнь это топливо для /Фантасмагорий Гомера»), у Н.Шамсутдинова насыщается интенсивной личной образностью и питается личной эмоциональностью, подлинными переживаниями, настоящей лирикой...

Один из неизменных героев его – Одиссей, по О.Мандельштаму, «пространством и временем полный...», Одиссей Н.Шамсутдинова «в дощатой скорлупке, ведомый Афиной/ на дымок очага, нетерпением полн,/ с приближением к Итаке...». А Пенелопа верна и таит тихую боль любви «под скрипучее бденье/ткацкого, в узловатых морщинах, станка». Одиссей Н.Шамсутдинова – ещё имеет и свои особые черты: протест против опошления жизненных смыслов, восприятие такого снижения трагически: «Осточертев, при внешней безучастности, /Тем откровенней, то бишь тем честней, /Суть люда – в разделившем участь частности/ При общем разложенье духа...». Разложению духа можно противопоставить только лишь гармонию, рождающуюся из единения человека с человеком, человека с Природой, человека с Космосом, то есть, по сути, путь к гармонии есть первый шаг на духовном пути к Богу. А иначе – падение и дорога к Апокалипсису:

...Трубную весть органа
из глубин подаёт нам субстанция Иоганна
Себастьяна Баха, не требующая иных
сфер. Но, под ламентации о прозябанье пошлом
и грядущем коллапсе, в его посвежевшем прошлом –
наше будущее?!

Вспомним же В. Шкловского: «Литература не рояльна, а органа, – звук продолжается». Стихи Н. Шамсутдинова, с

одной стороны, сигнализируют о дне нынешнем, с другой – заключают его в мифологическое кольцо вечности:

Под ропот листвы неизменных плакучих аллей,
Застиранных вечным ненастьем, с рефлексией скифа,
Закроешь глаза и откроешь их, медленный, с ней –
По разные стороны времени, жизни и мифа.

Именно так: «По разные стороны времени, жизни и мифа» – ибо настоящий поэт – «ретранслятор трансцендентного» и «толмач его»... Читая «Патрицианку» Николая Шамсутдинова, невольно пытаешься понять причину радикальной метаморфозы его поэтики, и приходишь к выводу: не столько тотальные социальные перемены изменили духовную и профессиональную сущность поэта, сколько движение его души, получившей, благодаря социальным переменам, «грант свободы». Движение – к совершенству, ибо в его основе – настоятельная потребность искать и – находить ту единственную, сокровенную поэтическую ноту, в тон которой человеческая душа начинает резонировать:

...дай мне отдохновенья, вдохновение,
от неусыпных милостей твоих...
Тогда уже и спросится сторицею
за камерное бдение вдвоём
со страницей по вечности, страницей,
с которой на два голоса поём...

Мария Бушуева, Москва

(Статья в сокращении выходила в Литературной газете №14 от 08.04.2020, ссылка:
<https://lgz.ru/article/-14-6732-08-04-2020/po-raznye-storony-mifa/>)

Мария Бушуева (Китаева) – прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе романов «Отчий сад», «Лев, глотающий солнце», «Рудник», «Проекции» (издан как «Демон и Димон»), а также множества публикаций в толстых и сетевых журналах. Автор известной специалистам монографии «Женитьба» Гоголя и АБСУРД» (ГИТИС). По первой профессии – психолог.

Великая Говорунья в поэзии Николая Шамсутдинова

*Как бы не скрипки, кабы не всхлип виолончели,
мы бы совсем оскотинились, мы б осволочили...*

Лев Лосев

В ту зиму, когда я открыла впервые стихотворения **Николая Шамсутдинова**, я вдребезги разбила лоб о величавые строки Великой Говоруньи, Его Поэзии, в которой тысячи раз умирала душа **гиперборея**, но всегда находила силы, чтобы жить и радоваться.

*С каменистой тропы,
ускользающей из-под ног прямо в пропасть,
паденье у кромки её – бросок Духа к истине...*

Н. Шамсутдинов

В какой-то момент мне показалось, что стихи Николая Шамсутдинова – нарочитая интеллектуальная вывернутость, создающая напряжение. И я решила пройти мимо. Но оказалось, что и захочешь пройти мимо, а не можешь... Дерзкая смесь тонкой стилистики, работы интеллекта уже не отпускала меня.

Я читала и понимала, что всё, о чём рассказывает, шепчет, поёт поэт – всё о счастье как радости духовной жизни. Ибо каждой он строкой утверждал: счастье происходит только в качестве вознаграждения за полезную работу интеллекта, не о счастье как физиологически невозможном, которое грозит гибелью человечеству, но о вызывании и продлении этих минут – вот самое ценное, что приобрела я, слушая эту Великую Говорунью, Поэзию Шамси.

Пространство стихотворения, поэмы становится пространством столкновения идей, предупреждающих меня о повреждении естества ложью, о вреде усвоения лжи, принятой за истину, о том, что в состоянии прелести

человечество легко принимает ложь, самообман, гордыню, мнение о собственном достоинстве. Каждое слово, из которого поэт ткёт текст, несёт не только информативную нагрузку, но и психологическую. Сопрягая мысль и чувство, Николай Шамсутдинов превращает мгновение в **вечность**.

Мир им воспринимается через увеличительное стекло филологии, которое позволяет наблюдать подробности жизни ума и сердца, разглядывать отдалённые во времени объекты.

Изящное мастерство словесной игры, в которую вовлекаются звуки, буквы, образы, символы культуры, разнообразные стили речи производят сильное впечатление, несомненно преобразующее читателя. Каждое слово в стихотворении оказывается на перекрёстке нескольких образов, тем, аллюзий.

И читатель совершает прогулку по всему кругозору искусства: античности, литературы, музыки, живописи, философии, становясь участником яркого карнавала, на котором торжествует цитатная оргия, на котором рядом с полонезом Шопена звучит симфония Брамса, на котором рядом с нами – Одиссей и Гомер, Ахилл и Гермес, Офелия и Ибсен, Пресли и Улисс, Фрейд и Психея, Вакх и Шекспир, Овидий и Харон, Данте и Шагал, Цельсий и Катулл, Апулей и Уитмен... Корделия, Гораций, Амур, Ксантиппа, Гера и Язон, Медея и Агарь.

Свободное говорение на языке научных формул, культуры разных эпох и на языке Поэзии. Границы Прекрасного существуют, культура слова заставляет охранять эти границы. И захватывает дыхание от калейдоскопа манер, методов, в которых слово, трансформируясь, рассыпаясь на составные, прячется и мелькая, вступает в неожиданные связи и сверкает способностью быть живым и наполненным энергией.

Люди думают и чувствуют то, что было уже продумано и прочувствовано. Не всякий мыслитель

творчества, неуёмного и одержимого! Возможно, связанного в воображении с контактами с Музой (Женщиной!)». Конец цитаты. Что же перед нами?

В. Набоков так определял поток сознания: «Человек не всегда мыслит словами, он мыслит и образами, в то время, как техника потока сознания предполагает лишь течение слов, которые могут быть записаны».

Это не поток сознания, не словесная стенограмма психических реакций. Внутренний монолог? Но он родственен потоку сознания. Значит, это не внутренний монолог.

Думаю, это особо выстроенный смысл с рифмой, а значит, – это произведение, представляющее философское рассуждение, причём не о процессе творчества, вернее, не только о нём, и более того, главное – не о нём. Творчество второстепенно в данном тексте. Главное, на мой взгляд, это трагическое восприятие прощания человека с Весной Жизни, переход на ступень, которая называется старость:

Время поздних свиданий захлопнул, даже одержимый тобой (Весной!).

Поиск сути... чего? Жизни? Творчества? Всего четыре строфы. Сакральный смысл цифры четыре означает абсолютное всемогущество. То есть, суть, которая раскрыта автором, – сурова, сильна, целостна, тверда. Кроме того, четыре – число тела. Оно правит всем, оно – тело, которое состарилось. Первая строфа – из пяти строк. Пять – число страха. Первая и третья строфы состоят из пяти строк, и именно оттуда рождается дрожь, которую испытываю, читая. Строфы – источник понимания сути, которую выводит автор.

Что даёт первая строфа? Есть она, обозначенная кратким страдательным причастием – «уловима», признак предмета, который испытывает действие со стороны другого предмета. Уловима кем-то. Героем стихотворения. Уловима звуками. Он слышит её. Есть время действия – апрель. Весна. Молодость. Творческое и духовное

обновление, возрождение Жизни и Красоты. Есть сквозняки – потоки воздуха в замкнутом пространстве. Сквозняк изменяет человека до неузнаваемости. Он – причина болезней. Защиты от Холода нет. Но для человека – не для Весны! Потому вопреки... Есть пространство – предместье, дома в дерматите, – воспаления из-за неблагоприятных факторов: стрессы. Домá, как живые существа, подвержены старости и болезням. Исток и отражение – в слове сквозняк и – причина.

В третьей строфе отразится дверь как граница между внешним и внутренним, как элемент пространства Дома, Земли, Души. Есть Черновики, в четвёртой строфе они превратятся в Сонет (отражение). Творчество. Герой – поэт. Черновики продрогшие – промёрзшие, оледеневшие, прозябшие, они без Любви. Они – Холод. Даже Весна продлевают это состояние отсутствия Любви. Зафиксировал чувства героя – Холод в Душе. Все эти впечатления нанизаны на единственный глагол строфы – проходишь – второе лицо ед. числа – Ты. Весна, уловима в звуках и продлевающая Холод. И ни радости, ни обновления, ни торжества Весна не дарит Поэту. Итак, главное чувство – Холод Души, причина – в отсутствии Любви. Весна, несущая любовь всему живому. Проходишь – направление в движении – мимо. Проходишь – ты – она – Весна. Многоточие. Недосказано. Не хватило сил поставить точку и завершить мысль? Оборвана нить печали и холода.

И вторая строка начинается с противительного союза «но». Он будет возражать и противиться, зеркалиться и в третьей строфе. Два раза. Организация структуры стихотворения – пять строк, четыре строки, пять строк, четыре строки. Из нечетного чётное, из страха – в гармоническую пропорцию. Архитектурная структура с математической точностью отражает душевное колебание героя. Чему противопоставляется Холод? Счастью и нежности Весны-Женщины. Шамси не называет её, но это

Она-Весна, а вот теперь называет её во второй строфе – Хозяйка обветренных мест – и дробление кадра: Щека – Жест – Ладонь. Видишь подробные детали, как дома в подробной лепнине. И отмечаешь тонкости: жест угловат, ладонь загорелая. Мощный глагол, единственный в строфе – зарделась (щека). Уточняешь время – апрель – заря. **Восход, рождение солнца!** Весна в ладах со средой (мозг аналитика), в соседстве окрестных божеств. Она в ладах, она в соседстве. И так говорит герой потому, что Холод в душе. Это он диктует: среда, соседство. Слышу: клокочет эмоция. Солнце – символ власти, оно дарит жизнь и тепло!

И с ним Хозяйка, но не я!

Море – Вечность, Великая Матерь растворяет, уничтожает, смывает и восстанавливает. Из моря рождается Солнце. В море умирает. И это Весна с божеством, но не я. Песок – время, нестабильность, непостоянство, смерть. Она в ладах, но не я.

Третья строфа – из пяти строк. Центр – в глаголе «захлопнул – стремительно закрыл». Без обдумывания. И это не дверь, это Время поздних свиданий. Всё – путь любви перекрыт. Строптив, упрям, своенравен. За собой захлопнул. Неподнадзорной весной – кем не осуществляется надзор? (поздние свидания, гулянки, танцы, кино) – и улыбаюсь, впервые за время чтения, конечно, не прокурорский надзор.

Вот появляется герой – Я. Я захлопнул за собой. Помрачение стоков – зеркальное отражение в четвёртой строфе – потоки. В помрачении – сознания, затмении, в трансе, в одури, дезориентирован в пространстве и времени – вот эти потоки, перемещение воды – мысли, чувства. Заклиниваемые судьбой – и только признак по действию. Свершил действие, рискуя покоем, одержимый тобой – весной. И, может быть, это женщина – мелькнула и затерялась моя случайная мысль. Но если это и женщина, то имя её – Весна. И это прощание с ней.

Четвертая строфа – из четырёх строк. Непоколебимая жизненная позиция – ещё один из смыслов числа. И впрямь, она начинается: И шагнул. Я шагнул... Сначала захлопнул за собой Время поздних свиданий, Время Любви. Неожиданный поворот – обираемый поздней нежностью. Никогда не встречала я нежность, которая бы отнимала, я не знаю такой нежности. Нежность только одаривает. И только бы со мной не случилось этого... Обираемый кем? Поздней Нежностью. Может быть, я ошиблась?

Шагнул в Дождь, который с небес льётся, как свет струится, шагнул в Жизнь, в очищение. Дождь – щедрость богов. Он оплодотворяет землю. Он – Капли истины. Действия так насыщены – я шагнул, не уверен – второе лицо единственного числа. Обращение к себе – перельёшь ли, чтоб вывести суть... недосказал, оборвал мысль. Вопрос отсутствует – значит, это область познанного, а частица «ли» лишь вселяет возможность.

Гениален эффект отражения – в первой строке – проходишь (ты – Весна, молодость, любовь, жизнь) в последней строфе – перельёшь ли (капли истины в сонет). Истяжая перо. Истяжая – жестоко мучая, вымогая, вымучивая зверски, издеваясь, причиняя страдания... И страшны эти адовы муки пера ради капель истины, которая льётся дождём. И я уже в золотом дожде Данаи... Вывести суть. Неужто она в мучениях и истязаниях пера и тела?

Движение: Весна – Я – Неизвестность. Весна проходит. Я захлопнул и шагнул. Неизвестность саднит. Зудит, царапает, раздражает... Болезненное ощущение. Не освободил сердце от печали... Несвободен.

И по цели высказывания предложение должно быть вопросительным, то есть, очертить круг непознанного – откуда ты (Весна)? (Отлетевшая – ушедшая), подаёшь то смирение, то дрожь. Почему автор не поставил вопрос, а поставил точку. Если точка, то знает ответ: откуда. И он – в

смирении. А смирение – это и кротость, и миролюбие, и доброжелательность, и прощение, и любовь. То дрожь – всегда означает сбой в организме... при встрече с ней – с любовью, с женщиной, с Весной. Перелил потоки в два катрена...

Ты, Весна, проходишь – ты, Весна, подаешь. Разве это не суть? Любовь защищает от старости.

И я вздрогнула: Шамси ни словом не обмолвился о ней, о старости, только захлопнул не дверь, а время поздних свиданий.

И в этом «поздних» – не время ночи, но время жизни... и только в этом времени знаешь все ответы. Вот почему нет вопроса...

Смирение. А если в сердце смирение, то оно непременно приведёт человека к благодати, к любви, к состраданию.

И читатель преображается, озаряясь светом истины, пережитой при чтении...

Любое поэтическое сообщение – сообщение о словах. О чём бы ни говорил, о чём бы ни думал – о Боге ли, о Любви ли, о мужчине ли, о женщине ли – поэт всегда сосредоточен в рефлексии над словом, грамматической формой, строением фразы, логикой формирования значения, поведением слова в изменяющемся мире.

Поэзия Николая Шамсутдинова прекрасна «не потому, что это стихотворение и ошибок нет, это прекрасно потому, что это сказал поэт» /Д. Пригов/.

Анастасия Быстрова, Харьков

Анастасия Александровна Быстрова – литературный критик, литературовед по Германике (занимается литературой, посвященной Германии), кандидат филологических наук.

Поэт «ночного зрения»

Если попытаться оценить поэзию Николая Шамсутдинова в соответствии с определениями, предлагавшимися ещё Дмитрием Мережковским (в наше время эту же концепцию попыталась развить на страницах журнала «Дружба народов» московская поэтесса Нина Габриэлян), то он – поэт ярко выраженного «ночного зрения», тяготеющий к анализу дискомфортных и драматических состояний бытия. Не случайно писатель так чуток к таинственному, тревожному обаянию ночи:

Ночь дала трещину света...
...Ночь, эта сводня, верней, поводырь порока,
Влечёт дорогой, не ведающей порога,
Где б отдышаться...

В стихотворении «Утренний рассказ» Николай Шамсутдинов прямо признаётся, что ночь для него – постоянный источник творческого вдохновения.

Гаснет светоносное перо –
Утро содержанье обрело...

Уже последовательная нелюбовь к утру с его трезвым, лишаящим ночных иллюзий холодным светом ощущима и в раннем стихотворении 1980 года:

Заря – уймись! – размолвкой ограблена.

Эстетское любование пьянящей красотой ночи заметно в стихах, написанных четырнадцать лет спустя:

Ночь, прошитая пирсами... На уснувшей
Влажной скатерке – соль Аттики...

На воде ни ряби –
Мерное море ушло в созерцание флирта
Меж полунощницей и гедонистом в шляпе
От Сальваторе...

Пройдёт ещё четыре года, и вновь в поэзии Николая Шамсутдинова возникнет драматический образ, способный всерьёз взволновать чуткого к поэтическому слову читателя:

Ночь загостилась во мне, только, чем ни жертвуй
Розе прогнозов, – с барометром в помраченье,
Жар, обирающий кровь, собирает жатву
В зимних кварталах, сползающих в ад...
В теченье
Ночи, пустой и конечной в итоге, сколько
Ни изощрайся, тщете подбирая имя,
Стужа хрустит хрупким хворостом хворей...

Кто ещё, кроме Николая Шамсутдинова, из современных стихотворцев осмелится столь виртуозно обыгрывать в лирическом стихотворении скомпрометированный в массовом, обыденном сознании звук «х». Вновь ощутимы талантливо усвоенные писателем уроки Бориса Пастернака, под пером которого поэтически-возвышенным становился даже неуклюже-шипящий звук «ш», высмеиваемый ещё Ломоносовым: «Весною слышен шорох снов и шелест новостей и истин...».

Помня о пастернаковской шелестящей звукописи, ласкающем «с» из цикла «К Елене» («Ты из семьи таких основ, твой смысл, как воздух, бескорыстен...»), писатель завершает одно из «осенних» стихотворений 1995 года певучим трёхстишием, в котором столь же вызывающе лидирует «с»:

...Лист... солируя под ногами,
В сон оседает, и тем беспризорней осень
Наших свиданий, снедаемая снегами...

Николай Шамсутдинов, наверное, единственный поэт в современной российской литературе, в чьей книге мы одновременно можем встретить обращение к сборнику стихов Беллы Ахмадулиной «Сад» («Вот книга – мною

допита, и я / Целую негасимую страницу...») и уважительный эпитафия из стихотворений Станислава Куняева («Сквозь слёзы на глазах...»). При этом писатель относится к творчеству столичных коллег достаточно объективно: в книге пародий, в разделе «И нечем мне тебя любить», он поместил пародии на неудачные строки всё тех же Б. Ахмадулиной и С. Куняева.

Для большинства наших современников Белла Ахатовна и Станислав Юрьевич – литературные антиподы, но по иронии судьбы в каждом из них течёт и восточная кровь, эти талантливые люди посвятили себя служению русской литературе, и Николай Шамсутдинов, сознательно дистанцируясь от околослитературных разборок, стремится соединить хотя бы на страницах собственной книги беспощадно разрываемую идеологами на куски живую плоть современной культуры.

Лола Звонарёва, Москва

Лола Уткировна Звонарёва (род. 28 июля 1957, Москва) – российский литературовед (кандидат филологических наук), критик, историк (доктор исторических наук, академик РАЕН и ПАНИ), искусствовед, главный редактор международного альманаха «Литературные знакомства», директор, председатель попечительского совета и создатель альманаха «Серебряные сверчки». Член редколлегии журналов «Slavica orientalne» (Торунь, Польша), «Вышгород» Таллинн, «Путеводная звезда. Школьное чтение» (Москва), еженедельника «Русская Америка» (Нью-Йорк), международных литературных альманахов «Рукопись» (Ростов-на-Дону) и «Муза» (Москва), член литературного клуба при альманахе «Московский Парнас».

Автор пятнадцати книг и более шестисот статей по вопросам истории культуры, изобразительного искусства, книжной графики, детского творчества, современной литературы, социальной педагогики. Статьи переводились на болгарский, белорусский, украинский, арабский, немецкий, английский, польский, румынский, китайский, голландский и узбекский языки. Участник и организатор международных и всероссийских конференций, а также образовательных чтений в Варшаве, Гданьске (Польша), Варне, Шумене (Болгария), Дженовичи (Черногория).

К портрету поэта Николая Шамсутдинова

Наследие любого поэта, творившего ранее, или пишущего сейчас, определяется оригинальностью. Оригинальностью его стиля, образной системы, содержания, неизбежной сопричастностью действующему времени. В нашу эпоху – эпоху постмодернизма (некоторые ученые называют начало XXI века постмодернизмом, хотя в данном случае есть вероятность поспорить!) – быть поэтом является особым предназначением. Не быть ни на кого похожим, стремиться к яркой индивидуальности – залог будущности! Залог того, что ты останешься в истории развития поэтического искусства! Это очень большая редкость, поскольку не каждый поэт способен на это, способен «сделать себя» не похожим на других, явиться исключительной единицей не только собственного мировосприятия, но и в воссоздании, в общем мышлении современного общества!

Веду речь о замечательной индивидуальности – поэте Николае Шамсутдинове, чья творческая деятельность началась довольно давно (р. 1949), но чья генетическая обособленность является на протяжении долгого времени уникальной и оригинальной. Несмотря на то, что, на мой личный взгляд, в его наследии «переплетены» наилучшие, наиважнейшие концепты разных стилистических литературных направлений – дадаизма, сюрреализма, романтизма, постмодернизма – Николай Миркамалович обладает личностной субординацией и воплощает в своих стихотворениях те образы и концепты, которые автору наиболее близки, важны, отчетливы... В своих стихотворениях автор поднимает проблемы Человека как живого организма со свойственными ему слабостями и сильными чертами характера. Даже образы природы отображают чувства и настроения Человека. Всё

творчество поэта Шамсутдинова общечеловечно; все наследие Николая Миркамаловича можно считать общечеловеческим, даже вселенским. Считаю оригинальность творческого стиля наиболее важной константой творческого почерка поэта.

Хотелось бы привести в пример стихотворение «...Навёрстывая в парадоксах, февраль...»:

Навёрстывая в парадоксах, февраль
не входит в подробности связей, лунатик,
пока, полуночник, одышлив мистраль
и, судя по сухости связок, астматик...
Галлюциногенная, отворена
депрессия и в её, скудная, власти,
жизнь, будущий тлен, одухотворена
слияньем корчюемых корчами – в страсти.

При виде их, как ни приязнен уют,
теряется, взор отводя, добродетель,
чьи доводы – двое помешанных бьют
пневматикой энтузиазма... Свидетель
языческих игрищ, при взгляде на рейд,
со встречною нимфою перемигнувшись,
интонационен в молчании Фрейд,
с минувшим ироника не разминувшись...

Незыблема, вне декоративных тенёт,
уютная углость каюты... В морозах,
кого ж грозowymi разрядами бьёт?
Воистину фурию – в метаморфозах
замужества. Неутолимое, врозь
с пресыщенностью, будучи терпеливой,
здесь бдит сладострастие, что родилось
допрешь её, женщины, кроткой в счастливой
усталости. Не посвящая в своё
провидение, данная в волапюке
судьба принимает, ведунья, её
же сторону, словно беря на поруки...

В полемике с приоритетами, днесь
любовь дарит, не признавая вакаций,
им – негу, покой, насыщение – весь
набор приручаемых ассоциаций...

Для большинства людей февраль практически всегда таков – галлюциногенная депрессия в феврале-лунатике... И даже «корчущая корчами» страсть ничем не одухотворена. Я, например, люблю зиму, но иную... Свою... Собственную... В этом, 2021 году, ко мне не пришедшую... Почему-то... А вот почему – вопрос... И даже с иронией ироника не разминутся... О З. Фрейде забываешь... Очень близко то, что именно только в волапюке судьба и принимает сейчас (думаю, что не только меня!), а данный лично мне набор приручаемых ассоциаций не «срабатывает» почему-то... Опять это почему-то... Почему же? Наверное, время такое! Очень привлекают смыслы, идея, образы стихотворения, напомнившие «отголоски» сюрреалистических поэтических экспериментов П. Пикабиа, Т. Тцары, «мотивы» З. Фрейда! Ну и, конечно же, излюбленное постмодернистское написание самого стихотворения, предполагающее нерифмованность, а словотворчество и очень притягательное свободомыслие, что, безусловно, привлекает особое внимание и тяготеет к яркой оригинальности.

«Игры» с сюрреализмом кажутся специфичными в творчестве Николая Миркамаловича. Приведу в пример ещё одно стихотворение – «Не грехи отрешением от мелочей...»:

Не грехи отрешением от мелочей – за спиной
У любви, что дерзит обыденщине, на полпути
К отемненью ума... Под заносами снов, дубликат
Преисподней – предместье, взбивающее вороньё
Над промозглыми кровлями,
всё сокрушительней в них,
Мелочах... Бездна без содержания, замкнут в себе

День мой, что, в расслоении слова, заждался меня,
Как этюдник – колодника, как подмастерья – верстак,
Задубев. И порой ничего прозорливее нет
Слепоты ясновидца, что перенимает черты
Пестуна... Я не помню, преследуем слякотью, чем
Я живу и, с заочною родиной в горних, зачем.
В безразличье, не пылкое лето – глухая зима
На душе; и хандра, что идёт, посвежевшая, в рост,
В скопище лит. Скопцов, обирающих жизнь, – не даёт
Отдышаться, как ни увлекаем в тщету,... от себя...
Отступающий в неврастению, как в нишу, – глаза
Прикрывает, брюзга, и в лицо ортодокса в упор
Неотрывно глядит, словно тянется ввысь, озерцо
Из студеного сна, что слезинка пространство, свежо...
Обращая к себе, сокрушительнее тишина
Из окна, и дороже, в её модуляциях, нет,
Чем приветить приветные в ней проливные черты
Неизменной предстательницы за любого из нас.

Да, уважаемый Николай Миркамалович, предстоит полюбить нам всем...

Читая это стихотворение первый раз, погружаешься в такую, казалось бы, «пасторальную негу». Этому способствует очень скрупулезно продуманное «переплетение» слов, нестандартные переносы смыслов и окончаний фраз с одной строчки на другую (поэтому, конечно же, данное произведение по одной строчке читать просто нельзя – теряются великие смыслы!). Именно по этой причине стихотворение несколько (не говорю об этом категорично и уповаю только на своё осмысление) напоминает лоркиевскую поэзию, которая во многих случаях также нестандартно «сплетена» (вспомнить хотя бы его «Ночь четырех Лун»), а также поэзию некоторых сюрреалистов. В произведении Николая Миркамаловича вновь есть аллюзии на сюрреализм (затрагивается тема сна, ясновидцев, да и картина, сопровождающая стихотворение, отсылает

читателя к упомянутому мной стилистическому направлению). Однако, чем больше погружаешься в эту самую «негу», тем больше становятся явными очень важные метафоры и глобальные мысли, ведущие цепочку к абсолютной индивидуальности. Весьма «хрупки» и проникновенны описываемые образы, живописуемые словно кистью художника. А как иначе – ошутима рука Мастера! Великолепное стихотворение, поражающее при чтении своими многочисленными контекстами!

В данном аспекте необходимо упомянуть о полистилистике автора, проявляющейся в сочетании нескольких стилей в одном художественном произведении. Приведу в пример следующее стихотворение:

Оснащаем, как всё, безысходными снами,
С освоением в осени, замкнутой с вами,
Жизнерадостней днями, в стенаниях бравых,
Солипсизм солевых отложений в суставах...
Отвлечение – в детстве, по зрелости – бремя,
Время – угол, снимаемый вами на время
Жизни, в чьей метафизике, комкая листья,
Ливень выклевал редкие окна предместья.
Что есть красноречивей безвестности? Разом
Рвущий с дикой реальностью, в паузах, «разум
стал предметом насмешек...». Забудьте обиду
На сарказм, vis-à-vis, следуя Фукидиду
В равнодушии к сущему, чье назначенье –
Отучить, в наважденье реального, зренье
От осмеянной зоркости: жизнь в камуфляже –
Органичней, чем осень, в плаксивом пейзаже.
Конденсатор контрастов, умозрительней особь,
Увлекающая, как внезапная осыпь,
В ирреальное, где то ли был, то ли не был,
И прогорклая явь, в лучшем случае, – небыль...
Холод выхолостил суть стенаний, и, тучно
Поднимаясь, скрипишь, с отвращеньем к тому, что

(несмотря на избыток в оконницах света...)

Предстоит полюбить, невзирая на это.

Эту Осень, эту атмосферу – кому-то чуждую, кому-то – близкую... Очень понравилось обращение к сюрреализму, заявленному сразу в первой строчке («Оснащаем, как всё, безысходными снами») и продолженному далее. Апофеозом сюрреалистических тенденций, безусловно, является фраза: «В ирреальное, где то ли был, то ли не был, / И прогорклая явь, в лучшем случае, – небыль...». Близка она эстетике и стихотворениям Л. Арагона (хотя его считают зачинателем более дадаизма, нежели сюрреализма, но, все же...)! Философия, рассматривающая Природу и ее взаимодействие с человеком, достаточно близка и в этом взаимодействующем «контексте» необходимо поздравить автора с прекрасным стихотворением, очень богатым разными смыслами, мыслями и даже отсылками к другим авторам (интертекстуальность, конечно, тоже налицо), которые, как в любой полистилистике, «накладывают» смысл на смысл.

Таким образом, можно однозначно констатировать, что творческое наследие поэта Николая Шамсутдинова полистилистично, является отражением постмодернистских течений, свойственных современному обществу. Уже на данном этапе можно справедливо указать на то, что его творчество не только достойно внимания, но и входит в мировую классическую поэтическую элиту, в которой каждое стихотворение-произведение – есть уникальный образец искусства и становится образцом яркого поэтического дарования!

Владислав Петров, Астрахань

Владислав Олегович Петров – доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории музыки Астраханской государственной консерватории, член корреспондент РАЕ, член Международного союза писателей (СПСА, Канада).

«Гиперборей» как отражение личности создателя

Ранее на страницах альманаха уже говорилось о том, что именно побудило его создателя, куратора проекта, дать такое название литературно-художественному изданию. Читатели познакомились с античной легендой о Гиперборее, знают, что эта удивительная страна находится где-то далеко на севере. И всё же сегодня, спустя три года, на мой взгляд, есть необходимость снова обратиться к этому звучному слову, посмотреть на него в ином ракурсе, поскольку недавно мы отмечали 30-летие Союза российских писателей, а нам предстоит ещё, персональный, славный юбилей – 40-летие профессионального стажа как члена Союза писателей СССР замечательного основателя альманаха, Мастера русской словесности, советского и российского писателя – Николая Миркамаловича Шамсутдинова.

Итак, «Гиперборей» – это сложное слово, состоящее из двух греческих слов: «гипер», что означает «выше», «превыше» и «борей» – «ветер». В греческой мифологии Борей – это бог северного ветра. Место его обитания – Фракия, где царят холод и мрак. Страна Гиперборей находится «за Бореем», то есть на Крайнем Севере. А это в свою очередь означает, что гиперборейи, населяющие её, были особым народом, превосходящим даже бога Борейя.

По первоначальному замыслу авторский коллектив альманаха должен был иметь некие пространственные границы, условные, конечно, территориальные рамки, обозначенные пределами Тюменской области, где в основном и проживают члены Тюменской региональной организации Союза российских писателей: поэты, прозаики, публицисты, сатирики, переводчики, критики.

Но с каждым номером эти границы расширялись и становились всё более условными. Масштаб личности Николая Миркамаловича их легко преодолел. Его талант и

авторитет среди литераторов ближнего и дальнего зарубежья, оригинальность нового издательского проекта сделали своё дело – в «Гиперборее» желают опубликовать свои произведения многие известные писатели, деятели культуры и искусства. Сегодня география тех мест, откуда поступают творческие работы, впечатляет: Монреаль, Париж, Фракфурт-на-Майне, Мюнхен, Кишинёв, Тбилиси, Иерусалим, Хайфа и др. И, конечно же, радует то обстоятельство, что в альманахе представлены авторы не только из Тюменской области, но и других городов нашей страны: Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Сочи, Астрахани, Краснодара, Казани, Курска, Пензы, Барнаула...

В структуре альманаха несколько рубрик с названиями из уникальных цитат самого известного русского писателя А.С. Пушкина: «Минута – и стихи свободно потекут», «О чём, прозаик, ты хлопчешь?», «Откуда ты, прекрасное дитя?», «О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!», «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Первая рубрика альманаха, в которой обычно помещаются критические статьи, так и называется – «Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы».

В этих рубриках реализуется жанровое многообразие альманаха: эссе, публицистика, искусствоведческие и литературоведческие статьи, документально-мемуарная и художественная проза сменяются лирическим монологом, философскими размышлениями, очерки – новеллами, а притчи – сказками. Поэтическая палитра «Гиперборея» не уступает прозе в разнообразии. Классическая (неумирающая!) лирика, стихи любовные и пафосные, исповедальные и выражающие философское кредо автора; содержательные, исполненные протеста; стихи, в которых звучит гимн природе и торжеству жизни; венки сонетов и верлибры; эпиграммы и басни, новые поэтические направления, поэзия авангарда и стихи для детей. Рубрика «И назовёт меня всяк сущий в ней язык» знакомит

читателя с новыми именами национальных писателей России, в частности, через литературно-художественные переводы Николая Миркамаловича Шамсутдинова с коренных языков младописьменных народов Севера и Сибири: хантыйского, мансийского, татарского, чеченского на русский.

За три года существования альманаха могучий многогранный талант его основателя Николая Миркамаловича Шамсутдинова – поэта, прозаика, публициста, сатирика, переводчика – ярко проявился во всех жанрах, ему подвластно всё. Вызывают чувство восхищения и его поэтические творения, и проза.

«Гиперборею» как произведению искусства присуща полифункциональность. При этом альманах прежде всего – искусство слова, а также особый вид прикладного искусства – полиграфического, поскольку немаловажную роль имеет дизайн, оформление обложки репродукциями картин, цвет и качество шрифта и даже определённый сорт бумаги.

Коммуникативная функция как средство общения в полной мере реализуется в литературно-художественном альманахе. Роскошь общения – его неотъемлемая составляющая. Сначала мы читаем произведения разных авторов, проникаемся их мыслями и чувствами, разделяя их беды и радости на расстоянии. Потом встречаемся на презентациях нового номера «Гиперборея», закрепляем знакомство лично, вместе участвуем в обсуждении публикаций, приобретаем единомышленников и новых сподвижников альманаха.

Советский учёный, знаток античной культуры А.Ф.Лосев отмечал в своих трудах, что мудрецы и служители Аполлона, выходцы из страны Гипербореи, обучают и наделяют людей новыми культурными ценностями (музыкой, философией, искусством создания поэм, гимнов). Сегодня альманах «Гиперборей» – это своеобразный универсальный учебник для начинающих

литераторов. Молодые авторы, знакомясь с лучшими образцами современной русской словесности, постигают азы искусства владения словом. Произведения известных профессиональных литераторов, опубликованные в альманахе, – это ценнейший материал для литературной учёбы. В нашем случае *познавательная* функция приобретает дополнительное значение, включая *элементы учебно-образовательной функции...*

Мудрый учитель и наставник, Николай Миркамалович бывает строг и даже суров, анализируя творения молодых авторов. Но в то же время, видя искру таланта, он по-отечески снисходителен к начинающим поэтам, иной раз прощает несовершенство их стихов в надежде на то, что со временем они всему научатся, если, конечно, захотят.

Широчайший тематический диапазон «Гиперборея» поражает, перечисление всех тем в статье заняло бы много времени. Это поистине толстовский размах. Для примера: воспоминания о трагических событиях и ужасах войны, рассказ о том, как женщина рождает в роддоме, лирическая зарисовка о цветах на подоконнике, быль о мучительном пребывании в ковидном госпитале и возвращении к жизни, стихи о мужестве и нежности, стихи о страшном зле – наркомании, стихи и проза о братьях наших меньших – любимых нами зверушках, повествования о людях с доброй душой и чистым сердцем и о тех, кто преступил черту человечности... Тема детства с его радостями в стихах и в прозе. Вечная тема любви к великой Родине – России – и к малой родине, где-то затерявшейся в глубинке деревушке, тема трепетной первой юношеской любви и, наконец, тема любви к матери – всё это есть в «Гиперборее». Его тематическое богатство позволяет с уверенностью сказать, что альманах формирует нравственные ценности, влияет через примеры идеалов на читателей. Осуществляются, таким образом, *воспитательная и ценностно-ориентирующая функции.*

Хрупкая красота подснежника, красота гордого оленя, суровая красота тундры и сибирской тайги, красивые, сильные духом люди, живущие на прекрасной Богом данной земле, красота русского слова – всё это есть проявление *эстетической функции* «Гиперборея». Авторы альманаха своими чуткими сердцами воспринимают всё красивое, что затрагивает их души и вызывает творческое вдохновение, желание поделиться с читателями увиденной красотой.

А если гложет чувство неудовлетворённости? Затягивает болото бытовое? Или работа не даёт радости? Если, вообще, как-то неуютно, тоскливо на душе...

Поможет «Гиперборей»?.. Отвечаю: поможет. Нужно только вместе с кудесником слова Николаем Шамсутдиновым отправиться в Париж, прогуляться по его улочкам, «...потом в Люксембургском саду//спуститься к пруду и, у зыби,//забывшей себя, на виду,//...в полуденной лени своей,//...приватных кормить лебедей...». Уверяю вас – помогает. Ибо такова сила искусства, она имеет своё название – *компенсаторная функция*, восполняющая неудовлетворённость реальной жизнью. Там, в Париже, у пруда, отдохнувшая душа снова наполнится энергией, произойдёт чудо – компенсация утраченного.

Суть *гедонистической функции* заключается в том, что мы не просто получаем удовольствие или радость при чтении. Мы *наслаждаемся образами*, которые создают авторы, и тем, как они это делают, испытывая *наслаждение словом*. Высшая степень любви к слову, проникновение в его глубины, ощущение слова как живого организма, Божественного дара – свойство гедонистической функции. Важнейшая особенность альманаха заключается ещё и в том, что он воодушевляет авторов, побуждая к созданию новых произведений, вызывает стремление к совершенствованию.

«Гиперборей» подобен легендарной греческой Иппокрене. Возвращаясь к размышлениям о значении

слова «Гиперборей», снова задаюсь вопросом: наш альманах есть норма? Или всё же превышение нормы? И что такое «норма»? Мнений по этому поводу будет много, но я склоняюсь ко второму: издание альманаха «Гиперборей» – явление неординарное. Ведь далеко не каждый способен в 70 лет создать нечто новое, объёмное, масштабное, привлечь к своему детищу талантливых людей, организовать и сплотить их, чтобы они стали его единомышленниками, сподвижниками альманаха.

Издательский проект приобрёл почитателей далеко за пределами нашей страны. «Гиперборей» заметили, его по достоинству оценило мировое литературное сообщество, так гость альманаха Геннадий Норд, руководитель Союза писателей (Канада) в интервью австро-венгерской газете «Курьер» (Будапешт) подытожил: **«Николай Шамсутдинов – выдающийся поэт, достигший в своём творчестве высот классика русской и мировой литературы и достойный Нобелевской премии».** И совсем недавно (в феврале этого года) Международная академия литературы, искусства и коммуникации (Германия) за издательский проект «Литературно-художественный альманах «Гиперборей» удостоила академика Н.М. Шамсутдинова воистину знаковым званием «ТВОРЕЦ и ХРАНИТЕЛЬ»!

Уважаемый Николай Миркамалович!

От всей души поздравляю Вас со знаковой для Вас датой – 40-летием со дня вступления в Союз писателей СССР! Крепкого Вам здоровья и новых побед на литературном Олимпе. Благодарю Вас за приглашение принять участие в специальном выпуске альманаха «Гиперборей» – собирает друзей»; быть Вашим другом – большая честь для меня. Созданный Вами литературно-художественный альманах «Гиперборей» – это настоящая Иппокрена, источник вдохновения для многих и многих авторов, спасибо Вам за Ваш огромный труд и удивительный, многогранный талант.

Лариса Фёдоровна Карелина – поэт, прозаик, публицист, к.ф.н., член Международного союза писателей, академик Международной академии развития литературы и искусства (Канада)

Писать широко и открыто

Мне в жизни повезло. Повезло, что в 2001 году на литературном семинаре в Ханты-Мансийске на меня обратил внимание Николай Миркамалович Шамсутдинов и с того времени, можно сказать, взял под опеку, стал продвигать моё творчество. Этим можно гордиться, так как поддержка столь уникального поэта дорогого стоит.

На семинарах Шамсутдинов поражал меня тем, как быстро, на слух, схватывал суть стихотворения, оценивал и сразу же, на лету, предлагал молодым поэтам варианты, как можно улучшить их корявые строчки. Запомнилось такое. Я читаю своё стихотворение: «Тихо падают слова...», а Николай Миркамалович моментально исправляет: «ЗРЯШНО падают слова...!» И благодаря его подсказке моё стихотворение заиграло новыми красками.

На Всесибирском семинаре в Томске, куда меня направил Николай Шамутдинов в 2003 году, я почувствовала, с каким уважением, пиететом, относятся к моему руководителю другие известные российские поэты. На семинар «Сибирские Афины» съехалось тогда около сотни семинаристов (молодых писателей) и известные поэты, прозаики со всей России, начиная с Москвы, Петербурга, заканчивая Иркутском, Читой. Семинаристы из разных городов Сибири приезжали в основном со своими руководителями – членами Союзов писателей, то есть, молодые были, так сказать, под защитой своих руководителей. И поначалу на меня, не знакомую никому, приехавшую из небольшого рабочего города, смотрели равнодушно, как бы сквозь меня; я была всем чужой. Но вот один поинтересовался, кто меня направил. И как же резко изменилось всё для меня, когда я назвала фамилию Шамсутдинова. Изумление, восхищение, искренняя заинтересованность, вопросы, почему Николай сам не приехал в Томск. Я как бы попала в отблеск лучей славы поэта Николая Шамсутдинова и стала своей среди

избранных; некоторые из друзей Николая Миркамаловича стали и моими друзьями на долгие годы.

Общаясь с Николаем Миркамаловичем на литературных встречах в Ханты-Мансийске, в Муравленко, в Нижневартовске, в Мегионе, я всё больше и больше поражаюсь глубине его познаний, его энциклопедической эрудированности, способности вести беседы на любые темы. Задай вопрос об эллинах, о Нибелунгах, о скандинавском Одине и валькириях, о древнегреческой или римской поэзии – обо всём этом никто не мог рассказать лучше и точнее, чем Н. Шамсутдинов. А однажды на ужине, завершающем работу семинара, Николай Миркамалович неожиданно для всех запел, запел широко, раздольно; и опять мы были изумлены. С таким голосом он мог бы и на оперной сцене блистать!

Но он выбрал поэзию, в неё вкладывает свою душу, всю неукротимую энергию, все накопленные им знания о европейской поэзии, начиная со времен Эллады до современности, и о чарующей поэзии Востока от древних времён и до наших дней. И стал неповторимым! Давным-давно, в конце семидесятых Н. Шамсутдинов сказал, как бы давая обещание: «...И всё это властно зовёт /писать широко и открыто,/ как пишут тяжёлые крылья по небу суровых широт.»

На мой взгляд, Н. Шамсутдинов возвышается над современными поэтами, как мог бы возвышаться Эльбрус над небольшими уральскими вершинами, если б он находился рядом с Уральскими горами. В его стихах есть всё: и красота, многозначность образов, и богатство языка, и глубина, и мощная энергетика. Но исследованием его творчества пусть занимаются профессионалы, а я как читатель ими наслаждаюсь и черпаю в них энергию, жажду жизни.

Сердечно поздравляя председателя Правления Тюменского областного отделения Союза российских писателей Николая Миркамаловича с 40-летием писательского стажа, как члена Союза писателей СССР, РФ, я прикладываю стихотворение, одно из которых я читала на семинаре в Ханты-Мансийске в далёком 2001-ом...

Желаю дорогому в моей литературной судьбе человеку крепкого здоровья и счастья!

ОТСУТСТВИЕ ЛЮБВИ

Над нами нет любви,
И нет любви меж нами;
В разреженности чувств
не сыщешь доброты;
И тянет пустота
Стеклянными глазами
Из ослабевших душ
Последние мечты.
Средь хаоса хрипит
Простуженная вьюга.
Мы строим – на костях,
А хлеб наш – на крови.
Зверьми Он и Она
Вгрызаются друг в друга –
Клеймит, пытается страсть
В отсутствии Любви.
Из нас её никто не ведает,
Не знает,
Не помним, для чего
И праведно ль живём,
А если Бог средь нас
Родиться пожелает,
Фанаты –
Мы Его на части разорвём!

Пронзительный мотив,
Тревожнейшие были,
Как резали, секли,
Жгли кроткую любовь,
Но старую убив,
Замены не взрастили...
О, смилуйся, Господь,
И дай Любви нам вновь!
Незрячим не дано
Увидеть, что их гложет.
Во злобе ближних бьём,
Катаемся в пыли.
Как рыбу без воды,
Нас корчит и корёжит
До пены на губах
Отсутствие Любви.
Молю я о Любви,
Добре и Милосердии,
Вздыхают небеса печальные в ответ...
С наивнейшей зари,
Растерзанной в безверьи,
В ночные фонари
Стекает красный свет...

Елена Гостева, Мегион (ХМАО-Югра)

Елена Гостева – поэт, прозаик, публицист. Родилась в Вологодской области в 1961 г. Журналист, работала в городских и окружных СМИ. Участник II Всесибирского семинара молодых литераторов «Сибирские Афины» в Томске. Лауреат литературной премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа за лучшую дебютную поэтическую книгу 2006 года и книгу прозы 2018 года. Награждена за исторический роман «Стрекозка Горгона» медалью Ивана Вазова Международного союза писателей имени Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), медалью «Югра многолика». Член Союза российских писателей.

«Достоинство – последнее моё достояние»

Николай Шамсутдинов родился на Ямале, именовавшемся до недавних пор материком «белого забвения». Великая северная равнина, простирающаяся на долгие сотни, а то и тысячи верст, вплоть до океана, уже с раннего детства закладывала в нем метрическую размеренность его будущих произведений, с эпической мерностью повествующих о реалиях северной тундры и тайги.

Биографию едва ли не любого поэта, за редчайшим исключением, вполне уместно отождествлять (извините за тривиальность сравнения...) с традиционной травинкой, пробивающейся сквозь непременную коросту людской косности и ограниченности, не уступающей по крепости панцирю вечной мерзлоты, покрывающей северную землю...

И, в данном случае, стихи Николая Шамсутдинова с их фиксацией душевных состояний, переживаемых человеком, с полным основанием уместно уподобить своеобразной лирической кардиограмме, отражающей в своих пиках и западаниях бытийные и психологические перепады человеческого, нелегкого в критических ситуациях, бытия. Характер любого человека, а уж тем более человека, занимающегося творческим трудом, непосредственным образом проецируется на его судьбу. И вот ей-то, судьбе, и было угодно свести, нет! смешать в своеобразном поэтическом тигле тюркский холерический темперамент Николая Шамсутдинова – с чуткой ко всему живому, первозданностью дышащей субстанцией русского языка, который он в совершенстве постиг, так как служению этому феномену посвятил мастер более сорока лет интенсивной работы в отечественной словесности, до сих пор обогащая её своими произведениями, неожиданными и зачастую

парадоксальными, редкими образами, блистательными метафорами, отточенными эпитетами.

Этот удивительный симбиоз великого языка и сложной, щедрой на горькие потрясения и утраты судьбы дал, как это ни парадоксально, свои позитивные плоды, то бишь стихи и поэмы, вводящие читателя в атмосферу родного поэту уникального северного края, от лица которого Н. Шамсутдинов выступал в своих ранних, первых книгах «Выучиться ждать», «Прощание с юностью», «Лунная важенка», «Сургутский характер», «Лицо пространства»...

Да, самое начало творческого пути поэта отмечено такой поистине живодарящей мощью образов, раблезиански живописным изображением и северной природы, и недюжинных характеров северян, что эти родовые черты роднят его с поэзией великого Павла Васильева, которому впоследствии младший поэтический брат посвятит свой лирический цикл «Клятва на книге».

Николай Шамсутдинов творил свой предметный, абсолютно наглядный мир из реалий северного, трудно поддающегося постижению и воплощению в слове, бытия.

Загорел и скуласт,
В белоснежных, тугих торбасах...
Плотно солнце прижалось к сатиновой красной
рубаше.
Спит забытый кисет в волосатых, тяжелых руках,
Шитый ворот коробят лиловые, алые птахи.
Разметался мороз на окне...
Яркий жар очага.
Бесконечна, как эпос, великая зимняя тундра.
Мой старик ладит стол, спозаранку забив рогача,
Открывает застольем – полярное хилое утро...
/«Табунщик Микуль»/

И не расставайся Н.Шамсутдинов со своей, магистральной о ту пору, северной темой, это было бы

вполне и объяснимо, и оправдано сложностью и обширностью интенсивно разрабатываемого им материала, к осмыслению которого был он призван всем ходом событий едва ли не с «младых ногтей».

Недаром же под его пером возникали такие яркие, колоритные, с любовью и мастерством выписанные натуры «Поджигательницы Зинки», «Гулёны», «Табунщика Микуля», «Стармеха Соколова», авторской волей вовлечённых в силовое поле его творчества, в котором, вопреки постулату И. Ильина, герой не является «плоским, одномерным элементом авторской маски...», а становится выразителем авторского мировоззрения, его взгляда на мир и происходящее в нём...

Сибиряк по месту рождения, поэт открывался читателю и как сибиряк по месту приложения своего дарования, профессионального опыта, гражданского темперамента.

А что герой? Моих кровей –
Его тревоги, размышленья.
В нем черт моих – наперечет,
Я вижу: суть его – иная,
Хоть от судьбы моей – отсчет
Ведет судьба его, мужая,
Мою же душу, в свой черед,
В чужие страсти погружая...
/«Герой»/

Каждое стихотворение Н. Шамсутдинова тех пор следовало воспринимать как своеобразный портрет времени в контексте пристальных авторских пристрастий. И как техника портрета требует полноты психологической характеристики, так и стихи его, источники размышлений для читателей, были насыщены той неуловимой атмосферой сопричастности, сотворчества, того духовного собеседования, при которой художник освобождается от

суетной повседневности и обращается к вечному, сам порой о том не ведая.

Сибирь сегодня – больше, чем Сибирь.
Она встает, грядущего прообраз –
Не просто приручаемая ширь...
От полюса, студёная, стекая,
Она несет огни свои, завет
Веков минувших – будущим, крутая
И с молодой дерзостью в родстве...
/«Сибирский характер»/

Будучи в ранних стихах записным экстравертом, Николай Шамсутдинов, судя по стихам 90-х г.г. прошлого века и начального десятилетия века нынешнего, вполне естественным образом перетёк в полную свою противоположность, предъявив читателям одной из последних своих книг «Заветная беззаветность» черты натурального интроверта, сосредоточенного, прежде всего, на своём, сугубо внутреннем мире, обращенного на самого себя и подчеркнуто созерцательного – словом, такого непредсказуемого в прежнем певце тайги и тундры, в стихийной, эпической полифонии которых голос автора был своего рода лирическим фоном...

Человек, по утверждению его, – *«место встречи времени и пространства»*, передающего свою энергию языку людей, населяющих данный ареал. Вот и мой герой, вспоённый чистым, целебным воздухом северных просторов, при тогдашней, явно адамической, чистоте чувств и отношений, стечением обстоятельств оказался погруженным в урбанизированный, механистический мир, **доминантой бытия** в котором является вынужденное, доведенное порой до абсурда самоограничение, будь то интимное чувство либо выбор бытийных приоритетов, гражданская позиция или... Впрочем, прервёмся, иначе перечисление продлится до бесконечности. В отражаемой – и отрицаемой им по ряду причин – действительности, приобретшей монструозные черты, творимые нами же,

утратившими свои обязательства не только перед средой, но и, что самое страшное, – перед собой, все большую актуальность приобретает потребность освободить от балласта душу, заключающую в себе этот противоречивый, непредсказуемый мир. Душа ищет свободу волеизъявления как форму своего существования и находит её в «акустике ассоциаций», аллюзий, в фабульных хитросплетениях и метафорических откровениях. Мобилизованная необходимостью выбора между элегией и диатрибой, муза Н. Шамсутдинова насыщает стихи мотивами упадка человеческого духа, который переживает сегодня подлинно паническое состояние, подобное тому, что переживает страдающий клаустрофобией человек, помещённый в наглухо замкнутое пространство. «Клаустрофобия души» – так назвал один из циклов третьего тома «Избранного» Николай Шамсутдинов. И главный герой этой книги – осваивающий «одическое одиночество», разочарованный в бытии и дистанцирующийся от него человек, одержимый идеей абсолютной безыдейности сущего. Осмысленная им бессмысленность всё того же сущего – вот продукт его рефлексий.

Протоначальные гедонистические устремления автора пронзительных любовных стихов (книги «Женщина читает сердцем», «Любовь без утоления», «Пенорожденная», «Заветная беззаветность») трансформируются, по зрелости, в поздний опыт утрат и разлук, не столько препарирующий их, сколько моделирующий в сознании насыщенный противоречиями образ «пишущего эпитафию» вырождающемуся в гигантскую ростовщическую контору миру. Миру неизменных (зачастую – низменных) иллюзий и неперемного отрезвления – выздоровления! – от них.

Это – прерогатива зрелости, оставляющей в недоумении юность, язвимую идиосинক্রазией к реальности.

Альтернативная к повседневному убожеству, поэзия Николая Шамсутдинова, поэзия оголенных нервов, не есть отрицание мира, она не переключает энергию аффективных явлений на творческие цели, не является продуктом сублимации, а стремится к максимальному самовыражению автора, далеко не безразличного к переживаемым согражданами перипетиям, насыщенным приметам перманентного упадка. Герой его, по преимуществу – «клошар», *«открывает себя в святом отчуждении от всего, чему он – и причина, и автор»*, так как, *«выгуливаемый бездельем и водкой»*, которого *«пасут химеры»*, он *«заперт в комплексах»*. Только *«переболев грядущим, привыкаешь к реальности»*, что *«находится в реестре у дьявола»*, ведь она *«держится на кривде, как сума на звезде»*. Его воистину выстраданное – *«...добродетели всё не поладят между собою,/ а пороки – сталкиваются...»* – выводит из личной эмоциональной сферы *«мир, пожираемый жадностью»* до такой степени, что *«под веками прячешь взгляд пепла»*, ведь опаскудили *«мир, скomoroxами перешитый/ в шапито и, под гогот, попой загажен»*. *«Имярек, ведущий жизнь повседневной маски,/ одержимой с рождения поисками лица,/ приговорен к жизни»*, где он – *«лишний на пиру/ у зажравшихся и сам на себя поставил,/ как на всё, что имеет»* в этом *«винегрете из железобетонных чудовищ, столпов, убогих развалин, примитивных палаццо, словно губка, вбирающих свет и источающих тьму...»*.

Как ни парадоксально, *«суть изящной словесности – возвращение пустот»* в соплеменниках? Автор не воплощает данный императив в своей поэтике. Он просто вживляет его в чуткую ткань раскрывающегося навстречу сознания, оставляя за ним право выбора: либо принятие, либо отрицание. Он не теряет надежды на благой пример мировой, да и отечественной литературы, ведь *«воображение – самый лучший из гидов»* по Дантовым кругам современной реальности, да потому хотя бы, что

«мысли следуют, не изменяя себе, за сердцем...». Отчетливо сознавая, что *«человек, взяв реванш, убывает одновременно со временем»*, Николай Шамсутдинов со знанием предмета исследования пишет о женском *«искусстве, с каким на лицо кладут грим,/ обжужливающий как время, так и обожателей взбалмошной...».*

Вот о них-то, *«не знающих снисхожденья,/ судя по ускользающим лисьим глазам»*, о них, чья *«мягкость подтачивает твёрдость ригориста,/ размеренно пальпирующего вагину...»*, – поэт знает достаточно много, чтобы привести читателя к умозаключению:

...у негрешившей постоянством
Жизнь в прошлом... Эпидемия неврозов –
Любовь слепа, одаривая рабством
Рисковых... И, бледнеющий под взором,
На сердце, обращаем в быль, не тает,
Как и не иссякает снег, которым
Она ушла к другому, что не знает
Пресыщенности...

Чтобы избежать упрека в тавтологичности, мы обратимся к другим строкам, чтобы увидеть:

С крепкой проседью, но, на прогулке, ещё не шлак,
Человек тупика, с мятым Кеннетом под подушкой,
Учится одиночеству, как выживанию, – так
Замыкаются в створках своих, становясь ловушкой
Для себя же... Альянс выливается в мезальянс
С музой, ждущей иных. Приручая воображенье,
Обстоятельства, зная резон, выбирают нас,
А не мы их...

При исчерпывающей достоверности образа, констатация самого факта человеческого увядания окрашена интонациями умудренной сдержанности, примиренности с подступающей старостью. Герой как бы дистиллирует свои ощущения, чувства, мысли в целостную картину, ибо, *«только что из тенет /Гименея,*

потерям ведёт, сокрушаясь, счёт/ пожилая память, затёртая, словно монета...».

И – «не освидетельствуй прошлое, словно реликт...» – призывает Шамсутдинов, ведь:

В душе – вполне можно составить, ворча в своей
Перспективе, гербарий морщинистых гарпий, сей
Список ветрениц в прошлом...

Приоткрывая ещё одну грань своей бурной биографии, поэт, «порой пасующий перед собой...», апеллирует к ассоциативным (предполагаемым) наперсникам своих откровений и ламентаций, которыми он никогда не будет услышан:

...отталкивающий берег,
Сосредоточен пловец... И, терзая финик,
Обременяя карманы вещим отсутствием денег,
Сумерки осеменяет сомнениями сангвиник –
Финик для жизни без ангажмента... Всегда – чужое,
Время сдаётся внаём, словно угол. Без сожаленья
Жертвующий, в безразличии, будущему – собою,
Не оставляет оставленных в прошлом...

«Эстетика – этика будущего...» – прорицал на заре ХХ века М. Горький. На заре века ХХI Н. Шамсутдинов, словно следуя завету классика, служит *эстетике*, выполняющей для него роль Вергилия в этом непростом мире, становящемся благодаря усилиям мастера «*миром собственной выделки*». И он щедро делится с нами своими открытиями в постижении характера этого мира, равно как и в языке, имя которому – бесконечность.

Подвергаясь нападкам и «правых», и «левых», мастер держится подчёркнуто отчужденно и обособленно, не принадлежа, в частности, ни к одной из многочисленных стилистических «школ», так как едва ли не все течения – и натурализм, и метафоризм, и символизм, и модернизм, мордуемый постмодернизмом, – слились в его работе в один мощный поэтический поток, в котором, как

в родной стихии, не сосуществуют, нет! а сопрягаются, взаимодействуют, воодушевляя друг друга, и «сперматозоид вымысла, герой...», и «купальщица, напористая за буйками – брассом,/ за молом, в молотье коленай, – кролем..., голодный взгляд колени которой, блеснувший из неистощимой пены, – неистребим...»...

Неистребима и жажда поэта объять гармоний этот расхристанный, погрязший в скверне и пороках, **несчастный мир**. Духовное смятение автора поэтому и вызывает к жизни «стальную стилистику» его филиппик, придающих стихам захватывающее звучание, хотя, как иронически констатирует поэт, ему «пеняют... трилобиты штолен, ферм, заводов, что смысл зашторен...».

Да нет же! Это зашорены глаза «доброхотов», назойливо декларирующих об объективности своих воззрений на творчество Николая Шамсутдинова, а на самом деле пытающихся обречь его забвению.

В наши нечастые с Н. Шамсутдиновым встречи в Германии и России мы подолгу беседовали с ним о ситуации, сложившейся в российской поэзии, о новых веяниях в ней, о новых именах... Безусловно, многое из услышанного от него осталось за рамками этого материала.

Так что же заставило меня взяться за перо? Более сорока лет известный российский поэт фанатично служит античной богине Эрато, покровительнице поэзии. И все эти долгие годы, несмотря на обилие публикаций в журнальной периодике СССР, России и за рубежом, несмотря на массу изданных в столичных и региональных издательствах книг (отсылаю к материалу И. Матвеевой «Соименник сердца» во втором томе пятитомного «Избранного»), критика со стабильным постоянством, заслуживающим более достойного применения, подвергает его работу откровенному замалчиванию, создавая из поэта некую «фигуру умолчания». Подобная обструкция совершенно необъяснима с точки зрения

здорового смысла, более того, она неуместна в отношении мастера, давно уже перешагнувшего в своём динамичном развитии рамки региональной литературы.

Подтверждением этому слова – безвременно ушедшего из жизни Станислава Золотцева о Шамсутдинове как о самобытнейшем российском стихотворце. Заведомая глухота и слепота противостоящей среды всегда сопутствует тем, чьё масштабное дарование не укладывается в прокрустово ложе дурно толкуемого средой прагматизма в отношении искусства. Мощное и независимое дарование оборачивается для творца, в конечном счете, драмой, ибо серость, отравленная ксенофобией и восполняющая недостаток таланта огромной пробивной силой и нахрапистостью, буквально выдавливает его из активной жизни...

Традицией стало – сначала добить, а затем, с помпой и славословиями, канонизировать. Многочисленные примеры подобного у нас на слуху. Сетуй не сетуй на отсутствие откликов критиков либо читателей, но по себе знаю, как тяжело творить в атмосфере полнейшего психологического вакуума...

Безусловно (и это необходимо признать), обструкция в отношении Николая Шамсутдинова коренится в нежелании признавать моего собеседника в силу его – каким бы анахронизмом это ни являлось! – восточного, тюркского генезиса, последовательно шельмуемого адептами расовой чистоты в отечественной словесности...

Предвидя реакцию протестующих, обращаюсь к словам Бродского в статье об А.А. Ахматовой, не только уместным, но и необходимым в данном контексте: «...в России имя с татарским звучанием воспринимается не столько с любопытством, сколько с предубеждением...».

И вот ведь парадокс – дело в том, что Н. Шамсутдинов татарин-то, по существу, и не является, так как предки его, носители древней болгарской фамилии

Шамсутдиновых, две сотни лет назад переехали с берегов Итиля (Волги) в Сибирь. И тут же – для усиления эффекта моих аргументов – процитирую Инну Кабыш из «Литературной газеты», обращающуюся к своим ученикам: «Талант – это не только и не столько людские аплодисменты, сколько людская зависть. Зависть – неразлучная спутница таланта. Умейте защищать свой талант. Умейте держать удар!».

Что ж, Николай умеет держать удары судьбы...

Метафизическая амбициозность нуворишей отечественного разлива привела к катастрофической инфляции таких, сакральных до недавних пор, понятий, как «добро», «милосердие», «справедливость», «бескорыстие». И мой друг, выброшенный более десятка лет назад происками судьбы из квартиры на улицу и обреченный, таким образом, на бродяжничество, а в руках бездарного эскулапа лишившийся дара речи, выстрадал несомненное право на болевое *«Достоинство – мое последнее достояние...»*.

Более того, он, можно сказать, утилизировал своё негодование и ненависть к негодьям, создав не один обличительный цикл для третьего тома «Избранного», не изменяя, впрочем, и традиционным своим пристрастиям, эманация которых освещает творимый им мир. А творимый моим героем мир не интерпретируется дефинициями (определениями) пристрастий, ибо в нём, этом отнюдь не демонизируемом мире, *«опустошённом пустынею в женской душе»*, тем не менее, царит *«акустика ассоциаций»*, вызывающих, например, к жизни *«застиранную в сравнениях осень»*, в которой *«две стихии борются, врозь и в дрязгах, за память»* героя, наблюдающего, *«как, в чужую душу приотворено,/ бодрей в скрипучих репликах окно...»*.

Шамсутдинов обладает богатой творческой родословной, исполненной мощью и полифоничностью соседствующих в пантеоне мировой поэзии творцов.

И если, *«в виду Террачина»*, рвётся к морю студёный *«эрудированный родник,/ ещё помня Овидия, Тацита, Ювенала...»*, откроем же ему дорогу туда, где его действительно ждут не *«пожиратели зрелищ и колы... чьим редким отсутствием облагорожена морская гладь»*, а – хотя бы – те, *«чи фантазии жарко вынашивает Сапфо,/ под парусящими снами, хрониками Хроноса...»*.

«Хищный глазомер», особое умение ставить слово к слову проявляются у Шамсутдинова... прежде всего в эпитетах, в определениях, обретающих многозначность, дополнительный смысл в их слиянности с определяемыми словами...» – так писал о нем в 80 – 90 годах прошлого столетия Станислав Золотцев.

Сегодняшний Н.Шамсутдинов не изменил остроте своего взгляда, не отвлекаясь на выбор – «высокого» или «низкого» ранга предмет, избранный им не только для изображения, но и для одушевления бытия этого предмета.

А бытию глобального толка подобное одушевление вещей необходимо как условие выживаемости в психофизической чересполосице неизменно критических состояний действительности.

Снег бел, простите мне трюизм, как молоко...
Но в этой фразе, *chere*, так видно далеко,
Где, в роскоши лепнин, тем барственной барокко,
Чем прихотливей снег в кудрявом рококо.
/Снег в Париже/

Это – больше, чем чувственная пластическая предметность реалий. В поэзии Шамсутдинова – субстанциальный (сущностный), по Пастернаку, «всесильный Бог деталей» нивелирует декларируемое различие между бытием и бытом, в брутальных зачастую воплощениях...

...до слабости в руках,
С бессмыслицею, беглые, в ладу,

Как браки, второпях, на небесах, –
Разводы совершаются в аду.
Но, с ясным поцелуем в лоб, вдвойне
Софиста в искушение вводя,
Отвесный юмор висельника не
Пример для подражания...

Его поэзия отнюдь не потеряла в своей пронзительности прямого высказывания, но приобрела в ходе своей эволюции такие черты – как подчёркнутая утончённость его лирических характеристик, как многослойная, насыщенная явными и зашифрованными цитатами философов и писателей художественная ткань его произведений, отсылающая читателя к неисчерпаемому кладезю культурных и исторических реалий. В то время, когда современный литературный процесс решительно исключил книгу из центра своего внимания, поставив на её место презентацию, принимающую разные формы, такие, например, как синтез поэзии и музыки, увлечение видеозаписями, авторские выступления, эпоха Гуттенберга с её приоритетом печатного слова, трансформированного в книгу, уступает свои позиции.

Но Шамсутдинов, фигура из плоти и крови, не укрывается за новомодными увлечениями, как, впрочем, и в юности – за текстом, а неизменно отождествляет себя с персонажами своих произведений, в которых он не только предельно автобиографичен, но пронзителен в своих прямых высказываниях.

Сын материка «белого забвения», он по слову, по образу, по стихотворению возвращает с в о й, многоголосый и полноцветный, материк, ждущий своего Колумба, хотя появление одного весьма проблематично в сегодняшнем театре абсурда. Н.Шамсутдинов не только открывает нам самих себя, нас в мире и мир в нас, но и приглашает, по словам М. Цветаевой, к соучастию к творчеству. Собственно говоря, при уже упоминавшемся

«человек – место, где встречаются пространство и время», встреча эта, а скорее, столкновение двух стихий, вызывает тектонический сдвиг в читательском восприятии его поэзии.

Судьба сподобила его рождением на самом «краешке земли», на отшибе, можно сказать, цивилизации, где настолько могуч и действенен *«приворот простора»*, что строки мастера приобрели такую широту поэтического дыхания, укладываясь, чаще всего, лишь в размер многотерпеливого анапеста. Не спешите закрывать эту книгу. Задержитесь на любой из её страниц и вы увидите, какой *«у времени, не убывая, мажорный жор/ – хвори, формы Фальстафа...»*. Но – *«реальность приправлена памятью: мерная зыбь,/ золота и крупна, перемигивается на солнечном море... Полощущий грот забирает на вздохе свежак...»*. *«Измор четырёх измерений держит нас взаперти?»*.

Это – Сибирь. Край, явленный миру во всех его четырех измерениях усилиями своего сына и певца.

А в заключение адресуюсь непосредственно к автору замечательного третьего тома «Избранного», к Николаю Шамсутдинову:

Дорогой друг!

Благодарю тебя за радость знакомства с новыми твоими стихами, часть из которых довелось мне прочитать в периодике. Но, собранные в одну рукопись, они, перечитанные вновь, вызывают такой мощный накат духоподъёмности, что появляется нестерпимое желание создать своё, такое же – глубоко содержательное и изоощрённое по форме.

Ты – не «пасынок неусыпной отечественной словесности», как писал в одной из книг... Тебя читают, любят и чтут!

Ирма Юстус, Манхайм

С юбилеем, уважаемый Николай Миркамалович!

40 лет... Это много или мало? Библейскому народу (иудеям), например, понадобилось именно столько времени, чтобы войти в обетованную землю, освободившись от фараонова ига и от рабской психологии.

А что такое – 40 лет – для поэта, чья жизнь – верное служение музе?

40 лет насчитывает творческий путь величайшего поэта современности, Шамсутдинова Николая Миркамаловича (Шамси).

40 лет в музыке поэзии звучит особая, неповторимая шамсутдиновская нота.

А творить приходилось ему в разных условиях: во времена советской несвободы, в годы перестройки, в современных условиях, когда делаются попытки навязывания чуждых ценностей и идеалов, когда нас ментально обкрадывают. Но Шамси-поэт остается самим собой. Тем и ценно его творчество.

Поэзия Николая Миркамаловича необозрима, как его родные арктические пространства, ибо вобрала в себя все лучшее из минувшего XX века и не только...

Она всегда в развитии, а потому уже принадлежит и новому XXI веку.

В чем загадка? В том, что поэт Шамси идёт своим путём в земном и поэтическом просторе. Изрекает слово – порой неожиданное – будто охотится за словами. Велика энергия его слова. Его лира созвучна полотнам великого Кафки: весь мир хрипит в корчах от невыносимых невзгод, души людские перенагружены муками иллюзий, болью, тщетностью надежд, разочарованиями в любви, и вдруг – при повторном прочтении открываешь вдруг для себя нечто новое, неизведанное, но – исцеляющее... Его пятитомное собрание сочинений не «обоймёшь словами»

и мыслями – так безгранично и разнопланово предстаёт в нём творчество гениального поэта.

По-разному складывалась судьба талантливого поэта, время порой било наповал. Но от скуки, боли, откровенной враждебности и предательства неизменно его спасала поэзия. Потомкам ещё предстоит сделать немало открытий, читая его неповторимые стихи.

Близится 40-летний творческий Юбилей Николая Миркамаловича Шамсутдинова.

От всего сердца хочется пожелать ему здоровья и творческого долголетия!

ШАМСИ-ПОЭТУ

Поэт, подаренный Земле
Небом великодушным,
Мир открывается тебе
И звёздным, и воздушным.
Нездешней силой вознесён,
Творец, любезный Музе,
Ты обаяньем наделён,
С амурами в союзе.
С печатью гения, вовне
Ничтожеств, ты - провидишь
Путь «юной нимфы» на волне –
Ни словом не обидишь...
Как жизнь к Стиксу ни спешит, –
«Неподконтрольна Лета».
Вселенная живой души
Хранит, хранит поэта!
Мощь дара всех нас и слепит:
Мир – утвердится в мире.
Хор обожателей твердит:
«Будь славен, гений из Сибири!»

***Нина Лексина** – поэт, прозаик, член РО ТОО СРП, действительный член Международной академии развития литературы, (Монреаль), руководитель литературного клуба «ШАМС» в Нижневартовске*

Минута – и стихи
свободно потекут...

Николай ШАМСУТДИНОВ

ПАТРИЦИАНКА

А.У.

Сведущая, по самозабвению, в оттенках
Элегической логики, прошлого знак,
Упоённое патрицианка в оценках
Настоящего и наступающего, как
Ни злословят... В разочарованиях – с лихвою,
Злободневная бедность иссякла, давно
Вытеснена возвышенною нищетою,
Изобилующею обидами, но –

Не обетами... И, воплощённая твёрдость
В обобщениях, она и в пустышном пряма,
Как диктует ей высокогорная гордость
Урождённой стихии. В сходящем с ума
Мире, нафаршированном фальшью, – к забвению
Вышних заповедей, и лишь истины близ,
Для неё, тяготящейся днями и тенью,
Экспрессивен в своей бестелесности бриз

С моря... На побережье, под вешнюю фигой,
Солон сельский уклад, что ук-ла-ды-ва-ет
Её полночь, в изнеможении, с книгой
Под обзор зорко вчитывающихся – нет! –
Фабулой увлечённых планет: удалённость
Их – условность. Прозренью сродни, искони
Тон рефлексиям сим – задаёт утончённость
Комментариев к пасквилям черни, как ни

Агрессивны они; как, назрев, ни капризно
Вдохновение пифии. Только одна

Роскошью эстетического стоицизма
Мне сродни, прекословя нахрапу, она:
Абстрагируясь от низости, над волнами,
Чей характер и сложен, и непостижим,
Она смотрит на непосвящённых – глазами
Моря... Моря? Нет! пристальной дали за ним.

* * *

С неизменной росинкой на жаркой, лукавой губе
Пересмешницы мифа, проталинка в зимней судьбе
Пересмешника яви, несомое бризом, *какое*,
В ряби, море приходит на память тебе,
И ты вдруг отдаляешься?.. В неистошимый прибой,
У песка углублённый, со дня сотворенья, запой.
В брызгах, ты – и модель, и стремительный образ,
Но, не сетуй, я был одиночек, оставаясь с тобой.
Жажды не утолив, уходя, обнажает отлив
Невеселое дно, и, медленно веки смежив,
Все твоё обольщенье сирены, сиречь ухищренье,
Приспускает ресницы, темно адресата сменив.
И не Парки пророчат – ресницы мне прочат беду,
И когда я, гармонии мера, из мира уйду,
Ничего не изменится, я ведь останусь у моря –
Любоваться им, греться с тобою на солнце, в виду
Вечных чаек...

* * *

...И наутро, в молчании нежного бденья, цитата
из Петрония, пой, прорицая ненастье, цикада...
В бремя логике, да, ... парус на виртуальной триреме
Пал просторным лицом в анонимное, знойное время.

Одержимая им, над освистанной встарь постоянством
Экивокам твоим,
над отравленной чистым пространством,
Крикнет чайка над самой душою... Проекция ада,
В мозжечке лицедея осатаневает цикада.
Отводя от судьбы невесомый твой, вьющийся волос,
Я всю жизнь – ждал себя, подавая неведенью голос.
И одно несомненно, что время, забвеньем больное,
Забирает нас выдохом – на «*немигающем зное*»...
О кругах под глазами, намытых скупыми ночами,
Огласив побережье, уже проболталось молчанье
В кровь искусанных губ...
Пой, цикада, – в задавленном стане,
Что с горячей ладони в строфу отпускает Петроний!

* * *

Выпукло – сумрачны, синие, как предгрозые
Над неумолчной долиной, – искус гортани –
С лоз изнемогших срезаны грузные гроздья,
Мраком пока сочатся, в давящем чане
Преображаемы в алые гулы. Броженье
Токов стоустых играет в сосудах тесных
И вымывает, влажное, из забвенья
Древние навыки и родовые песни.
Гул до полуночи, не досаждая слуху,
Весь восприемлем – дыханьем работы умелой,
Мир пропитал. И глухо подтянешь, по духу,
По необоримой тяге – брат виноделу.
Не потому ль, обращаясь в него, ночами,
Ибо бессонная жажда в права вступила,
Мнёшь его, слово, словно в давящем чане,
Чтобы верней и крепче в голову било?..

* * *

Сплочённой в чистках чернь,
и Данте вчерне прожит,
И по следам поймешь, у моря невзначай,
Что почта – сердцу вспять, ещё не обезножев, –
К другим? – влачит своё простудное «прощай...».

Прости, любовь, когда, в освистанном смятенье,
Сорвёшься ночью, прочь, и тут ударит влёт
Бесснежная зима, настырнее забвенья,
Так под ноги метнёт голодный гололёд,

Что, выстрелив в зенит промозглыми ступнями,
Вдруг ощутишь, как кровь ударит в сердце,
Как заропщет мрак в душе, заклёпан фонарями
В тетради молодой, – ороговевший мрак.

Прощай!
Ни декабрю, студёные, не судьи,
Мы тлели в полсвечи, которая предаст,
Ведь всё, что против нас, по замыслу и сути
Смертельное порой, – за нас оно, за нас,

Как этот наст у глаз. А Бог простит тетерю,
И слово, как душа, потянется на свет.
За что, тесня судьбу, благодарить потерю? –
За выбор – не стенать, а крепнуть ей в ответ,

Что, свеж, не зачерствел весёлый опыт плоти,
Что и беда сластит, хоть бед невпроворот,
И «бес» – не пресловут, и зрелость – на излёте,
И возраст молодой –
ещё на вырост прёт...

«В ум и лицо поглядеть...»

Гомер

«В ум и лицо поглядеть...».

Терпеливый, глядел,
Не отрываясь. Но приторней нежные виды:
Лавры, ... магнолии, ... пляж по весне, не у дел, ...
Чуткие ночи в двусмысленных звёздах Тавриды, ...

Влажные шорохи...

В обетованной глуши
Исповедально молчанье ракушки, и глухо
Бриз в новолунье, поверенный душей души,
Тише за шторой, слух, отвлекая от духа.

Непогрешимое, грустно тускнеет кольцо
На безымянном,

и тем, очевидно, резонней,
Что до сих пор, жар под кожу, помнит лицо,
Не остужимо, атласную властность ладоней.

Не иссякая, пространство в загадке своей –
Ороговевшее время, и, судя по сыпи
Редких огней в незнакомых предгорьях, острей,
К холоду, рудиментарное зрение зыби,

Влажно следящей за поздней купальщицей, чьи
Прелести прячет стихия, и, к юмору сноба,
Вытянув душу, морочат, смущаются и
Тянутся в «ум и лицо поглядеть...»,
Пенелопа.

* * *

В знойных руинах, не попирающих твердь,
Но – увлекающих ввысь, миру солнечных пиний
В магии ласковой хвои – *«Мгновенная смерть –
Высшее счастье для жизни...»* – отвечает Плиний.

...В очереди к убывающей вечности, день
Ломится в окна, и, от попечения тюля,
Выйдя на солнце, враспloch застают свою тень –
К ревности иллиминированного июля.

В прятках с душою, забывшей себя на пиру
Радостной пластики, выпукло дышат с фронтона,
При родовой молодой неприязни к перу,
Девы и лозы – лазутчики Анакреона.

Как ни юродствует солнце, дожди ни секут,
Пуще язвя, – в новизне узнаванья прелестней,
Так гулко пьют и в тимпаны, без отзова, бьют,
И от ударов судьбы заслоняются песней,

Что сторонятся их, хвойную тень теребя,
И, в летаргическом времени, искус сатира,
Перемещаемый взгляд, обращённый в себя,
Видит и горы, и море – лазутчиков мира...

* * *

Вишня – дороже, тунец же – тучней... На рынке
Близ Массена – оглушительней бьют блондинки,
Впавшей в протрацию, – время ожесточённой
Борется с женщиной, нежели с вами. Что в ней
Зимнему сердцу? *«Не вещи, по Эпиктету,
Мучают нас – представленья о них...»*. Предмету

Ваших мытарств юбки стали, треща, теснее,
Овод Овидия вьётся, язвя, над нею.

Солнечный час... А в душе повседневный голод
На сахаристый, как в давешнем детстве, холод,
Горстку брусники... Но, вставшее на котурны,
Время бессильно в рацеях. Кивок фортуны
Не обращает, призывный, гиперборея
В лицензиата... Настойчивей и бодрее,
Дело всей жизни – достойная смерть,... с годами
Зов безупречности овладевает вами.

Невыразимое, в смерти – как при омерте,
В шрамах, лицо – карнавальная маска смерти,
И она, в бдении бледных эринний, вправе
На сострадание крупнозернистой яви...

* * *

*Тронь меня...
И.Бродский*

Тронь себя – и ты тронешь, ладошку раскрыв, меня,
Пожилое пальто, опостылевший шарф клошара,
Чей заношенный образ за стойкою – западня
Прирученного сердца... Но, пестик пустого дара,
Тронь себя, опустив свои непоправимые вниз, –
И ты тронешь дворец в сердце Ниццы,

где жил Петрарка,

Опалив бытие сексуальным коктейлем из
Апулея,... Сапфо,... Казановы,... де Сада...
Жарко

Тронь себя – и ты тронешь минувшее, чья стезя
Независима в каверзах и, наконец, бесслётна

В розных перипетиях. С поправкой на них, *нельзя,*
Оступаячись, дважды вступить в эту жизнь.

Несносна,

Тронь себя – и ты тронешь, на боль не греша, испод
Одиночества киника... У долгоногой – память
Забегает, как водится у молодых, вперед,
И коробится пульс...

Воплощённое – в драмах – пламя,
Тронь себя – и ты тронешь трещотку в бикини, с кем
Длишь сиесту у зеркала... Так, обнажив морское
Дно, а чем достопамятен поздний отлив? – а тем,
Что, смывая медуз, оставляет меня в покое...

* * *

Притчеобразный ландшафт побережья... Итак,
Камень Итаки – тот самый, в разломах, наждак,
Крупно огранивающий характер героя
До совершенства в пропорциях... Утро, и тут
В баре ахеяне: не ахинею несут –
Здесь и судьба почитай что иного покроя,

Всё не мирволя Улиссу... Песчаный прикид
Плоского берега в резвых (острых) шажках nereid,
Чернью язвимых. Хмельные веда разговоры,
Местный планктон, сущий овощ, мордует газон
Близ арматуры, проламывающей бетон, –
Вот вам образчики футуристической флоры

В лиственных сумерках. С лавром в окне, не по мне –
На иждивенье у памяти, в чьей воркотне –
Не укоризна, а гимн прош-лomu-му... Скоротечность
Жизни – не повод к глухим ламентациям, чьим

Бодрым отсутствием (искореняем?) любим
Наш пилигрим в комнатушке, что с видом – на
вечность...

В суицидальной реальности всяк, на бобах,
& козлоногий диджей, – есть заведомый прах:
Гибельна мощь исполинского южного неба,
Собрана в солнечный, волею Зевса, удар.
Для олимпийцев, язвы, предпочтительней бар
Мобилизован мобильником...
Впрочем, нелепо,

Под причитание притчи, рефлексии для,
Жить упованьем, что жизнь это топливо для
Фантасмагорий Гомера. Храня постоянство
Жребию мытаря и с одиссеей на «бис!»,
Неутомим поставщик сих коллизий, Улисс,
Вечностью вспоенный
экспроприатор пространства...

* * *

Массивней морщины и взгляд уранида угас:
Вчера атлет в профиль – на завтра руина анфас...
Да-с, у неотступных, хоть не выходи из квартиры,
У метаморфоз, на бегу подсекающих нас, –
Своя мифология... Фавны? Киклопы? Сатиры?
Любезный сиренам и пифиям, возраст язвит
Про свежий колит. И, как ни всемогуща виагра, –
Что «любит природа скрываться...»,
предрек Гераклит...
Прицельнее гарпий – шмаляет артрит,
Кошмарней Горгоны – ломает ночами подагра.

В неравенстве с мифами, у современников нет
Аналога им, из глубин исторгающим свет,
Великим Гомером озвучены, как ни окольные
Пути их порой... Прививая к сюжету букет,
Из «Буккеров», ну, не профан Аполлон – произвольный

В приязни к планктону? Ему и неведомо, кто ж
За шатким столом и другим подливая, до свету
Несет «ахиною» ахейн, на Вакха похож,
И так же на пылкие игрища ветрениц вхож,
Как равный, но – с недоумённой оглядкой на Лету...
Куда ж он по лужам, весь мир загребая пальто,
Распахнутым, как по весне, но просторным зато,
Пока Одиссей, разрешая, по мифу, дилемму,
Укрывшись, как плут, за иррациональным «никто»,
Наносит удар полемическому Полифему?..

* * *

Гадают, кто свечу в окне затеплил, кто,
к минувшему спиной, молчит, Непоту вторя...
Скучает ли в саду в наброшенном пальто –
В плену ненастных дней? Размашистый, вдоль моря
Шагает, глубоко песок взрывая? Бриз
Касается щеки? И, как единовеерцу,
Мир поверяет вам свои черты и, близ
Непроходимых дюн, теснее жмётся к сердцу.

Насупленный, порой так пристально глядит,
Ведь жизнь заражена, теряя терпкость в тексте,
Инстинктом тупика,... тем обречённой бдит
Пространство, уменьшаясь неизменно вместе
С любимым из нас... Вернуть природу в слово! Но,

У неизменных дюн – за чтением Непота,
Пространство сведено к словам, ведь и оно
Становится, свежо, той точкою отсчёта

Задорных дней в глуши – вне козней прописных,
Хотя – и что скрывать? – не доверяйте счастью,
Оно опасно тем, что делает своих
Избранников – слабей для низости. Ненастье
Уже когтит висок, пока скрипит песок –
Подарок для ступней, ушедших в осязание
Свободы на ветру. Мурашками в висок
Ссыпается, дразня костяк, недосыпанье

Юрода, всей судьбой проросшего в содом
«Вигилий городских»... Покрой души свободной
У этих дюн и вод... Не воссоздать пером
Пружинящий рельеф сердечной подноготной
Наглядной жизни. Вновь горит в саду окно,
Чей взгляд – на горизонт, что на манер шарнира
С л и л небо с морем, дав им в разворот о д н о, –
Обещанная вам, могуча вещность мира...

* * *

S.G.

Кашель, Этна в висках – одним словом, простуда...
На безлюдной веранде, с одической скукой,
Наблюдая закат, человек ниоткуда
Закрывает глаза, вразумлённый разлукой
С *ma cheri*. Откровенно зевая, сивилла
Учит сути наглядной бессмыслицы, ибо,
Сокрушительно в мерности, время есть сила,
Неуклонно влекущее в прошлое либо

обращающая в воркуна... По морщинам –
Далеко не руина, он держится честным
С временем, человек, по известным причинам
Оставаясь, грешно говорить, неизвестным
Извиняемым массам... В дегенеративных
Нравах, опровергающих бред о высоком,
(не глумясь ли?) носителя декоративных
Добродетелей – жизнь отсылает к порокам,

Ведь, при титлах и всех именах, совершенна
В своих несовершенствах... В транзитной клетушке,
С червоточиною, заточённой в душе, но –
Не навек же, себя поверяют подушке,
Ей перепосвятив опоздавшую нежность
К ускользящей. Время мордует сквернавца,
За стихийностью Хроноса пряча прилежность
Скрупулёзного в частностях заимодавца.

Безразлично, ведь, скуке сродни, как обычно,
Кто кому, в примирённости с будущим, должен:
Время вам либо вы ему, ибо, безлична,
Жизнь давно безучастна к тому, что он дожил
До внезапных седин,... отрицаемый, выжил
В равнодушии масс, да и, здоровья ради,
Из холодной, прокуренной комнаты, вышел
Подышать, провожая закат, на веранде...

* * *

Так сердце, чьим страстям извода нет,
Сурово потянулось к снегопаду,
Что Мэтти, подающая абсент, –
«За Ибсена?!» – склоняет к променаду

По-над фиордом, где пролёт транзит
Пернатых пилигримов... В штаммах штампа –
Скалистый берег,... чайки,... мох,... гранит... –
Норвегия... Подрёмывает лампа

Под колпачком, глядящим в спину... Здесь
Еще, смурна, со *«дней Экклезиаста»*
Зима взимает насморком, как днесь,
За ропот ностальгического наста

Под туфельками Мэтти... Среди камней,
К зениту возносящихся над адом
Морских повествовательных зыбей, –
Длить моцион, обкатывая взглядом

Предметы мира, что не сводят глаз
С вас... Находя прогулку бесполезной,
Пусть прошлое не смотрит в этот раз
В злокозненное зеркало. Над бездной –

Отвесны скалы,... заросли кустов
В камнях... С фиоритурой фиорда,
Свист «норда», крики чаек, хор гудков,
Как у античных трагиков, – жизнь бодро

Вдруг встряхивает вас, и только вас,
Опознаваемого новизною
Сих обстоятельств, чтоб и в этот раз
Увлечь вас, гостя, властно за собою,

И вам зимой, которой не избыть,
Если судить по задубевшим мордам, –
В сплошном снегу, как в вечности, пробить
Тропу над засыпающим фиордом...

СНЕГОПАД В ВИТТОРИИ

Чувствовалище надсадной белизны,
Безадресно в претензиях, пространство,
Дано как жизнь иллюзий, до весны
К обилию подробностей пристрастно...
С любимую, в условном шалаше,
Что чтивом легкомысленно зачитан,
С ущербною щербинкою в душе,
Друган в снегу, морозами испытан.

Материей – не мифами взращён,
В траттории, куда следы, целитель,
Парами алкоголя поглощён,
Плутон смакует кьянти, небожитель...
И ты, для бытия – не для битья,
Урманами дыша, клянёшь Борея,
Пока, дисциплинируя себя,
Не полыхнёт в снегах экран дисплея.

Заглянешь собеседнице за лиф
И – выпадешь в осадок, ведь недаром
Прицельный грифель, точно вещей гриф,
Когтит литые формы под загаром
Виттории... Под невесёлый свист,
Ты месить снег, активный и речистый
В рацеях, жизнерадостный солист,
Разжалованный возрастом в статисты.

Под пинией, всё в том же в шалаше,
И к праздности склоняя, и к покою,
Непостижимый снегопад в душе
Продрогшей разрешается строкою

Покуда, с междометьями вослед,
У вечности в чести, предметность мифа
Ещё пасует, молодая, пред
Кремнёвою софистикой Сизифа...

* * *

Нам снится снег – под шелест снегопада,
Застлавший слух... Сбивающий из сада
И воронья – ночной коктейль, навек
Отстаиваясь в нём, нам снится снег,
Что уязвлен, крылатый, к укоризне,
Обидною обыденностью жизни
Там, за окном, где всё, что есть, язвит,
И неизбежность выдаёт кредит

Промерзшему Карузо, ибо, значим
В семейной космогонии, означен
Лепниной балюстрады, снег в окне
Откладывает образы во сне...
Недаром в яви, подлой и увечной,
Нам снится, наплывая, – подвенечной
Венеция, в снегу до самых пят,
О чём, с наплывом желчи, ни твердят

Заимодавцы. Суть бесчеловечность,
От них, снотворна, отвернулась вечность...
Но – снится снег, т а к обращаем в нас,
Что прошлое с него не сводит глаз.
Милы каменам, выси наблюдают,
Как сон за сном его перенимают,
Пока, патологически высок,
Во тьме слепит нас белый потолок –

Словно глазной белок... Под тусклым небом
Возвышенного морока, жив снегом
Сон, прирождённый, как судьба, как явь,
Которую пересекаем вплавь...

* * *

В освещенных буднях, ушиблен поп-артом,
Себя, предъявляя окну, интроверта,
Длишь сумерки марта над чахлым Монмартром
В гнезде у бретонки, Мольера мольберта...
Пока, с запустеньем в сознании, хрипло
Поют за стеной – вызревает интрига:
Шабли, безотчётное в чувствах, отшибло
Прохожему память: с кем пил, забуддыга?!

Захватанный бытом, быв, грешный, обузой
Морали засовов, то рюмкою жив, то
гоним за экзотикой генами, – музой,
Ровесницей Свифта, не знавшего лифта,
При явной подагре, насельник юдоли
Клошара... Чем тверже и бесповоротней,
с подачи его ж, психология воли
Есть враг пустоты – не продукт подворотни,

Напротив родного пространства, в закале
Морозами и перегаром. ОВИРа
Там нет, потому ясновиденьем дали
Душа открывается зодчему мира.
Залог долголетия двуногих, от века
В реформах мутируя, – интерпретатор –
Язык, что осваивает человека,
Двусмысленней в казусах, чем препарат

в умозаключеньях... Приблудные лица
Свежей в прикладном лицемерии. В холод,
в разгар остракизма тебе не столица –
Провинция ставила голос. Лют голод
на горстку тепла... По-захолустному ндравный,
не переболев ни бретонкой, ни мартом,
Врасплох застаёшь своё утро на равной
Ноге, отчужденец, с Мольером, с Монмартром...

* * *

Близ Канн, и под лязг голышей – не стаканов,
Душой ты в заснеженном детстве – оно
Трофейными феями киноэкранов
До сей поры в зимах одушевлено,
Тем более здесь вот, в виду баркентины,
Где от откровенных бикини пестро,
Лукавую маску ночной Коломбины
Губами жуира снимает Пьеро.

Средь полураздетых, но с той из-под масок
Призывностью, что будоражит умы,
Уже и не до обескровленных красок
Сибирской зимы, век обутой в пимы:
С закушенной розой скорее – latinos,
Кому ж выпрядает мажорный мотив
Фемина, чьи попка и перси – навынос,
Лучистым движеньем тебя залучив?

Здесь нет места мифам... Согласно эпохе,
Весёлый цинизм пикировок, вино,
Рука на коленке – не взгляды и вздохи –
Курьеры твоей куртуазности, но

Потом на песчаном мысу, по резонной
ли (?) паузе, сводишь объятья, глуша
Растрянность феи – интонационной
Ночной интенсивностью фавна, греша

Подчас и гротеском. Выходит, с лихвою
Проказничая, но – грядущий утиль,
Интрижками взял ты – взбодрённый борьбою
С её предрассудками... Сумерки... Штиль...
Она уже, как и предрёк ты, готова...
И только (голимый до сладости лёд)
Сосулька из детства, родная, с резного
Карниза нет - нет, да и в сердце кольнёт...

* * *

O.G.

Все чаще, порицаемый, вне связи
С моралью и не в масть маститым, я
Упорней, беспорядочные связи
В систему у-по-ря-до-чи-ва-я,
Покуда, загорелые, ко гневу
Филистеров, здесь раз-де-ва-ют-ся
Сирены, прародительницу Еву
Телесной откровенностью язвя...
Направленно неправеден, не споря,
Под сонмом надзирающих светил,
Я отпустил их, обнажённых, в море,
И благо, что вконец не упустил
Их, взбалмошных. Под южными Весами,
Слежу их игры, обоняя хмель
Тосканских лоз, усыновленный снами
Жены – отсель за тридевять земель...

Не ведать бы ей, пифии дознанья:
Резвятся Адриатикой, в глуши,
Не демоны ночного подсознанья,
Но – явленные ангелы души,
И в то же время (по спине мурашки...)
Они, воображение бодря, –
Две хрупких буколических букашки
На молодой ладони бытия,
Покуда же, застенчив, открываясь
В томлень по телесному теплу,
Их, в женственности жёсткой, – дожидаясь,
Дождь, малахольный, киснет на молу...
Но посегодня, лишь глаза закрою, –
Они, призывный плеск, передо мной,
Обнажены, под мерною луною,
Наяды Адриатики ночной...

* * *

В укладе непомерной одномерности,
Не отсылай к сомнениям себя,
Атавистической сподоблен верности
Любезным музам, но – не торопя

Ход фабулы, когда по наущению
Неисцелимых комплексов, в плену,
Ты спутник им... Виват воображению,
Раздевшему, признаться, не одну

Из неприступных давеча. Подержанный,
На первый взгляд, но неизменно свеж,
Сюжет, ветвист, суть человек – подверженный
Себе ж, как рок... И персонажи – те ж:

Со сладким холодком вдоль позвоночника,
Кто б на бегу, что каверзней всего,
Ни заскочил бы в сердце полуночника,
Не выйдет, изгоняем, из него...

Суфлируя ненастью, настоящее
Похлеще «доброхотов» записных,
Покуда, в толкованьях, предстоящее
Не ловят на растлении чужих

Зажатых добродетелей. Вминаемый
В бессонницу, с азартом из-под век
Наездника, стабильно обираемый
Конвульсиями, топит имярек

Рассудок в них... Взнуздав воображение,
Сплошной полупомешанный диптих,
Дай им отдохновенья, вдохновение,
От неусыпных милостей твоих,

Тогда уже и спросится старицею
За камерное бдение вдвоём
Со страницей по вечности, страницею,
С которой на два голоса поём...

* * *

В «*Овидиевых тристиях*» творим,
Классически суров, могучей кладки,
Из вечности окуклившийся Рим,
Запахиваясь в каменные складки,

Вмурован в мир... Шибяющий огнём,
В кремнёвую брусчатку, словно бурей,

Вбит, в мелосе металла, мерный гром
Орлами обитаемых центурий,
Чьи устремленья перспективу рвут, –
Пока, несом к предательству толпою
Убийц, смертельной – спрут, brutальный Брут,
С кинжалом под кромешною полою.

В крови **гиперборея** растворим,
Рим, обряжённый в вечную порфиру, –
Грядущего застрельщик... Третий Рим,
Не снявший грима схимника и миру

Явивший куполов густую зернь, –
Тучнее: здесь, отлучена от неба,
Как и у Колизея, – злее чернь,
Неисцелимо алчущая *«хлеба*

И зрелищ!» Разминувшись на мосту
С ней, с Мессалиной, не пеняй ей: узы
Незримого родства – здесь крепче... У
неё – взгляд деклассированной музыки,

Свежо приобнажающей резцы...
Жизнь каплет древним млеком на страницы,
Спелёнутая в вечные сосцы
Отвесно бдящей, пристальной волчицы,

Чей желторотый Рим – апофеоз
Роскошной возмужалости. Признаться,
В акустике его метаморфоз
Есть с **вечностью** кому перекликаться...

«Вечный двигатель» – по заключению прозаика, в желчегонной действительности мерзостей сих, человек, унаследован снами, – мозаика хромосом, проецируемых на иных из попутчиков по эволюции вида... Но, воплощённый дидактик, далеко не бурбон, – при рефлексии присных & (где ж это видано?), ровно с музой на выданье, выделен он перекрёстным опылением мозгов, «ископаемый» – по умозаключению роящихся: чтим чаепитьями под остракизм, приручаемый трезвостью, привечаемой бдящими... Сим отвечая ревнителям, стыдного сходства вне, крепко внял он, уже по тому одному, что досада других на его превосходство – не досаждаёт, в ущербности оных, ему.

Не пеняя за взвинченность логики – втянутым в тяжбу мировоззрений, мордующих всласть, о призвании судят, язвя, по натянутым отношеньям с действительностью: прижилась ложь в любом из сограждан, кому правда – бременем... Почему ж тогда, не из духовных калек, дегустатор надежд, прорежаемых временем, частною безучастностью – жив человек? В ипостаси статиста сопутствуя Лиру, он поглощён рокировкой рока. В «чужих», с мором в ногу просторно шагает по миру он, выдворяем из памяти присных своих. Травоядные лирики, будучи лишними, по наитью (?), себе ж вышибают мозги:

срежиссированная, уж точно не вышними силами, правомерна ли жизнь, ведь ни зги в её вечных загадках? Надсадней миграция увлечений, к тому ж, по Амьего, «пейзаж – состоянье души...». Родниковая интонация в голосе спутницы. Рядовой персонаж пасторали, над ними царит – неменяемый в невесомости, так увлекаем душой, что уходит в зенит, – птичий клин, разбиваемый на пернатые кланы – Бореем... Чужой?

* * *

Жизнь, по существу, отказавший духовному бденью, покуда прозрение часа урочного ждёт, – пройдя школу шока, он роком ведом к осмысленью: жизнь – вечный кошмар, что, в наветах,

«ни в жисть» не умрёт:

так серость выкладывается, язвя, в выживанье «нацмена» из жизни, что здесь, изуверов среди, всё непостижимее «дерзость» его выживанья – в плодящихся подлостях потной среды. Впереди погромы здоровья и психики! По-ко-ем брезжат ему, страсотерпцу, заветные кущи в раю, пока в чёрном теле – не тело, удушливы, держат его душегубы – скорбящую душу свою...

Продукт истязаний, он – сгусток самообладанья но не адаптивен к реальности, ибо сама боль, став ему, горькому, формою существованья, – отнюдь не фантомна и сводит строптивца с ума... При музах, сдающих позиции, иносказаньем едва вуалируя суть и цинично скорбя о мистифицируемых, он помыкаем сознанием,

уже – осознавшим прогорклою клеткой себя...
Врождённой враждебностью, друг,
к бесхребетности – школя
судьбу, как ни ропщет, но, анахронизму сродни,
эволюционируя, тверже в лишениях воля,
отдав насыщенью трудом бесконечные дни...
Меж тем неразумные массы, в брожение и давке,
заложники ложных доктрин, очумелы, как гурт, –
в реальности, перенасыщенной монстрами Кафки –
живут паранойей и, в ней, утверждают абсурд...
При альтернативе: стреляться, sheri, либо спиться,
поскольку иного, в рефлексиях сих, не дано:
эстетикою наслаждения – не заслониться
от лютои и бессердечия извергов. Но,
протравленный травлей, обжившись,
лингвист, в удушенье
бездушьем лемуров, он тем и крамолен (?), в глуши:
состав его крови, «сомнителен», есть преступленье
заложнику жизни, изложенной «жистью» во лжи,
как некогда, чаемым не приручаем, в Паланге...
Пока прихожанка, задушевною статью светла,
в нём суть не прозрела,
напевно прорекшая «А-а-ангел...» –
ему, страстотерпцу, и тьму от души отвела...
Заложница бренности, в скепсисе неутолима,
жизнь, выжжена болями, – незаурядный коллаж
дежурных коллизий, тех, чья достоверность судима...
Да, при тиражах, что, подённые, вышли в тираж,
духовное бденье, оттачивающее зренье
«нацмена», даёт суверенность в аскезе, где пуще всего,
язвит, обрекаемый (?) на прозябанье в забвенье,
мир в горькой тетради – уже не от мира сего...

Вечность в поэтике Николая Шамсутдинова

* * *

При всеведущих душах, по-прежнему бдя,
жизнь тошна, если вдуматься, смысловым смогом,
сколькo, сударь, ни вчитываются в себя,
оставляемы наедине с монологом:

с логикой не у дел, открывают отлов
ситуаций, ломающих через колено:
чем надсадней зима обезлюдивших снов,
тем насыщеннее в утолении тлена

предстоящее, ведь, наподобье резца,
время, вот кредитор! высекает в морщинах
страх бессмысленности, суть потери лица,
подстраховывая господина в седицах

от оплошностей: как (записной антипод...),
арендуема драмами, жизнь ни эскизна,
умаленье ума либо мысли вразброд –
плод коммерчески выверенного комизма.

Вечность – недолговечна, условных корней,
на свой счёт принимая затмение года,
и реальность, как рок, разверзается в ней,
неизменно суля предвещенье исхода:

диалектика сущей эклектики... Свой –
осени на сносях, формируя гербарий
из морщинистых гарпий, оглянись: за спиной
ты, в мороз, оставляешь, сметлив, бестиарий

бесов... Вторящая обезлюдевшим снам
по зиме, докучающей тяжбой амбиций,
и, поскольку не прибрана роком к рукам,
старость спрашивает с индивидуума сторицей,

ведь у ночи свои полномочия, но –
в дегустации прелестей женских, покуда
твоё сердце – навстречу им отворено,
то ему не грозит, в оборотнях, остуда...

Авторский стиль просматривается достаточно прозрачно: обилие метафор (причём, в этом стихотворении их достаточно обильное количество), драматургически сложно воспринимаемый сюжет (в постмодернистской поэтике – это абсолютно нормальное явление, предполагающее не простое чтение текста, а вникание в его суть и идею), «переброс» смыслового контекста из одной строки в другую (незаконченность фраз, а лишь их начало и завершение на другой, а то и дело – через строчку). В этом видится своеобразие письма, творческого почерка Николая Миркамаловича Шамсутдинова. И эти константы творчества – не есть «плохо», как сказали бы ещё несколько лет назад. В этом, скорее, видится некая «изюминка» стиля, проявляющая яркую творческую индивидуальность! Именно поэтому в данном конкретном случае принципиально возможно говорить об «авторском стиле» – словосочетания, с которого я начал свою рецензию.

Тем не менее, неоднократное упоминание слова «сон» лично меня – как любителя сюрреализма – совершенно напрямую направляет к сюрреализму – течению, в котором вся образная палитра связана с этим словом, более того, в несколько гипертрофированном варианте. Приведу пример следующие строки:

*«...чем надсадней зима обезлюдевших снов,
тем насыщеннее в утолении тлена
предстоящее...»,*

или:

*«Вторящая обезлюдевшим снам
по зиме, докучающей тяжбой амбиций,
и, поскольку не прибрана роком к рукам,
старость спрашивает с индивидуума сторицей...».*

Обезлюдевшие сны – одна из метафор сюрреализма, воплощённая, например, в произведениях (не только в стихотворениях) А. Рембо, Ж. Кокто и др.

Стихотворение Николая Шамсутдинова, конечно же, имеет опосредованное отношение к сюрреализму в целом, но его «отголоски» проявляются не только в использовании данного слова, но и в общей концепции стихотворения!

Очень интересны сопоставления и доказательные обоснования некоторых абсолютно противоречивых «терминов». Например, особо интересно сопоставление слов *«Вечность – недолговечна...»*. Мы все привыкли к тому, что вечность – это то понятие, которое несёт в себе смысловую нагрузку безвременья, то есть под вечностью понимают в большинстве случаев *всегда*, то, что никогда не исчезнет и является символом бесконечности. В стихотворении мы читаем:

*«Вечность – недолговечна, условных корней,
на свой счёт принимая затмение года,
и реальность, как рок, разверзается в ней,
неизменно суля предвещенье исхода».*

Абсолютно, на мой взгляд, правильное утверждение! В контексте постмодернистского сознания именно так и трактуется **вечность!**

Подводя итог размышлениям, хочется отметить, что стихотворение, написанное совсем недавно – образец постмодернистской эстетики, «вбирающей» в себя разные стилистические нормативы, разные образные и содержательные идеи. Однако, оно наполнено совершенно оригинальным авторским стилем, что очень важно в наши дни и несёт в себе великое счастье ознакомления с новыми, интересными мыслями и смыслами!

От всей души поздравляю Николая Миркамаловича с 40-летием творческого стажа в Союзе писателей СССР и желаю величайшему автору долголетия на радость всем нам – читателям безграничного таланта!

С глубоким уважением,

Владислав Олегович Петров – музыковед, поэт, публицист (автор свыше трехсот научных статей), доктор искусствоведения, доцент кафедры теории и истории музыки Астраханской государственной консерватории, руководитель Астраханского филиала Межрегиональной российской общественной организации «Гильдия музыковедов», заслуженный работник науки и образования, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Института научного рецензирования Академической издательской группы «Nota Bene». Участник, дипломант и лауреат Международных и Всероссийских конференций (более тридцати), фестивалей-конкурсов в области искусствоведения и литературы, член международного Союза писателей (Канада). Родился в 1978 году в Астрахани.

Владислав ПЕТРОВ – гость рубрики

МИР ПРОСЫПАЕТСЯ

Ароматами дикими,
звуками тихими,
нежными цветами
весна расцветает!

Чувствами грешными
запахло спешно так –
свежими травами –
кому-то – отравами!

Сутками мерила
зима свои времена,
но солнце воздух теплит
и лёд по швам трещит!

Красками алыми,
кусочками талыми
восходит любовь
над землёю грехов!

Ветром простуженный,
снегом задушенный,
мир просыпается,
в тепле так нуждается!

Победами новыми
зелёно-багровыми
хочет насладиться,
запутав в лицах
отряды подчинённых –
людей в нём заключённых!

БЕКАРЫ*

Диезы* не внушают,
бемоли* придают,
моей игре мешают
все знаки – не дают
возможность к продвижению
в альтернативный путь,
пытаюсь я сраженьем
раскрасить в краски суть!

Всего милей бекары –
отмена прежних тем,
не думал я, что ранит
весь список теорем,
представленных канонам
классических систем –
советников ризомы*
условных подсистем!

Диезы опоздали,
бемоли не смогли
разрушить все детали
хроматики посты...
В бекарах растворяюсь –
отмена коридоров
и в авангарде таю
без войска и героев!

* Бекары – нейтральное выражение эмоций

* Диезы – повышение эмоций в мажорную сферу

* Бемоли – понижение эмоций в минорную сферу

БАТА

горячий снег на моей вате,
город затих, а я в циферблате
пристальным стал: взор его тонкий -
я не попал в ризомы подборки,

но не ропщу – сам себе в роскошь,
не научусь вышвырнуть броскость,
но на моей истоптанной вате
снег на войне с былым адекватом...

чудится, что море в пространстве,
но все не то – игра в постоянстве,
и день уже ночь, но ночь не заходит –
в странствии дочь лихих одиночеств...

я же иду – снег же на вате
город – лишь тень, но я в циферблате
прячусь за стужу – сиреневый галстук
всех, кто остужен любовью в праздник...

кто-то спешит, кто-то в неволе
у собственных тайн – апельсиновых долек,
нет тишины, но город в затишье,
на моей вате снега уж слишком...

НО-ТЫ...

Так больно невозможность бьёт по венам,
стреляя временем в мечты –
как недосказанность в моменты
и в необщении взойти на «ты»...
На «ты»? Хвалюсь перед судьбою:
а был ли тот обман обманом?

На «ты»! Да, был! Собой с тобою,
но ноты сделались туманом...

И зазвучала ночь молчаньем,
и души в холоде забились...

Любовь была в слепом начале –
она спала, и мы ей снились!

На «ты» – да, было! Неслучайность?

Но ты не можешь долго лгать...

И превратились ноты в самость:
не ты на «ты», и ноты вспять...

ПО СЛОВАМ

Не по губам - это не больно,
Бей по словам... Больно! Довольна?

Слог за слогом ввысь разлетались,
А в выси той в букварь превращались...

Не по рукам - это не сильно,
Бей по мечтам... Сильно! Красиво

Они полетят в прошлые дали,
Где донельзя тобой восторгались...

Не по щекам - это же скучно,
Бей по всем снам... Скучно? Измучен
Отсутствием их в этой природе –
Я не одет вновь по погоде...

Не по плечам - это красиво,
Ещё по словам... Красиво? Игриво
Предательски вновь они возвращались,
Буквы в слова зачем-то слагались...

Маргарита СЛАДКОВА – гость рубрики

*Солнце – ед. число, род мужской**

мини-цикл верлибров и стихов

*К 40-летию писательского стажа (1982-2022)
советского и российского писателя Н.М. Шамсутдинова*

ШАМС*

Солнце!

Не дотягиваем даже до предчувствия
миллионных, тысячных его светоносности.
Отношение себя к нему умом не охватить.
Разве что – одной ноты к исполнению
оркестром симфонии...

Жжёт!

Поглощает память и внимание.
Вытапливает скучное, безвольное и очевидное.

Даёт!

Обнажённое. Раненое и выжившее.
Сокровенное. Вибрирующее.
Честное до умопомрачения.
Входит мучительно.
Вживляется безусловно.
Зарождает всегда новое,
однозначно неоднозначное.

Без него

серым серо!

* ШАМС – в переводе с арабского означает – «СОЛНЦЕ». Следует отметить то немаловажное обстоятельство, что фамилия советского и российского писателя Николая Миркамаловича Шамсутдинова, несёт специфическую нагрузку: первый слог его фамилии звучит Шамс.

ТРИ В ОДНОМ

I

Видоизменяют в нечто:
с расплавленной формой,
с фрагментами информации,
с заведомо подложным набором
пазлов без исходной картины,
превращающим в абсурд разгаданные части.

II

А проступающие со скоростью всяческих прогрессий
дыры в бортах заполняются умноженным вымыслом,
стреноженной правдой.
Имя его, лишившись части знаков, озвучивает мир
зловеще до рези в смыслах,
и одиночество подвывает из каждой щели
однообразно, трезво, оценочно.
Местами лоснящиеся призывы-пустышки
слепят пристыженный глаз.

III

Три времени сошлись и слиплись блином
из скоплений плоти, курящейся в набухающие кучи
безбожного вранья, закулисных игр живыми,
податливыми, недоумёнными, увешанными
спиральными лентами в подтёртых и пробитых
ультразвуком символах,
выдавливающих на свет божий
страх за жизнь в целом,
за жизнь каждого близкого,
за жизнь свою,
кем-то упрощённую
за статистической единицы,
которой можно пренебречь...

МЕТАКАРТЫ

Ищу границы-линии своего допустимого...

Нахожу пунктирные – с большими пробелами намётки.

И не факт, что они именно там и тогда. Для каждого континента, контакта, конфликта свои допущения.

Наблюдение их текучести, исчезновения и появления новых завораживает иллюзий проникновения каждого в каждое и вот ты на грани.

Как в гипносе кнопка «блокировать» ускользает, а тобой жмёт себя «разрешить».

Самопроникновение незаметно и вне времени:

то ты вдруг разбросан на атомы, то туго вплетён в абсолютно не своё событие, то вдруг удивлённо рассматриваешь жетон в собственной руке, сидя на скамейке штрафников, а на твоём поле продолжается твоя игра в твоё отсутствие!

В каждый следующий момент всё начинается снова с неизвестно откуда появившейся точки, как с условия одномоментности отжившей и предполагаемой.

Ты фокус. И фокусник.

ЛОВУШКА

Пресытившись мнимой свободой до исступленья, оставшись одна, словно перст, запрещающим знаком, совершая молитвенным слогом сагу забвенья я пришла не туда, не оттуда (как глупо), всё это не надо. И оставшись один на один с нерастроченной силой, и не зная пути, опрометчиво опустошаясь, распознав изумленно, что зыбко, а что выносимо, я рассталась с собой. И ловушка без сыра осталась.

ВИДНО, ПОЗДНО

Круглолобых слепых кутят
накрыла звездчатая сеть –
не видно куда бежать-идти-
ползти-плыть-лететь:
вжат в себя разносортный плод
от низов до вершин
от упущенных действий и слов.
От порока причин.
Ползут кишасцей рекой,
смакуют узаконенный страх
побеждённые собой
в монохромных куар-номерах...
Видно, поздно строить ковчег.
Теперь – только к себе мост.
Опечатаны грядущие дни.
Закупорен на зиму мозг.
Промокнув изнанкой лицо,
уронив невежества взгляд,
от стыда прозревая – кричу –
извлекается только мат.

СКАЖИ МНЕ СЛОВО

Скажи мне слово языком
проникновенным, острым, странным,
цветистым, диким, неподдельным,
занятым, тайным и коварным!
Я им дышать желаю.
Пить его. Прикладывать к груди.
В его одеждах и уснуть хочу и пробудиться.
В его сетях, как рыбка золотая биться.

В его ночи звездой взойти!
И богоданным алгоритмом
в полёте восхищенно-колоритном,
тебя порадовать хочу я тоже –
живым творящим словом Божьим.

ПУСТЬ

Пусть невозможно сложно согласиться
И с суетливым сумасбродством,
и с запоздалым пониманием вещей,
и с переходом с ними, наконец, на «ты»...
Насмешливо гудят, роятся и жужжат,
друг друга, жалея и уничтожая
такие ясные, но в сущности уже не нужные желанья...
И очень трудно в этом ворохе осеннем
увидеть – так, какие же в приоритете...
Одно желание: идти по ним, шурша.
И поднимать, как маленькие смерчи, время.

СЛАДКОВА Маргарита Генриховна
– член литературного объединения
«Северный огонёк» с 2012 года,
кандидат на вступление в Союз
писателей. Родилась в городе
Запорожье в Украине. Окончила
Тверской государственный
университет по специальности
бакалавр физической культуры.
Публиковалась в альманахах: «Сургут
литературный», «Врата Сибири»,
«Гиперборей», «Югра глазами поэтов,
писателей и художников» и в
коллективных сборниках лит.
объединения «Северный огонёк».
Автор книг: «Поле совместимости
или игра слов», «Болеро». «Вишня с
бренди» (соавторство). С 1981 года
живет и работает в городе Сургут,
ХМАО-Югра.

«Друзей прекрасные черты»

Елена АНАНЬЕВА

Ассоциация «Содружество Глория», поздравляет Мастера поэтического слова, наставника, одного из основателей Ассоциации союзов писателей и издателей России, создателя литературно-художественного альманаха «Гиперборей» – Николая Миркамаловича Шамсутдинова, встречающего в марте нынешнего года сорокалетие своего пребывания в Союзе писателей СССР, ставшего в 1982 году ПЕРВЫМ членом этого уникального писательского сообщества и в северном Сургуте, и на огромном материке нефтяного Приобья. Желаем писательского долголетия и дальнейшего процветания «Гиперборей»!

АТЛАНТАМ

Посвящаю поэту Николаю Шамсутдинову

Он искал, где тепло,
Мифы где оживают,
Он взывал, в ожидании,
Он стремился. Терял.

Он – Атлант
и атлантов зовёт к процветанию.
Гиперборей его - из мечтаний,
И в свидетели всех цикад призывал.

Разрывался он парусом,
В сердце мачты и реи кололи.
Вдаль и вглубь отправлялся Земли.
За Отечество, волю, Севера дух и Сибири,

Присобрать семена, чтоб с весной
Посадить и отправить
На волю души
письмена и стихи.

Пусть ворвутся вновь к нам -
Паруса белопрестольной,
Потревожат смиРНёхонький
И запоздалый уют.

Мифы, сад, красота поднебесья,
Исторических истин глубины
И до донышка кубки вина.
Первородные свитки
И пакет привечальный,
Чем укрыться, где спрятаться
Людам болезным, Атлант?

Омовение – Созиданием.
Новых зёрен взрастим откровения.
«Гиперборей» ждёт
Известный всем нам.
...Нанижем на нитку живую
Добро и дела.

ДРУЗЬЯМ

Апельсинную косточку
в цветочный горшочек зарюю,
И теплом поливая,
Бога прошу и прошу:
Дай спасения страждущим,
дай первоцвет мая,

очень всеми друзьями
в жизни всегда дорожу.

Люблю чужой талант
и преклоняюсь.
Радуют успехи всех -
новых стихотворений,
баллад, откровений,
книг, изданий, картин – класс!
Вслед им взор устремляю,
А – получается –
наверх. Как сейчас!

Друзей черты прекрасны –
не забываю и люблю.
И тех, кто смотрит
с высоты ветров,
и тех, кто проплывает
в лодке летней.

Продолжить хочется
великих строки –
словами космоса
вновь жить. И верой –
шире океанов – созвездие
Духа Чести заслужил.

Франкфурт-на-Майне, 2021

Борис БАРТФЕЛЬД

Сегодня – во Всемирный день поэзии у одного из героев моей книги «Посвящений» знаменательная дата.

Кто отгадает его славное имя? А вот и отгадка. Герой посвящения - один из крупнейших современных поэтов Николай Шамсутдинов.

С профессиональным писательским юбилеем Вас, дорогой Николай Миркамалович!

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вот и ко мне пришла пора бессонницы.

В плену её забот, под гомон

Певчих птиц и *Corvus cornix*,

то бишь ворон,

Сперва я слышу гулкий строй колонн

И топот римской конницы.

Затем тяжёлый шаг,

бряцание меча –

В ночи передо мною Гай Светоний.

Но почему в Тольятти? Чуть дыша,

Спрошу его – быть может, оттого,

Что итальянской чести удостоен

Хрущёвым Ставрополь на Волге

Всего за месяц до свержения с поста?

Сюда явился ты из глубины веков

От берегов туманных Тибра иль Туры.

Останусь хладнокровен,

Чтоб говорить с тобою наравне.

Как бьётся сердце, будет ль кто спокоен,

Когда две тыщи лет стоят перед тобой
И требуют дары –
 вина из виноградников Вероны?
Открой бутылку сухого красного
 «Шато де Арколе»,
Что куплено в соседнем гастрономе.
Испробуй, надеюсь, ты вином доволен?

Я наливаю до краёв – с дороги
Жадно пьёт Светоний.

О чём просить тебя? Прочти, что написал.
Прочти нам про гетер, что знамениты были
В Риме,
 нам явно не хватает этих дам,
А нынешние как-то провалили
 идею Аполлона.

Или прочти про греческую брань.

И он читает мне стихи не на латыни,
Но в строках слышен Колизея гул
И тишина, что ниже на полтона
Смирившего гордыню Пантеона.

Мне чудятся шаги, навек сенат уснул,
Подковы Инцитата бьют и крошат
Цивилизаций грань.

Калининград, 2021

Константин КРИВЧИКОВ

СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ

Николаю Шамсутдинову

Ещё до лета далеко...
Как зимы эти надоели!
И просыпаться нелегко
под заунывные метели.
Но зажигаются огни,
и отступает непогода.
И верим мы – настанут дни,
придёт иное время года.

Мы времена знавали те,
когда сжимало мир от стужи.
И, задыхаясь в темноте,
свечой горели наши души.
Но как бы ни сводили нас
с ума навязчивые тени,
В тени не прятали мы глаз
и не склонялись на колени.

На перекрёстках перемен
нам ветры сердца не остудят.
И верим мы в Полярный день –
он обязательно наступит.
И не прервётся связь времён
под этим старым небосводом,
И в мир, в котором мы живём,
придёт иное время года.

Санкт-Петербург, 2019

Любовь БАЖЕНОВА

ПОЭТУ

*Посвящаю классику современности, мэтру и
наставнику Николаю Шамсутдинову*

Средь лести и вранья
на свете этом,
Наверное,
не просто быть поэтом,
Звездой упасть
на сонную планету
И там остаться на задворках лета?

На севере,
богатом чудесами,
В тайге, где сосны грезят небесами,
Стать пилигримом,
солнце раздающим,
О счастье, о величии поющем.

Жизнь воспевать и красоту искусства,
Даже тогда,
когда на сердце грустно.
Открыть нам мир
таинственный огромный,
Остаться в нём необычайно скромным.

Тюмень, 2022

Вячеслав САЗАНОВИЧ

«Гиперборец пел...»

Если взглянуть на биографию Николая Миркамаловича Шамсутдинова, то можно увидеть, что первая публикация его произведений датируется осенью 1976 года (в московском еженедельнике «Литературная Россия»). С творчеством Николая Миркамаловича я начал знакомиться намного позже. Ну, хотя бы из-за того, что на осень 1976-го мне было всего 1,5 года и читать, естественно, я не умел.

Первая книга поэта мне попала в 2015 году, называется она «Заветная беззаветность». С ходу, так сказать, «кавалерийским наскоком», за два-три дня прочитать её не получилось. Но и заканчивать чтение на очередной странице тоже не хотелось абсолютно. Выражаясь словами о Николае Миркамаловиче, придуманными не мной: «Его поэзию невозможно читать на бегу». Действительно, так и произошло. Можно ещё припомнить фразы, сказанные о творчестве Николая Миркамаловича: «самобытное видение мира», «поэт философского склада», «мудрец, без иронического подтекста» и прочие.

Да, это все правда. Но что касается лично меня, узнавшего творчество Николая Миркамаловича не так давно, то я его творчество могу сравнить с ударами металла об металл. Эти удары совмещают в себе многое – удары молота о наковальню, удары мечей по щитам врагов. Но объединяющим всех этих ударов являются удары большого пассажирского поезда металлическими колесами об полосы металлических дорог. Стук об рельсы прерывается мгновениями тишины – ударный звук замолкает под коротким набегом звуков безударных... И в поезде, и в стихах Николая Миркамаловича этот перелив сопровождается мягким покачиванием души и тела. Читая

его произведения, ощущаешь себя сидящим в вагоне возле окна. Поезд то ускоряется, то замедляет свой ход. И за окном меняются пейзажи. Сейчас ты видишь Францию, через несколько часов мчишься по морскому побережью Италии. Под покачивание «состава – слова» объезжаешь прочие земли, которые не только видишь, но и чувствуешь всей душой. Пройдет ещё немного времени, и ты уже в центре родной Сибири. А если дальше поезд помчится на север, то будешь наблюдать, как деревья постепенно становятся ниже, как редеет тайга, уступая места мхам и болотам. И при движении на север ты обязательно преодолеешь гряду Рифейских гор, а за ними окажешься в прекрасных землях Арктиды, на просторах которой раскинулась легендарная страна Гиперборея – прародина всего человечества...

Но движение не останавливается, поезд и сейчас находится в движении. Встречи с ним, с произведениями Николая Миркамаловича, впереди ещё ожидают множество неведомых и прекрасных далей.

В двух словах - творчество Николая Миркамаловича можно сравнить с локомотивом, пронзающим чувства, душу, пространство и время.

И я благодарен судьбоносной встрече с величайшим поэтом современности, советским и российским писателем Николаем Миркамаловичем Шамсутдиновым, ставшего в 1982 году в моём городе Сургуте ПЕРВЫМ членом легендарного Союза писателей СССР!

С этого времени Н.М. Шамсутдинов становится единственным профессиональным руководителем городского литературного объединения «Северный огонёк» по 1992 год включительно, коим на данный момент руковожу я. Дальнейшее своё литературное развитие я решил продолжить под наставничеством председателя Правления Тюменской региональной организации Союза российских писателей, вступая в её ряды.

В канун знаменательной даты желаю мэтру
сибирского здоровья, долгих лет жизни, душевного
равновесия, заботливого и участливого отношения со
стороны близких и нас – Ваших питомцев!

И в заключение – мои стихи:

* * *

Я построил бы дом,
Получился бы он
Самым лучшим на свете строением.
Застеклил бы его разноцветным стеклом!..
Но, для этого нет совсем времени.

Я бы создал роман,
Непреренно бы стал
Превосходным он произведением.
Завершал бы его нестандартный финал!..
Но и здесь не хватает мне времени.
Парк бы посадил я
Из берёз и осин,
Вызывающий лишь восхищение!..
Но мешает мечте мелкий пунктик один -
Нет ни грамма свободного времени.

Вечность рядом ползёт,
Без хлопот и забот,
Как улитка, по свету и темени.
Пустяки каждый час, каждый день, каждый год,
Ей, живущей без смерти с рождением.

Мне б над вечностью взять
Бесконечную власть
И направить себе во служение.
А ещё лучше лечь, да и выспаться всласть!..
Но на выспаться тоже нет времени.

ИДУ СЛУЧАЙНЫМ ВИЗИТЁРОМ

Я в этом городе чужой.
Взяв одиночество в партнёры
По неизвестной мостовой
Иду случайным визитером.

Берёзы чувствую я взгляд,
Смущённо скрытый под косицей.
И обо мне в листве галдят
Заинтригованные птицы.
Чуть впереди кирпичный дом
Скамью воткнул перед подъездом.
Но даже он своим окном
Следит за мною с интересом.

Дорога скоро в бок вильнет,
Лоснясь под солнцем иллюзорно.
И мне вильнуть с ней в поворот
Совместно будет не зазорно.
Что поджидает по пути?
Места и таинства какие?
Кого смогу ещё найти,
Бродя по городу впервые?

Гулять осталось ровно час,
Потом уеду я отсюда.
Но, все же, чувствую сейчас,
Что здесь чужим уже не буду.
И если я сюда судьбой
Еще раз выброшусь спонтанно,
То вновь увижусь с мостовой
Я словно с другом долгожданным.

О чём,
 прозаик,
 ты хлопчешь?

Николай ШАМСУТДИНОВ

В глубинке

*Памяти мамы моей, Шамсутдиновой Юма-бики Атыкашевны, участницы трудового фронта в годы Великой Отечественной войны: двадцатилетней девушкой заведовала матушка моя пушной факторией в заполярной Тамбейской тундре, в сорокоградусные морозы в которой собирала у охотников-ненцев драгоценные меха соболей, песцов, горностаев... На вырученную от их продажи на мировых аукционах валюту приобретались для воюющего Советского Союза вооружение, медикаменты, продовольствие...
В марте 2022 года исполняется 101год со дня её рождения...*

Не так давно, перелистывая популярный среди северян журнал «Северные просторы», наткнулся я на фразу поэта-ханты Юрия Вэллы «...на большом святом месте в Нумто, во время ритуального жертвоприношения, в присутствии большого числа людей...», и тотчас же условные крылья памяти, подхватив, перенесли меня на шестьдесят с небольшим лет назад туда, в невеликий посёлок Нумто, где уже из дня сегодняшнего вижу я себя крохотным, пятилетним, на берегу необозримого, по тогдашним моим представлениям, легендарного таёжного озера Нуми – Торум, давшего имя этому крохотному посёлочку аборигенов – охотников, рыбаков, оленеводов... Нумто...

Матушка моя о ту пору, будучи секретарем местной партийной ячейки, работала заведующей магазином, а я, сообразно своим невеликим летам, быстрый, в потёртой малице, выменянной на новенький романовский полусубок в одном из чумов, самозабвенно гонял на своей (!) собачьей упряжке, нередко отваживаясь углубляться и в тайгу, где, в трёх верстах от нас, на пушной звероферме дружно жила-вековала русская семья, с детьми из которой я по той поре общался.

Выглядел я в те годы, на невеликих, сообразно возрасту, хантыйских нарточках, записным автохтоном, и посему неизбежных проблем с адаптацией не переживал, благо, в свои малые годы обладал довольно-таки солидным северным стажем, так как переезду в Нумто предшествовало наше с матерью житье-бытье в древнем, бревенчатом Березово («да-да, – глубокомысленно кивали впоследствии мои собеседники при упоминании о нём, – это там, где Меньшиков, и...»), куда, в свою очередь, мать моя, влекомая, как видно, тоской по лесистым просторам своего родного Прииртышья, приехала, покинув студёный Ямал, а точнее, небольшой посёлок Яр-Сале, где солнечным августовским утром сорок девятого года подал я впервые голос свой в мир, напутствуемый традиционно-увесистым шлепком хирурга Миллера.

Ау, Лев Михайлович, где вы?

У искушенного, да и язвительного, как водится, читателя возникнет, впрочем, достаточно тривиальный вопрос, а не разыгралась ли, мол, у автора фантазия, не подпал ли он, наконец, под соблазн сочинить себе романтическую с молодых ногтей биографию, пополнив, таким образом, ряды безусловно бескорыстных мистификаторов от изящной словесности, бытие своё трактующих как бледную копию проживаемой в воспаленном воображении, отраженной некими метафизическими флюидами, жизни...

Да нет же! – отмахивается автор, этим рефлекторным движением отстраняя от себя вездливого читателя, но – соединяя действительность с памятью, сущее с минувшим.

Отца своего я в те отроческие годы не помнил, и отсутствие его воспринимал как вполне объективную очевидность, нимало как помнится, не задумываясь об обстоятельствах его непонятого мне отсутствия.

А он, как выяснилось позже, «трубил» в это время на горько-достопамятном Волго-Доне, куда под конвоем, едва мне исполнился лишь год, был доставлен по этапу, с опозданием на семь-восемь лет, за да-авнюю, ещё военных лет, «провинность»: как-то случилось ему, будучи командиром полковой разведгруппы, попасть к фашистам в плен, откуда ему, человеку молодому и дерзкому, несколько дней спустя, прямо с допроса, удалось всё же бежать к своим, поплатившись лишь звёздочкой с капитанского погона, что, впрочем, не помешало ему закончить войну в Кенигсберге майором и вот, уже годы спустя, быть, походя швырнутым под жернова отечественного правосудия.

Карающая десница родимой Фемиды, при всей её гносеологической аллегоричности, пусть и с опозданием, но возникла как ещё и страшная бесспорность тотального произвола, отрицающая доводы фарисействующих адвокатов режима.

Но порой уподобляема жизнь протяжённому – нет! развернутому во времени и пространстве чуду, когда сбываются самые смелые, нечаемые чаянья, и, при всей парадоксальности, нет, более того, паранормальности ситуации, не остаётся в сердце нечаянной жертвы ни ненависти, ни сожаления, ни, тем более, сетований о безвозвратно утерянных днях скудной на радости жизни, а живёт только радость долгожданного освобождения, такое ёмкое, вполне физически осязательное ощущение воли, простора, не стеснённого, наконец, осточертевшей колючей проволокой.

Впрочем, всё это пока где-то там, в будущем, а мы, досточтимый читатель, обратим свой мысленный взор в ретроспективу, к истокам, предшествовавшим появлению автора на свет в ямальской тундре, на исходе короткого полярного лета.

А завязывалось всё самым прозаичным образом, когда по примеру многих своих сверстниц, мама моя Юма-

бика, будучи совсем юной, покинула свое родное село Ренчики, что осталось в далёком Прииртышье, и отправилась, по совету близкой родственницы, на «севера», где и осела она вскорости в небольшом посёлочке Пуйко, определившись на службу в тамошний рыбокооп.

Шёл военный сорок третий, и поэтому крепких мужских рук для работы – отчаянно не хватало. И никого, поэтому не удивило, когда была спешно сколочена и отправлена в дальний лес бригада из шести молоденьких девушек. А те, разумеется, и не роптали: суровые военные времена мало располагали к свободному волеизъявлению и самочинности в действиях.

Итак, собрались они, сознательные наши, да и погрузились в большую лодку – неводник. Плыть предстояло им более трёх суток, вплоть до реки Хатата, на берегу, которого ютилась о той поре старая заброшенная фактория.

Катю, так переиначили на русский лад болгарское родовое имя мамы Юма-бика, и её напарницу Юлю, как самых сильных, посадили на вёсла, и тронулась притихшая бригада в путь, в неизвестность...

Тут, как на грех, разыгрался на Оби настоящий шторм, и пошло швырять рыбокооповскую посудину на огромных речных волнах, которые, судя по рассказам очевидцев, мало чем уступали по величине и лютости валам морским. Представьте же себе такую картину: вздымает разбушевавшаяся стихия утлое судёнышко на высокий пенный гребень, затем круто низвергает его вниз, и обрывается следом, в пустоту, да и что говорить, в испуг да отчаяние, трепещущее девичье сердце.

Уже по прибытии на место назначения придали девичьей бригаде в качестве наставника семидесятипятилетнего старичка, которому предстояло вскорости обучить девчат валить лес, споро ошкуривать

древесные стволы, разделявать тяжеленные брёвна на увесистые чурбаки и т.д.

Стояла, как вспоминает матушка, невыносимая жара. Невыносимое пекло!

Но пуще зноя донимали девчат с укутанными в платки лицами комары и мошкара, буквально забивая шевелящейся, жалящей массой рты и ноздри, не давая дышать. Изредка спасали страдалиц хилые ветерки с реки. В безветрие же приходилось спасаться – отсиживаясь в брезентовой палатке. К тому же донимал наших работниц и перманентный голод: военный паек составлял при такой выматывающей работе лишь 700 граммов хлеба в день. Небольшой же месячный приварок в виде пятисот граммов круп и двухсот граммов масла мало их радовал...

А работу девчатам приходилось ломить самую что ни на есть мужскую, ведь от старичка тамошнего проку в работе не было, по существу, никакого. Единственная польза его заключалась в том, что он, в меру невеликих силёнок своих, всё-таки старался их подкармливать. И с этой целью, каждый день, рано поутру, ветхий дедок выходил на своей не менее ветхой посудине на реку, ставил на реке немудреную свою снастишку и неизменно возвращался к обеду с уловом, чаще всего – с муксуном. Однако на сей неизменный деликатес – хоть в варёном, хоть в печёном виде – к концу своего «срока» они уже (вы слышите, гурманы?!) и смотреть-то не могли.

Когда же минул авральный месяц, приспела нашим девчатам пора возвращаться в рыбкооп...

В тамошней конторе, здраво полагая, что наша героиня достойно выдержала трудовой экзамен, предложили ей, в поощрение, должно быть, работу в местном магазине. Ан нет, отказалась она, испугавшись, скорей всего, финансовых сложностей и возможной, как у многих её опрометчивых сверстниц, растраты, да и, как следствия, вполне вероятной тюрьмы. И на этом-то эпизоде её рассказа память довольно споро подкинула мне

художественную параллель с героиней рассказа В.Распутина «Деньги для Марии», где в незамысловатой бытийной ситуации раскрывается трагедия молодой, поистине неискущённой в жизненных коллизиях молодой колхозницы, необдуманно, по незнанию, принявшей сельский магазин...

Но судьба *нашей*, подчеркиваю, героини не укладывается в рамки притчи, повествующей о другой женской, драматической, судьбе, определённой писателем для своей героини, поскольку юная, по существу, Юмабика, принимает предложение учиться в торговом училище в Салехарде, куда вскорости, в фанерный чемоданчик собрав свои немудреные пожитки, она и отправляется вместе с закадычной подружкой. И плывёт-то она по серой, по-осеннему пустынной Оби на легендарном в тех краях пароходе «Микоян», с которым самым неисповедимым образом окажется связанной впоследствии её «северная» жизнь.

Находилось торговое училище о той поре в самом центре окружной «столицы». Программа обучения была в нём и по тем временам достаточно немудрёной, вполне укладываясь в программу техникума, с добавлением, впрочем, профильных дисциплин: пушное дело, промышленные и продовольственные товары, язык аборигенов...

Маме, выросшей в стихии родного болгарского языка, с трудом поначалу давался ненецкий язык, причём этот, вполне естественный для неё, «неместной», «недостаток» штрафовался, да и весьма, по тогдашним нелегким временам, довольно жестко – усекновением стипендии, что, при тощем пайке в 450 граммов хлеба в день, было ощутимым испытанием для молодого организма.

Как писателю, небезынтересно было мне узнать от неё о том, что именно в торговом училище в ту военную пору преподавал ненецкий и русский языки будущий классик ненецкой литературы Иван Истомин, о котором

мама отзывалась с неизменным теплом и уважением, так как, отмечая успехи своей подопечной в изучении, в частности, ненецкого языка, он шутливо констатировал, что при таком знании ненецкого, в тундре с голода она не пропадёт.

Уже пораженный полиомиелитом, передвигался преподаватель с трудом, на костылях, благо квартировал он неподалеку от училища. Детей, двух непоседливых девочек, воспитывала его жена, красивая, по словам мамы, полная, цветущая зырянка...

Незаметно пролетел учебный год, и мама, единственная из женской группы, получила диплом по специальности пушняка-заготовителя, её же соученицы наладились кто в пекарни, а кто и в магазины.

При распределении же попросилась она – и резонный вопрос: зачем? – на самую дальнюю факторию, хотя и отговаривали её, предлагая место в Салехарде и пугая ужасами недавнего восстания ненцев в стойбище Манталы, Тамбейского района.

Само по себе восстание это было не более чем робкой, пассивной попыткой туземцев противостоять растущему давлению властей, и заключалось в том лишь, что охотники-тундровики в течение четырех месяцев просто-напросто не сдавали пушнину. Закончилось это стихийное выступление тем, что взяли под арест сорок охотников и увезли в Салехард, надо полагать, на расправу.

Из всевозможных источников хорошо нам известно, что автохтоны отличались мягким, незлобивым характером, философски легко мирясь с тяготами и лишениями, и посему мать по приезду к месту назначения застала в тамошних стойбищах тишину и спокойствие. Жизнь текла по отлаженному веками распорядку.

Приняла вскоре новоиспечённый «пушнык» участок приёма пушнины Песидэй, который обеспечивали мехами два местных колхоза. Шкурка песца, как правило, оценивалась в сто рублей, деньги выплачивались

охотнику по количеству предъявляемых им деревянных биров, полученных за каждый сданный «экземпляр». Помимо обычных песцов, встречались и голубые песцы, но очень редко. Так, за три года, проведённых на участке, мать отправила на материк всего восемь голубых песцов. Ещё реже в тамошние места забредал горноста́й.

Объёмы добычи пушнины были довольно велики, ходко расходилась она на разнообразных аукционах, а на вырученные от её продажи деньги, как известно, приобретались за границей, у союзников, вооружение, продовольствие, медикаменты...

Заведую отдалённой пушной базой, мать держала свои склады в Песидэе и Тамбее, расстояние между которыми составляло более восьмидесяти трудных, тянущихся сплошной, зачастую непроходимой, тундрой, километров, которые приходилось преодолевать на оленьих упряжках.

На складах мама вела и торговлю с местным населением. Небогатый ассортимент продуктов, состоящий в ту пору из муки, хлеба, масла, сахара, соли, вполне удовлетворял непритязательных тундровиков. Изредка, на десерт, так сказать, баловали их «огненной водой», до которой уж больно был охоч тундровый народец. Среди же местных женщин была особо популярна мануфактура, за которую охотно они расплачивались дорогими, редкими мехами. А вот оружием для охоты и боеприпасами местные охотники снабжались по особым, рыбокооповским, разнарядкам...

Как долгожданные праздники, воспринимались нечастые приходы в Богом забытые приполярные селеньица весьма легендарного на «северах», натрудившегося буксира «Микоян», доставлявшего аборигенам промтовары, продовольствие, уголь и взамен всего этого загружавшегося пушниной и так называемым «сырьём» – оленьими шкурами, лапами...

Появлялся буксир, согласно расписанию, по ранней осени, ведя за собой караван из двенадцати, как правило, барж, каждую из которых оставлял он на «торговых точках», начинавшихся с Нового порта... Затем следовали «точки» на Палково, Сияге, Тамбее и т.д. Последним на пути буксира участком был мыс Дровяной, миновав который, «Микоян» выходил в Карское море, оттуда – в Тазовскую Губу, к Гыде, где разгружали последнюю из его барж. Затем он делал разворот и возвращался обратно.

К его приходу баржи были свободны от предыдущего груза и загружены, в свою очередь, пушниной. Поздней осенью, по шуге, будя хриплым гудком приземистые селеньица, отмечаясь в каждом из приёмных пунктов, возвращался труженик «Микоян» в Салехард... А оттуда направлялась дорогая пушнина в Омск, где находилась главная пушная база.

В одном синонимическом ряду с пушниной стоит определение «мягкое золото» и не одного, должно быть, даже в те суровые времена, ослепил его манящий блеск, заставляя иных опрометчиво пускаться во все тяжкие, лишь бы урвать, ухватить, отщипнуть хоть кусочек.

Что ж, находились смышлёные да оборотистые и среди окружных потребсоюзских работников – государство, мол, не обеднеет. Но суровые, повторяю, были времена, и вспоминает мать о случае, когда эти «оборотистые», продав на сторону в Омске мехов на пятнадцать тысяч, схлопотали по пятнадцати лет лагерей каждый.

На тяготы своего кочевого бытия мать не жаловалась, и, зная её крайнюю неприязнительность в жизни, меня это не удивляло. А жизнь её тогдашняя сосредоточилась в одном маршруте: Песидэй, куда уезжала она в ноябре, чтобы снабдить продуктами аборигенов на всю предстоящую долгую полярную зиму, и Тамбей, куда возвращалась она после зимней отлучки, уже по ранней весне, в апреле.

Как правило, по приезду ждала ее большая по объёму, на всё предстоящее лето работа, приготовленная начальником заготконторы Фёдором Добрыниным. Прежде всего, необходимая была тщательная сортировка пушнины, так как часто допускалась пересортица, при которой меха низкого сорта принимались более высоким, и наоборот... В первом случае переплаченные деньги изымались у охотника, во втором – доплачивалась недостающая сумма.

Параллельно основной работе шла ревизия деятельности заготконторы, интенсивно велась подготовка к очередной отправке пушнины – сортировка, упаковка, по пятидесяти песцов в упаковке, оленьих шкур – по десять...

Склад для пушнины был огромен, строили его с порядочным запасом, потому как, случалось, выпадали особо «урожайные» на меха годы. Так, например, в послевоенном сорок шестом привезла мать в Салехард аж 8215 шкурок песца!

Драгоценный груз требовал определённых мер безопасности, которые предусматривали и вооружённость пушняка, но мать отказалась от карабина, изучив незлобивый характер ненцев и здраво полагая, что при добром к ним отношении, при честности в расчётах, у них, непосредственных и доверчивых, как дети, не возникнет и мысли о грабеже...

Было маме в ту пору немногим за двадцать, но относились к ней жители этих мест с уважением и принимали её в своих чумах очень приветливо. Хозяйка, хлопоча, в первую очередь снимала с неё просторную, задубевшую на морозе малицу, следом кисы и чижи, чтобы разложить их для просушки. Свою же, тёплую обувь надевала она на ноги госте, прикрывала их тёплой сахаром. Споро варила свежее мясо, заваривала покрепче чай, а на ночь готовила для «Катеньки» постель из белых гостевых

оленьих шкур, заботливо подтыкая их, чтобы гостя не озябла студёной ночью.

Трудно назвать тогдашние условия жизни в тундре оптимальными, но, при грошовом, в четыреста рублей окладе и при отсутствии обязательных, одолевающих женщин на Большой земле соблазнов, жилось довольно сносно.

Был в ту пору Тамбей районным центром, и снарядили однажды матушку на всё лето работать в закрытом спецраспределителе для тамошнего начальства, но эти обязанности всё же приходилось совмещать с делами на складе. Ассортимент районного магазинчика выглядел в ту пору довольно насыщенным, ведь подходили к посёлку, стоящему прямо на берегу Обской губы, корабли из Карского моря. Были среди них даже американские военные транспортные суда, и катерами с них доставляли на берег, кроме угля, всевозможные «заморские» продукты: сушёные картофель и лук, популярный в стране яичный порошок, сухое молоко, консервированные фрукты и овощи, легендарную американскую тушёнку...

Вскоре, впрочем, в 1947-м году, райцентр в Тамбее ликвидировали, оставили только достопамятный Красный чум, известный не одному поколению северян. Он занимался организацией политических, культурно-массовых мероприятий, курировал работу учителей, медицинского персонала.

В этом же сорок седьмом, по выезде из Тамбея, маму наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», и тем самым был как бы подведён в этом нелёгком году итог её работы в полярной Тамбейской тундре.

А год этот действительно выпал очень сложным, мягко говоря, для тундровиков: стоял сильный гололёд, на оленье стада напала бескормица, не могли они пробиться к ягелю сквозь сплошной, толстый лёд, редкие

пастбища были истощены, и вот закрыли Тамбей на целых двадцать лет, дабы дать тундре передышку и возможность восстановить свой естественный растительный покров.

Районные службы перевели в Яр-Сале, и загдох Тамбей, лишь остались на берегу Обской губы останки заготпункта да фактории.

Послевоенные годы выдались для всех, а особенно для ненцев, тяжёлыми и голодными. Многие из них спасались, выживая только охотой да рыбалкой. Оленные же, зажиточные хозяева жили, как и водится в относительном достатке, но таких, к сожалению, было мало. Преобладающее большинство составляли «безлошадные», так и ютились они, в перманентном голоде и безысходности, целыми родами.

Как правило, насчитывалось в одном стойбище три-четыре чума, обитатели которых не задерживались на одном месте более трёх – четырёх дней, а кочевали следом за оленями в поисках кормовых пастбищ.

Сутками, а то и неделями пуржило в тех краях, мело... Не каждый отваживался в пургу выходить на улицу: снег заваливал постройки до самых крыш, а добираться из дома в дом приходилось по натянутым канатам. Но ненцы, дети суровой полярной природы, которым это не было в диковинку, как ни в чём не бывало, продолжали каслать по необъятной тундре со стадами, навещать друг друга, охотиться – словом, жить насыщенной событиями жизнью.

Итак, «мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела...».

Представим же, дотошный читатель, избушку, а вернее, привезённую и поставленную на берегу каюту с разбитой некогда в шторм баржи, добротню обшитую оленьими шкурами и тем не менее нещадно продуваемую насквозь всеми тундровыми ветрами.

Хрупко топится печурка, раскалённая едва ли не добела, да утекает тощее тепло наружу, и так же

стремительно, густым дымом в небо, уходят дрова, привезённые летом с моря в виде серых, круто просоленных брёвен, тут же, на берегу, распиливаемых на четыре части, чтобы удобнее было везти их на оленьих упряжках. Кстати, стоила одна такая часть, скажем так, не «хило» – целых двадцать пять рублей. Благо деревянной тары в виде ящиков было в избытке, ими и подкармливали, активно жрущее дрова, пламя. Топилась печурка сутками, а за стенами всё мело и мело – день... два... три...

«Утром приходит, – вспоминала мама, – работница дровишек подготовить, прибрать в жилье, чай вскипятить... И скребётся, бывало, в дверь: «Катя, ты жива?» «Жива...» – отвечаю. «Ну и ладно..., – успокаивается та и принимается за работу. А снег-то на печке уже в два пальца толщиной, даже не тает. И хозяйка, утонув в просторной малице, под которой кисы, и чижи, и ватные брюки с курткой, подсчитывает баланс, сидя у тощей копилки.

«...Свеча горела...»

Но, потом, когда, уймётся пурга, становится тундра волшебной ясной и красивой, и к ночи разворачивается во всей мощи своей и красоте в тёмном полярном небе северное (обойдусь, на сей раз без эпитетов, всё равно бессильны...) сияние, щедро переливается всеми красками спектра, играет и душу радует.

И не зря ведь написала журналистка Хатанзеева в местной «районке», что мол, вот вышла Катя Шамсутдинова на крыльцо своего магазина, и дух у неё захватило от нестерпимой красоты северного сияния, и пришла она к неожиданной мысли, что только ради такого великолепия стоит прожить всю оставшуюся жизнь на Севере. Вот так вот, ни больше – ни меньше, всю оставшуюся жизнь.

Однако, на мой вопрос: достаточно ли мотивировано, с точки зрения здравомыслящего человека, это её

прозябание на «северах», в экстремальных зачастую природных и социальных условиях, мать неизменно ссылается на всё тот же, уже принимающий некие мистические черты, договор, обязывающий её отработать на Севере непреременные три года.

Но, на мой взгляд, не в казённой бумаге дело. А в том, что был он и есть – подспудный позыв, побуждающий жить там, где достигает человеческая душа полного единения с природой. Не случайно ведь ямальская одиссея матери продолжалась не три обязательных года, а целых восемь лет, чтобы потом, по завершении, самым естественным образом влиться в русло новых странствий, на сей раз по просторам близлежащего автономного округа – Ханты-Мансийского.

А ещё думаю, пора прошлых лишений и, мягко говоря, неурядиц, проносимая человеком через всё своё бытие, и есть его единственная, неизменная основа. В памяти о ней он черпает силы для дальнейшей жизни, в непреходящей достоверности её – урок грядущим...

В ТУНДРЕ

Неуёмный, за окном полночь винт месил...

«Знаешь «Уренгойгазпром»?», – друг меня спросил.

Я, от высоты хмельной, головой качал, –

«Знаю город Уренгой!..», – гордо отвечал.

Виктор щурится легко и в плечах не мал...

Я б, конечно, без него не узнал Ямал.

Он ему в наследство дан, округ его, дом.

Он – рукой во тьму: «Во-он там «Уренгойгазпром!»

Я лицом в оконце лёг, в ледяной овал.

Кто ж огни под вертолёт щедро набросал?

Я воочью видел их, при литой звезде, –

Гроздь станций дожимных, дальний ГПЗ...

Свет, он – надвигался, плыл и вдруг, Боже мой! –

Половодьем затопил тундру подо мной.
И, с гитаркой на груди, словно сам не свой,
Виктор вскинулся: «Гляди! Вот он, Уренгой!»

У фортуны на весу, лёгок, как Улисс,
Я над огненной, внизу, бездною повис.
Что там будет впереди? – Моря зев? Ямал?
Ну, а Витька – «Ты гляди!» – в блистер меня вмял.
Свет, он жил, в конце концов, нас в себе держал,
Словно женское лицо, музыкой дышал.
Веще, на виду у всех, в талой глубине
Боль, надежда, радость, смех открывались мне.
В город, дышащий легко, я впивался, сед, –
В каждой чёрточке его заливался – свет.
Вертолёт качнуло – тент,.. почта,.. люд,.. груза...
Свет... свет... свет... свет... – наливал глаза.
Воздымает взор простор – свет... свет... свет... свет...
Зимней тундре вперекор – свет... свет... свет... свет...
Винт над нами бушевал, как в тумане, слеп.
Душу, бел, не отпускал исполинский свет.

И смотрел я вниз, светясь, как, жива едва ль,
Сварка, по трубе змеясь, уплывала вдаль,
Где, в накрапах ледяных, где снегов оскал,
В переключке буровых, страдовал Ямал.
Так куда ж меня влекло? –
Свет... свет... свет... свет...
Что в груди моей зажгло? –
Свет... свет... свет... свет...
Над тобою, Уренгой, –
Свет... свет... свет... свет...
В сердце родины самой –
Свет... свет... свет... свет...

А на краешке земли, хил и одинок,
Тихо теплился вдали талый огонёк.
Я в обшивку вмёрз плечом, сед и невесом...
Виктор тихо: «Ты о чём?»

А я – обо всём:

Огонёк из дальних дней,... в этот поздний час
Он в прапамяти моей маялся, не гас...
Он, не иссякая, тлел, словно куда звал,
И чем больше я глядел, больше вспоминал:
...Тундра белою была, в сводках не видна,
Смертью и огнём мела по стране война.
Под ворчание собак, у окна – очки...
Печка,... в малице – пушняк, девочка почти...
Сед, куражится мороз... В мареве теней,
Томик «Королевы грёз» прямо перед ней.

Хилый домик мал и стар, и, вдали тщеты,
Зноем в щёки хлещет жар от ночной плиты.
Тянет стужей из сеней, иней сед в углу...
Ну, а ноги всё сильнее стынут на полу,
Не спасают ни кисы и ни торбаса,
У неё, поверх лисы, пышная коса.
Сердце торкнулось в груди, немощью грозя,
У неё глаза – мои! Ясные глаза...
Задавив короткий всхлип, даром что зима,
Я в иллюминатор влип:
«Мама моя! Ма...»

Полночь...Тундра... Снегопад...

И она (темно...),
Оторвав от книги взгляд,
Смотрит за окно.

С темнотою по зиме, полночью, одна,
В непроглядной снежной мгле видит что она?
Тундру? Белый мрак, слепящ?
Письма далеки...
Беззащитный, так щемящ жест её руки.

Свет от свечки пал на лист, чахлый язычок,
На запястье её, чист, бьётся родничок.

Прожитому глядя вслед, словно бы вперёд,
Свет... свет... свет... свет –
От неё идёт.

Ничего на свете нет, что родней его,
Свет... свет... свет... свет –

Радостней всего.

Столько в жизни горьких мет, судя по годам.

Свет... свет... свет... свет –

Сыну передам!

Виктория ЛЕВИНА – гость рубрики

Золотые и серебряные «кирпичики» в мире искусства

Литература – это вид искусства. С моим другом, изначально – виртуальным по международной сети Фейсбука, наикрупнейшим поэтом, признанным классиком современности Николаем Шамсом (Николай Шамсутдинов) мне довелось встретиться в 2019 году.

Внезапно пришло приглашение на IV Всероссийский литературный фестиваль «ЛиФФт». В соответствии с его положением очередной фестиваль должен был состояться в городе проживания «Золотого» лауреата предыдущего фестиваля, который проходил в Сочи в 2018 году. Им и стал мой друг – Николай Шамсутдинов!

Слышала о фестивале восторженные отклики от коллег по литературному цеху. И очень захотелось мне побывать там, тем более что повод искать не пришлось: в 2019 году у меня был полукруглый юбилей, как раз близко к датам проведения фестиваля–конкурса, в рамках которого проводится шествие победителей, лауреатов и финалистов по «красной дорожке». Ну, чем не повод подарить себе «красную дорожку»? – познакомиться с виновником торжества в работе трёхдневного фестиваля-конкурса, с писателем Николаем Шамсутдиновым, в арсенале которого «кирпичи» трёхтомного и пятитомного собрания сочинений, а также легендарной личностью на его Малой родине! Ведь сам Николай Миркамалович из древних родов: по материнской линии – из готы и болгар и по отцовской линии – из хазар. Из «фейсбучных» постов соц. сети Николая Шамсутдинова, которые я с интересом читаю, отец его Мир-Камал Иманович Нигматуллин, советский офицер в годы Великой Отечественной войны, попав в плен к фашистам, был признан ими евреем. «Юда, юда» - кричали они кудрявому и черноволосому молодцу.

Дело, однако, очень осложнялось тем, что лететь предстояло из жаркого Израиля в далёкую Тюмень – «ворота Сибири», столицу нефтяников и газовиков! Но привлекло нас с мужем и желание побывать в белокаменном Кремле Тобольска. По ходу программы была запланирована экскурсия в город Тобольск – место тюрьмы и каторги декабристов, Достоевского, в непосредственной близости от которого, в болотах и тайге, воскрешаются музеи Раскольникова...

Представляете себе, как забилося моё писательское сердце? Оформила заявку в трех номинациях: в поэзии, в прозе, в переводах, собрала материал и отправила жюри фестиваля, как говорится, «ничтоже сумняшеся». Не говоря уже о муже, который около месяца, предшествующего отъезду, скромненько так пугал родных и сослуживцев: «Вот, в Сибирь летим, на фестиваль».

Третий день фестиваля.

– Наши гости из Израиля! – и называют наши с мужем фамилии и имена среди более 1000 номинантов! Мы в полуобморочном состоянии берёмся за руки и, протянув между собой верёвочку с флажками Израиля, ступаем на «красную дорожку», затем проходим в зал награждений великолепного Дворца нефтяников. Звучат позывные церемонии фестиваля. И, после благодарственных слов организаторов, наступает время награждений. Первой слышу свою фамилию! Не верю своим ушам. На подгибающихся ногах вскарабкиваюсь на сцену, мне вручают Серебряную медаль фестиваля в номинации «Связь времён и народов»!

Ну, что ж, всё верно. Где-то, в моей дорогой прекрасной стране, полыхают огнём границы. Полыхают леса здесь, в далёкой Сибири. Сибирь задыхается от дыма этих пожаров. Задыхается от дыма горящих полей и автомобильных покрышек Юг моей страны. А здесь, на литературном фестивале, люди искусства: поэты,

прозаики, барды, переводчики пытаются связать, спасти, сохранить тонкие и уже где-то рвущиеся связи.

Ах, Сибирь, разрывается моё сердце от боли за пять миллионов гектаров сторевших лесов, за жнивье твоё, погибающее там! Разрывается сердце моё от боли за страну мою, окружённую врагами, мечтающими стереть её с лица земли! Но мы – писатели во главе с Николаем Шамсутдиновым по «золотым и серебряным» кирпичикам создаём новую эру мира – взаимопонимания, сохранения дружеских связей, развития духовной дружбы и искусства. Нужно верить в это и идти вперёд. В новый мир, который без войны и огня – **«Гиперборей» - собирает друзей!**

Поздравляю, дорогой Николай, с 40-летием писательского стажа в Союзе писателей СССР!

Я горжусь тому обстоятельству, что мы с моим другом, советским писателем, общественным деятелем Николаем Шамсутдиновым оба «родом из СССР» и строительный материал, из которого мы построены – оттуда же... В подарок мои воспоминания о советском социалистическом прошлом «Кирпичики».

Виктория ЛЕВИНА – поэт, прозаик, публицист, переводчик. Родилась в Забайкальском крае, окончила Государственный Технический Университет имени Н.Э. Баумана. Член союзов писателей: России, Израиля, Германии, Англии, Литвы, Канады, Болгарии. Входит в правление союза писателей им. святых Кирилла и Мефодия (Варна), Консультационного Совета Евразийской Творческой Гильдии (Лондон), действительный член Академии «ЛИК». Автор нескольких книг – кавалер ордена «Кирилл и Мефодий», звезды «Наследие», медалей: имени И.Вазова (Болгария), Пушкина, Бунина, Есенина, Чехова, Маяковского, Ахматовой, Фета.

КИРПИЧКИ

воспоминания

*«Кирпичики» – известная песня-шлягер
в исполнении Клавдии Шульженко*

Жизнь наша складывается из кирпичиков: вот дом, вот родители, вот школа. Вот широкие песчаные косы Днепра, и берег высокий, и синее небо. Я думаю, что со строительным материалом мне повезло несказанно!

«Родиться имела честь в бывшем СССР, на стратегическом аэродроме, что на китайской границе в Читинской области. Случилось это в семье папы-лётчика и мамы-радистки в 1954 году, к несусветной радости, двух израненных фронтовиков. Росла на Украине, ходила в пионерках, даже удостоилась быть командиром пионерской дружины, чем очень разочаровывала философически настроенного папку, имевшего к тому времени диссидентский настрой ума» («Биография с акцентом на литературу»).

А у папки моего «кирпичная кладка» была, ох, какой замысловатой! Ещё до войны «уж и не знаю, какими такими пируэтами, но судьба круто вела моего родителя к каким-то невиданным в то время вершинам! Люди, окружавшие его в то время, с какой-то небывалой лёгкостью входили в историю! Папа летал в одной эскадрильи с Чкаловым, до его знаменитого беспосадочного перелёта, рос в чинах и в мастерстве. Даже после гибели Валерия Павловича продолжал очень долгую переписку с его женой. Перед отъездом в Израиль у меня хватило ума передать эту переписку в музей...

И всё бы было отлично, не случись один казус... Кирпичные стены квартиры, полученной папкой от завода, были очень тонкими, звукопроницаемыми, а он в то время просто бредил немецким языком! Я уже говорила, что папка был полиглот: ему хватало двух недель для взятия языка, но при условии полного

погружения... Так вот, в то самое время он «погружался» в немецкий. А соседке за стенкой страшно приглянулась их квартира, тем более что папа по ночам цитировал по-немецки Шиллера, ну просто, как немецкий шпион!

«Немецкого шпиона» – папку держали в Лефортовской тюрьме в одиночной камере целый год без суда и следствия. Водили на допросы, били, истязали. Он никогда мне не расскажет толком об этом периоде своей жизни, потому что, выйдя оттуда чудом и чудом же уцелев, он даст подписку о неразглашении и будет своё слово держать... Только будет плакать, вспоминая свою «одиночку», уткнувшись мне в плечо лысой старой родной и любимой головой...» («Не такая», глава вторая «Одиссея папы Яна»).

А вот ещё «кирпичики» из детства: «Я – ребёнок-инвалид. Хожу с трудом. В основном сижу и рисую. Рисовать мне тоже трудновато, – обожжённая до кости рука может лишь с трудом удерживать карандаш. Бабушка живёт рядом с большим домом в своём маленьком, кирпичном, на одну комнатку с печкой, который папа был вынужден для неё построить.

Дело в том, что бабушка не общается с зятем-евреем и переступает порог его дома только в крайнем случае, преимущественно, когда он не дома: искупаться, помыть голову, пообщаться с любимой дочкой.

Я помню, как мама льёт горячую воду из кувшинчика бабушке на голову, моющей свои роскошные русые густые косы... Скорее всего, она была ещё очень не старой женщиной, со следами невероятной красоты! Но одевалась она в длинные до полу юбки, телогрейку и никогда не снимала с головы платок. Так что присутствовать на мытье головы, как на каком-то таинстве, было для меня любимым и заманчивым занятием. Вот они закончили с водными процедурами, и мама берёт специальный костяной гребень бабушки и начинает осторожно и с любовью расчёсывать её пышные

длинные волосы... Бабушка сидит на табуреточке перед мамой в одной сорочке и кажется непривычно молодой и весёлой! Папы дома нет. Они воркуют о чём-то своём, чего я ещё не понимаю, со смехом и с любовью. Когда папа возвращается домой, бабушка уже у себя, чтобы не встречаться с «жидовской мордой»...

Самая большая беда бабушки – это то, что её любимица, в которую она вложила столько сил и души, решила связать свою жизнь с евреем! Бабушка – из обедневший семьи польских шляхтичей-дворян, она жуткая антисемитка! Её история заслуживает особенного внимания. Получив прекрасное по тем временам образование со знанием нескольких языков, бабушка нанялась в услужение к графу Бобринскому, знаменитому в те времена сахарозаводчику, владевшему огромными количеством земель на Украине, гувернанткой.

Уж не знаю точно, как (тайну эту знала только мама, а потом и я), но три моих старших тётки родились в его имени... Граф был уже в летах и хотел устроить бабушкину жизнь. А к бабушке – невероятной польке-красавице – сватался, но несколько раз безрезультатно, мой будущий дед, влюблённый в неё безумно! Дед хотел взять её замуж с тремя детьми и носить её на руках. Да так всё и случилось. Дед был мастеровитым, весёлым, заводным, любил и «заложить за воротник». Но на бабушку молился. Так, в один прекрасный день, высокомерная гувернантка согласилась, тем более что племянник графа уже начинал прибирать имение и заводы к рукам, и в любой день бабушка с детьми могла оказаться на улице...

Отца деда, то есть, моего прадеда, то же графское семейство выменяло на охотничью собаку в Орловской губернии, ещё во времена крепостного права. Так что дед был гол, как сокол, весел, балагурист и – безумно любил бабушку, которая относилась к нему, как к «быдлу». У них

родились ещё четверо детей (двое близнецов-мальчиков умерли в младенчестве). Мама была последней, седьмой.

Бабушка семью свою, мягко сказать, не любила, деда ни во что не ставила, лежала на печи и читала французские романы. А дед делал по дому всё, – и стирал, и готовил, и деньги зарабатывал, и за детьми смотрел! Не удивительно, что начал пить лишнего. Бабка держала деда в строгости, деньги отбирала, и у него, я так думаю, другого пути не было, как податься в пролетарии...

Так они и жили: бабка ненавидела всю свою семью, кроме младшенькой – мамы, дед был председателем местной парт-ячейки, нередко «закладывая за воротник», дети росли неграмотными и лишёнными ласки. Кроме мамы. Маму мою бабушка, единственную из всех, выучила в техникуме, а потом и в институте (том самом, который основал ещё граф), вывязывая и продавая чепчики на местном базаре.

С мамой бабушка связывала свои чаяния о счастливой старости вдвоём с любимой дочкой, и кто бы мог предположить, что красавица-мама из всех её бесчисленных ухажёров выберет этого рыжего «жидёнка»!

Деда убили немцы во время оккупации, как коммуниста – расстреляли в лесу за городом. О тётках своих, – не очень интеллигентных, порой скандальных, порой злоупотребляющих самогоном, – расскажу отдельно попозже. А сейчас меня не оставляет чувство удивления перед «выпрыками» истории: граф Бобринской был прямым потомком Екатерины II (внебрачным правнуком) от её романа с графом Орловым. То есть, мои крикливые самогонщицы-тётки, детей которых мой папа помогал выучить и «поставить на ноги», и которые, так же, как и бабушка, не любили его только за то, что он – еврей, являлись прямыми потомками Екатерины! Какая шутка истории, какой «чёрный юмор»! Хорошо, что они этого не знали при жизни...

И вот я сижу у бабушки в её домике. Повторяю немецкие и польские слова, глаголы, спряжения... Для своих пяти лет я неплохо читаю и пишу карандашом. Пишу актёру – главному герою фильма «Матрос с кометы»: «Я тебя люблю. Не женись. Скоро я вырасту». Письмо это мама не отослала, как обещала мне, а хранила долгие годы.

Если я правильно отвечаю на вопросы, бабушка гладит меня по голове:

– Файна дытына! (укр. - Чудное дитя!).

Если же невпопад – подзатыльник и:

– Пся крев! Жидівська морда! (укр. - польск. – Собачья кровь! Еврейский выродок!)

К брату моему бабушка относится с большой любовью и нежностью. Он же не сын моего папы... Брат отвечал ей тем же. Я вот собираюсь у него спросить, да всё ещё не собралась: знает ли он тайну бабушки? И что он знает о том, что мама мне однажды шепнула? Раз в месяц бабушка надевает «праздничное» платье с кружевами, красиво укладывает пышные волосы, печёт яблоки и раздаёт соседям («святая женщина!») и уезжает на богомолье во Львов. Папа кайфует!

Потом бабушка заболела. Болела тяжело и тихо. Болезнь была неизлечима и протекала быстро. Папа хотел помочь лучшими врачами, лекарствами, операцией. Не принимала. Только когда стало уже не до гонора, брала от мамы болеутоляющее...

Мама кричала и плакала навзрыд! Она схватила кухонное полотенце и рыдала, погрузив в него лицо...

– Мама, мамочка!

Я подъехала к ней на стульчике на колёсиках и тоже заплакала – было страшно... Мама оттолкнула мою руку и зарыдала ещё горше. Так я первый раз столкнулась лицом к лицу со смертью. Остального не помню. Скорее всего, меня берегли от стресса – я ведь ещё не ходила... Брат тоже плакал за бабушкой. Папа в тот день пошёл на футбол. («Не такая», глава третья «Бабушка-антисемитка»).

И наконец: хочу рассказать о том, что не зря так любила моя мама песню «Кирпичики». Дело в том, что папа был директором кирпичного завода в заштатном нашем городке!

«Окна папиного директорского кабинета выходили на тёмный пруд красоты необыкновенной!

Современные дизайнеры садового ландшафта создают такие пруды искусственно, озеленяя берега плакучими ивами и тратят на это деньги заказчика. Папкин пруд был создан самой природой при некотором участии людей – просто вода, бьющая из подземного ключа заполнила воронку от авиационной бомбы, упавшей сюда во время войны, ивы выросли сами на благодатном украинском чернозёме (во время оккупации немцы вагонами вывозили этот чернозём в Германию!), а белые лебеди появились здесь вместе с новым директором кирпичного завода, который распорядился построить у пруда свой кабинет, а лебедей приобрёл неподалёку в заповедном хозяйстве.

Я не видела ничего красивее этого пруда в своей маленькой детской жизни!

– Викочка! Надевай красное платье, да, самое любимое! Дядя Вася приехал! Едешь к папику!

Дядя Вася – это папкин личный шофёр и мой личный друг. Платья у меня все в красном цвете, потому что в моей маленькой голове всё красное – это красивое.

Мама моя, не работая на производстве, называлась «иждивенкой», чем очень расстраивалась. Даже всхлипывала иногда:

– Да я же инженер-технолог, а сейчас пишу «иждивенка»! Какая же я иждивенка! Дом, хозяйство, дети – всё на мне...

Но выбора нет: я – ребёнок-инвалид детства, мне нужен уход, и папе, как директору крупного завода, тоже нужен уход, и всей нашей домашней живности – кроликам,

курам, уткам, индюкам, свинкам, козе и собаке тоже нужен мамин уход...

Дом огромный, плодоносящий сад и огород, – дела хватает всем. У мамы есть помощница, но они всё равно с трудом успевают переделать всю домашнюю работу, потому что папа – очень компанейский человек! Он садится за огромный стол в саду или на крытой веранде с друзьями, родственниками, гостями, – всегда не менее сорока человек!

Все они много едят, в меру пьют, потом очень красиво и долго поют и русские, и украинские, и еврейские песни, перемежая их репертуаром оперным и опереточным...

Соседи давно смирились, особенно после того, как папа помогает им выписать машину-другую дефицитного по тем временам кирпича...

Когда я немного подрасту, я научусь ценить эти застолья; я повстречаюсь за немислимых размеров родительским столом с замечательными и известными людьми, – писателями, философами, министрами и футбольными звёздами! И пока я буду учиться понимать все эти ужасно умные бесконечные разговоры, я всегда буду сидеть рядом с любимым, обожаемым папкой, вжимаясь в мягкий толстенький бок и, единолично завладев его рукой, пересчитывать на ней рыжие веснушки, имя которым – миллион...

Мама шила для меня наряды изумительной красоты! Мама была портнихой от бога. Отучившись на курсах кройки и шитья в Ленинграде, когда папа короткий период времени преподавал там, в Военной академии, мама сама преподавала на этих же курсах, так как имела большой талант портнихи. У неё шились даже женщины при министерских должностях из Киева. Записывались на полгода вперёд...

Рабочий день свой мама начинала часа в три ночи, чтобы успеть продвинуть заказ, пока не начинал просыпаться её огромный дом...

Так вот, вернёмся к моим нарядам. Когда мама спрашивала, какое платье мне пошить (а шила она мне их два-три на неделю!), ответ был неизменным:

– Красное!

Все смеялись, а я – так громче всех! Итак, я натягиваю любимую одёжку, дядя Вася взваливает меня на спину, – хожу я с трудом и дело это не люблю, – и идёт со мной к машине.

Я – изумительной красоты ребёнок с длинными белокурыми волосами, которые вьются крупными локонами, с огромными голубыми «мамиными» глазами, тонкой и слабой короткой «полиомиелитной» ногой и обожжённой в костре изуродованной рукой...

Скажу сразу: слёз надо мной никто не льёт, все относятся ко мне всерьёз, а к моему неумению и нежеланию самостоятельно передвигаться – как к данности.

Папа, брат и дядя Вася легко садят меня на спину, подхватывают за ноги, я обнимаю их сзади за шею, и вот она – такая желанная мобильность! Кстати, папа и брат таскали меня так лет до тринадцати, пока ноги не стали чиркать по земле... И пока брату не надоело моё бездействие, и он не начал меня учить ходить. Но об этом потом.

А сейчас мы с шофёром приближаемся к чёрной немецкой трофейной «Эмке» с красными(!) сиденьями, меня усаживают на переднее, папкино, сиденье, и «Эмка», немного пофурчав для приличия, отчаливает под шепоток соседей:

– Повезли калечку! Интересно, куда?

Этот вопрос волнует и меня. Если к папе на пруд – то такая перспектива меня в последнее время не очень радует, потому что в последние пару месяцев мой визит на пруд обычно сочетается с визитом к заводскому зубному врачу. По поводу удаления молочных зубов. А боли я не

выношу, натерпевшись от врачей за свою такую ещё короткую жизнь...

Кстати, я её до сих пор не выношу. Моя мама любила повторять:

– Господи! Да как же ты жить-то будешь – с такой-то чувствительностью? Впрочем, ты и живёшь-то не благодаря, а вопреки...

В кресле у зубного меня держали за руки пару человек, а я вырывалась и орала:

– Опомнитесь, люди! Где же ваша интеллигентность?

И прочие благоглупости, которые пятилетний ребёнок мог впитать при столь тесном общении с исключительно взрослым окружением...

Но, к моему удивлению, на этот раз машина остановилась в самом центре нашего небольшого городка у областной поликлиники. Вокруг поликлиники кругами вилась очередь людей с проблемами передвижения: фронтовики, инвалиды всех сортов, полиомиелитные, как я, дети...

Пробираемся сквозь агрессивную толпу:

– Чего прёшь? Мы здесь уже двенадцать часов!

Протискиваемся к папе, который тут с ночи, и почти тут же заходим в кабинет – снимать мерки на протезную обувь. Меня долго рассматривают, обмеряют, просят пройтись. Я неохотно ковыляю с трудом, держась за стену... Покачивают головой:

– Вам бы на операцию её, папаша!

Папка – принципиальный противник операции, он посмотрел других детей, которые были прооперированы, и теперь сидят в инвалидных креслах... Он ещё не знает, что именно он сделает, но только не операция! Как он оказался прав, мой дорогой, любимый, толстый папка!

Через месяц мы в точности повторим всю эту катавасию с очередью, проберёмся в кабинет по той же схеме: папа уже практически у двери кабинета, я – у дяди Васи на спине, – и получим заветную пару обуви...

Ничего уродливее я не видела ни до, ни после в своей жизни! Огромный левый ботинок на шнуровке скорее походил на огромный утюг! «Платформа», как бы сейчас сказали, была высоченная двенадцатисантиметровая, а сам ботинок доходил почти до колена! Правый был не многим лучше.

Мы их взяли безгласно в руки, папа сдержанно поблагодарил, и мы вышли наружу. Папа нашёл ближайшую свалку мусора, выбросил туда ботинки и тщательно вытер руки платком:

– Никогда, ты слышишь, никогда не носи подобную гадость!

Всю дорогу до папкиного кабинета на пруду мы хохотали, как сумасшедшие!

– Вася! Ты видел, что они пошили для моей королевы? И ещё хотели надеть ЭТО на неё! И ещё – оперировать! Ну и прохвосты! Нет, Викочка, поверь своему старому ослу-папке – мы их всех победим!

Потом, уже на заводе, папка рассказывал сослуживцам свой визит к ортопедам в лицах – смешно передразнивая всех, он так хорошо умел это делать! – и все хохотали, представляя, как он выбрасывает, с таким трудом доставшуюся, ортопедическую панацею от всех бед – в мусор!

А я, счастливая, с купленным по дороге вафельным стаканчиком мороженого в руке, окружённая влюблёнными в моего папку работниками кирпичного завода, сидела на берегу чудесного тёмного пруда на специально построенной для меня качельке – и болтала разными ногами, одна меньше другой, наблюдая за парой белых лебедей... («Не такая», глава четвёртая «Тёмный пруд и белые лебеди»).

Прокручиваю в памяти пластинку:
Кирпичный дом, и мама у стола

Раскраивает модную холстинку –
Опять до полуночи не спала.

Темнеет сад за окнами.

И мама

На простенький мотивчик день за днём
Поёт Шульженко песню. В окна прямо
Колотит веткой ветер.
За окном

Цветущий сад наполнен тихой ленью –
Там зреют вишни, груши, виноград.
В саду подвал – высокие ступени –
Хранит запасы много лет подряд.

Строчит машинка мамина.

Шульженко,

«Кирпичики» и странных слов набор...
Там молоко томят под тёмной пенкой,
Алеет клумба из настурций.
А забор

Усажен мальвами. А мама шьёт и плачет,
И песню о «кирпичиках» поёт.
А я уже не там. Во мне иначе
И жизнь, и время странное течёт.

Анатолий КИРИЛЛИН – гость рубрики

Случайно оставшиеся в живых воспоминания

Не могу представить себе, как выглядел посёлок Барачный, где я оказался сразу после роддома. На его месте сейчас Дворец культуры «Сибэнергомаш», который успел послужить по назначению всего-то чуть больше полутора десятка лет. Теперь там торговые помещения от маленьких киосков в пять квадратных метров до огромных торговых залов. Похожая участь постигла почти все культурные центры нашего города, что произошло вслед за усушкой и утруской заводов и комбинатов. Сначала промышленные гиганты превратились в отдельные производства, потом – в цеха, и, в конце концов – в те же самые торговые площади. Каково это – понять, принять, свыкнуться – нам, кто от рождения назывался заводскими?

Все мы были «трансмашевскими», «моторовскими», «химволокновскими», «котлозаводскими»...

Из Барачного мы переехали на 3-й Технический проезд (судя по всему, названия улицам давали люди, далёкие от романтики), где нам выделили комнату на первом этаже двухэтажного жактовского дома. По своему внутреннему устройству этот дом мало чем отличался от барака – печное отопление, вода из колонки через дорогу, удобства на улице. Зато до проходной завода было всего двести метров, и родители выходили из дому всего за несколько минут до гудка.

3-й Технический состоял из полутора десятка точно таких же двухэтажных домов, стоящих по обе стороны проезда. Напротив и чуть наискосок от нашего дома была школа, куда ходила моя сестра, младенцем привезённая из Ленинграда после прорыва блокады. Заводской гудок, шестидневная рабочая неделя, укороченная суббота,

Октябрьские и Первомайские праздники... Всё это из чьей-то другой жизни, не моей, я вижу прошлое не только издалека, но ещё и со стороны. Почему? Не знаю.

Впрочем, из того прошлого я помню совсем немного, очевидно, потому что, посещая старшую группу детского сада, свалился в подвал, разбил голову и на полтора месяца попал в больницу. По выходу мне пообещали пожизненные головные боли, расстройство памяти и вестибулярного аппарата.

Об этом, разумеется, узнал я, спустя несколько лет.

Итак, в комнате нас помещалось четверо – родители, сестра и я. Во дворе теснились сарайки, где, помимо углярки, у нас был загончик с поросёнком Борькой и свинкой Машкой. Чудно... Совсем рядом самый центр города! Но какие мы тогда были городские! И не деревенские тоже – мы просто хотели выжить после голода, холода, болезней. Тогда, спустя всего несколько лет после войны, очевидно, жить хотелось всем, случайно оставшимся в живых – особенно. Ещё и сытыми быть – тоже хотелось. Случайно живыми были дед и бабка по матери, мать со своей сестрой, моя сестра, родившаяся через три месяца после начала войны. Всех их вывезли из Ленинграда с цингой и дистрофией. А те, кто из питерской родни ушёл на фронт, в том числе родной брат матери и её муж – отец моей сестры – погибли. Отец мой случайно выжил загнанный немцами в белорусские болота. Больше двух недель плутал он по ним, питаясь конской дохлятиной. Потом ещё были ранения, но умер он от испорченного раз и навсегда кишечника. Дед и бабушка со своей младшей дочерью, то есть с моей тёткой и её семьёй, жили через два дома от нас в такой же жактовской двухэтажке. Дед тоже – случайно оставшийся в живых. И не только потому, что чудом избежал голодной смерти. Он убивал галок из ружья, которое по строгому распоряжению обязан был сдать. Он таскал домой с завода свой паек в контейнере, изготовленном из жести в форме

живота. Настоящий, по словам бабушки, прилип у него к позвоночнику. Вынос продуктов за проходную тоже карался по законам военного времени. Из того немного, что я запомнил за несколько лет, проведённых на Техническом, – коньки «ласточки», прикрученные сыромятными ремешками к валенкам, газеты, навёрнутые на ноги для тепла. Рыбий жир, который силой вливали в сестру, чтобы избавить от малокровия. Захлебнувшегося в растворе марганцовки поросёнка, «спасаемого» дедом от поноса. Мандарины, принесённые отцом в канун нового 1952-го года. Первые мандарины в моей жизни. И вообще – первые фрукты. Тот период жизни кончился для меня переездом в самый центр Барнаула, на Октябрьскую площадь, где для работников котельного завода был построен пятиэтажный дом.

В первый класс я пошёл на новом месте, через пару месяцев после переезда. До завода от нашего нового жилища было пять остановок на автобусе или трамвае. Транспорт уже начал ходить исправно, однако отец так и ходил на работу пешком. Какая ему разница – двести метров или четыре километра! Он шёл даже в самую лютую непогоду, никогда не носил перчаток и не опускал уши у шапки. Мне этого не понять. Мне не понять многое из отцовской жизни, о чём можно было бы в своё время расспросить его. Не расспросил. Когда понял, что знать это интересно и важно – было поздно.

Наверно, случайно оставшиеся в живых тянулись к жизни с большей страстью, чем те, кто привык жить, особенно не опасаясь за себя. Во всяком случае, в посёлке Кармацком мои дед с бабушкой оказались самыми первыми дачниками. Позднее их определили в звание садоводов, но тогда, в конце сороковых, в пятидесятых, не было ни садоводческих товариществ, ни дачных участков. Дача – это означало что-то малоизвестное для простого люда, для заводских рабочих, в общих чертах – место, куда на лето выезжали семьи больших начальников.

Теперь, получив огород в тридцать пять соток, дед был уверен, что семья его с голоду не пропадёт. Избушка была совсем крохотной, стены из сплетённых в маты ивовых прутьев, между которыми была засыпана земля. Главное место в жилище занимала настоящая русская печь, где бабушка пекла хлеб. В избешке едва уместались четыре взрослых человека, потому, когда по выходным съезжались родители, нас – меня, родную сестру и двоих двоюродных – отправляли спать на чердак. Там были заготовлены матрасы, набитые свежим сеном. В обычные дни я спал на чердаке один. Оставлял дверку открытой и смотрел через неё на звёзды. Мечтал. Сейчас уж и не вспомнить – о чём, ибо тогда вокруг нас было мало из того, что искушает мечтателей сегодня. Может, о велосипеде. Может, о ружьё, как у деда. Может, о собаке.

Кармацкое стоит на удивительном месте – с трёх сторон закрыто бором, с четвёртой протекает речка без названия, просто старица. Когда-то здесь была вырубка под лесной кордон, потом к хозяйству лесника приросли другие дома. Никогда здесь не было ни колхоза, ни совхоза, трудоспособный народ ездил на работу в Новоалтайск и Барнаул, старики держали скотину, огороды – тем и жили. Соседей мало помню, разве что дядю Гришу, веселого матершинника, потерявшего ногу на войне. Он был единственным случайно оставшимся в живых из тех, кто ушёл отсюда на фронт. Жена его, тётя Дуся, приходила к нам прятаться, когда дядя Гриша, выпив, начинал военные действия в доме, а затем на улице. У других ей от него не спрятаться, только у нас. Деда фронтовик побаивался и даже не матерился в его присутствии, хотя вряд ли знал, что дед когда-то пел в церковном хоре и сквернословия не переносил. Мы брали у них молоко. Бабушка строго следила, чтобы успевали к парному, каждый обязан был выпить по кружке. Иногда сестре удавалось обмануть бабушку, и я с удовольствием выпивал вторую.

Жизнь наша в деревне проистекала размеренно, по строго заведенному распорядку и нисколько не походила на дачную. Благо, повторяюсь, мы тогда знать не знали, что это такое. Огород подсказывал, что и когда нам делать – полив, прополка, прореживание, протяпывание... В лесу то же самое, всё в своё время – поспела земляника, следом клубника, малина, смородина, а там и грибы пошли. Собирали всё это не забавы ради, в зиму готовили соленья и варенья на дюжину добрых едоков. Лес рубить в округе строжайше запрещалось, деду, как городскому, дрова не выписывали, потому мы заготавливали сушняк. Дед придумал специальный шест метров семи, на конце крюк из стальной полосы, остро заточённый с внутренней стороны. Подойдёт к сосне, поднимет шест, надсечёт сухую ветку у основания, затем передвинет крюк подальше от ствола. Дёрг – и ветка на земле. Запрета на такую заготовку топлива не было, да и дереву от неё никакого вреда. Когда наберётся возок, погрузим ветки на телегу, взятую вместе с лошадью у лесника, и я отправляюсь домой. Дед остаётся заготавливать ветки на следующую ходку, а умная скотинка трогает сама по себе не спеша, дорогу знает. Бабушка, старшая сестра и я разгрузим телегу перед воротами, и поехал я назад, к деду в лес. Сухая сосновая ветка горит как бумага, к тому же дед во всем любил запасец, потому ездить за сушняком нам приходилось часто и с каждым разом все дальше.

Но самое суровое испытание для меня – дальние походы на несколько дней. Никуда не денешься, я у деда помощник один. Бабушке дома забот хватает, девчонки вообще не в счёт. Кто собирает в поход рюкзаки, кто повозки, а мы с дедом – лодку. Водружаем её на специально придуманную тележку и затариваем скарбом – рыболовные сети, удочки, садки, прочие снасти, сумки, ведра, корзины... И отправляемся вдоль берега, лугами к Мыльниковской яме, к дальним озёрам, во множестве расселённым между Обью и старицей. И так получалось,

что мы на лодке меньше плавали, чем таскали её по суше. Был у деда какой-то резон в том, несомненно был, напрасно силы тратить он не станет.

Привозили мы из тех походов рыбу, уток, которых дед ухитрялся ловить с помощью старой сети, а нет – охотничья собака Пальма натаскает. Вёдрами набирали смородину, ежевику, пучками – травы для ароматных чаев, чтобы деду веселее было коротать долгие зимние вечера. Впрочем, зимой он был занят не меньше, чем летом – вязал сети, налаживал другие рыболовные снасти, рубил свинец и катал из него дробь, снаряжал патроны.

По возвращении мы с Пальмой соревновались – кто кого переспит, только выигрывала всегда она, потому что мне надо было подниматься и качать ручным насосом воду на полив, бежать к леснику за лошадьё или идти ворошить сено на лесных полянках, выкошенных дедом. Скотину дед с бабушкой не заводили, и сено шло дяде Грише в оплату за молоко.

Когда рабочие субботы сделались короткими, родители стали приезжать каждую неделю. Бабушка прекрасно знала расписание пригородных поездов, но задолго до срока выходила в огород, откуда видно, как дорога выходит из лесу, прикрывала козырьком ладони глаза от солнца: не идут ли? И вот, наконец, появляется вереница приехавших из города.

– На этом не приехали, – сокрушается бабушка, – не успели, видать, на следующем приедут.

Мы уже попадались на эту шутку и теперь пытаемся разглядеть бабушкино лицо – глаза или улыбка выдадут. А она отворачивается, делает вид, будто солнце совсем ослепило её.

– Опять ты нас разыгрываешь! – сердятся девчонки и тут же вылетают за ограду – встречать.

Нагруженные сумками родители медленно поднимаются в гору, и через несколько минут они уже расположились на скамеечках во дворе. Постепенно

разглаживаются лица, с них сходит печать ежедневных забот, глаза теплеют, улыбки теряют определённую форму, они живут сами по себе...

Под летним навесом накрыт большой стол, городские закуски соседствуют с деревенским угощением. Дед покашливает, поднимая стопку – сигнал к началу большого семейного ужина. Вот они, все здесь, и нет поблизости другой родни. Моя бабушка Мария, финка, так и не научившаяся писать и читать на русском, всё некогда было за хозяйством. Золотая голова, золотое сердце... Глянет из-под козырька ладони – все твои секреты наружу, видит тебя насквозь. Да что там люди, расстоянья и эпохи – всё ей из-под этого козырька видно. Дед молчаливый, суровый и непреклонный. Всё время что-то делает и не говорит. В наших долгих походах две-три фразы – как вязать снасти, как ставить лодку, когда проверяешь сети. Он молчит и будто наставляет: вглядывайся в то, что тебя окружает, вслушивайся. Большого тебе никто и никогда не расскажет. Дядя Коля, муж маминой сестры, мастеровитый и всегда хмурый, замкнутый, человек, оставшийся для меня загадкой. Может быть, он оттаивал в своём литейном цехе возле горячего металла и хотя бы ненадолго забывал, что случайно остался в живых среди немногих уцелевших из разбомбленного госпиталя. Весёлая тётка Люся... Иногда казалось, что вся весёлость, отпущенная им с дядей Колей на двоих, досталась ей одной... Отец играет на баяне, дед, мама и тётка поют песни, которые тогда пели в любом застолье. Только дед добавлял «Тройку почтовую» и «Монах стучит во двери рая...».

Я никогда не знал отцовых родителей, мои дети, обретая настоящую память, тоже не увидят дедов. Это несправедливо, судьба наказывает детей, которые ещё ни в чём не виноваты. Что-то я им расскажу. Из того, что мне рассказали. Отец, толком не закончивший школу, был удивительно талантливым человеком – играл на всех

музыкальных инструментах, которые попадали к нему в руки, прекрасно рисовал. После войны он написал портрет Сталина, и этот портрет висел напротив двери в комнату.

Каждый вошедший встречался взглядом с вождём, и уже не было смысла искать глазами красный угол. Потом пришёл Хрущев, и отец скопировал на обратной стороне портрета картину Шишкина «Утро в сосновом бору». Сталина он повернул лицом к стене и сильно напился после того. Я мало что понимал тогда, наверно, многого не понимал и мой малограмотный отец, пришедший с войны весь в ранах и написавший портрет вождя. Он не мог не верить вождям, может быть, потому что они не дали ему возможности стать грамотным. Впрочем, известно: не всякая грамота учит нас разуму. А я всё время чувствовал какую-то униженность и обиду за отца, мне казалось, будто он живёт с ощущением, что однажды спрятал своё собственное лицо. Не может сильный человек спрятать лицо. Отец лупил всякого, кто нарушал законы справедливого существования. Часто ареной боя была пивная. Если отца пытались бить тяжёлыми кружками, он мог отодрать от косяков дверь и колотить ей ворогов поодиночке и парами-тройками. Он продолжал драться до семидесяти лет, причин для того на его век хватало с избытком. И я твёрдо знал, что есть вещи, которые можно исправить только с помощью кулаков. Может, в свои отчаянные схватки отец добавлял огня от оскорбления, которое нёс в себе со времен повёрнутого к стене портрета. Наутро я учил отца удить рыбу. Странно, не правда ли, что он до сих пор ни разу не пробовал этого делать. Потом на берег пришёл дядя Гриша, и они с отцом расположились за опохмелкой. Сосед безуспешно пытался выучить слова песенки фронтового шофёра, а отец терпеливо повторял и повторял... Женщины варили варенье и готовили обед, дядя Коля размечал место под будущую пристройку к дедовой избушке. Сестра

уговаривала маму послать её в пионерский лагерь, поскольку ей «с этой мелюзгой» здесь скучно.

Деревне не пришлось спасать нас от голода. Она помогала в другом – хотя бы изредка прибавляла сил моим родным, безумно уставшим от войны. И никак не успевающих отдохнуть.

Моему сыну сегодня исполняется восемнадцать. В этом возрасте я уже работал, хотя чувствовал себя в жизни не очень уверенно. Мой сын не стал умнее меня. Жаль. А, впрочем, рано ещё судить, поумнеет. Я вот – нет, это точно.

Мой лучший друг художник Георгий Алексеев скучает в своем скучном Питере. Замечательный поэт из Тюмени Николай Шамсутдинов завораживает, пленяет своими стихами, где каждое слово являет некий новый символ, обряженный в фантастические одежды. И словно зовёт, зовёт к себе, туда, в город, где можно целый день бродить по гранитной набережной и беседовать, открывая свою душу навстречу тонкой душе мудрого поэта. Я туда вряд ли скоро соберусь, дела, болячки... Хочу в домик на берегу горного озера возле Горной Колывани, который мы так и не построили. Если в жизни случается многое, столь же многое и не случается.

Из минувшего лета запомнилось всё в обратном порядке – Аскат, наш маленький съёмный домик на берегу Катуня, Москва, Анталия, Рязань... Хотелось бы пожить в Аскате, каждый день ходить на серебряный ключик, лечить глаза. Любят удачливых, я в этом убеждался много раз. Наверно, так и должно быть. Недавно сестре исполнилось шестьдесят пять, именно в день её рождения я был уволен. Еще год назад поездка к ней в гости в Рязань не была такой уж фантазией, а вот теперь надо думать, на что покупать хлеб. Когда-то я подрабатывал извозом. Может, снова попробовать? Я же в родном городе, я не должен здесь пропасть! Но я остался один... Родители похоронены в Рязани, их родители, то есть мои деды – в Барнауле, Киргизии, Белоруси. Родители моих дедов – в

Финляндии, Польше, под Питером, в Белоруси. А дальше я уже не знаю, вот такое слабое у меня представление о древе своего рода. А про кого известно – в войнах вся их жизнь да в нужде. Сейчас войны нет, однако остаться в живых тоже непросто. И, как прежде, нередко это счастье выпадает по случайности. Надо мне завести домик с кусочком земли в какой-нибудь недалёкой деревне. Или садовый участок. Чтобы не пропасть – копаться в земле, возиться по хозяйству, в общем, делать что-нибудь глупое.

Мы с тобой, мой дорогой друг Николай, одного поколения, одного «замеса», наши отцы, вернувшись с войны победителями, вынуждены были тут же начать новую войну за выживание. И, тем не менее, нас они явили свету белому в надежде на светлое будущее, мы и были их будущим. Их надеждой. И они нисколько не сомневались, что потратили свою жизнь не зря.

Поздравляю тебя, Коля, с замечательной датой и знай: все, кто тебя любит и ценит, не забывают, что фамилия твоя – солнечная, и псевдоним твой – Шамс – на многих восточных языках обозначает Солнце.

Анатолий Владимирович Кирилин – журналист, прозаик, родился в Барнауле в 1947 году. Заочно окончил филологический факультет Барнаульского государственного педагогического университета. Публиковаться начал с 1980 года. Участник и организатор многих литературных мероприятий: литературных чтений мастер-классов, семинаров и совещаний молодых авторов – как в Алтайском крае, так и в регионах России. Лауреат всероссийских и краевых литературных премий и в области журналистики, основные из них: им. В.М. Шукшина, «Имперская культура», Большая литературная премия. Награждён медалью «Защитнику свободной России». Член Союза писателей России (1988), Член правления Ассоциации писателей Урала, Поволжья и Сибири. Возглавляет Алтайскую краевую писательскую организацию. Живет и работает в Барнауле.

Мила РОМАНОВА

Учитель *посвящение*

В жизни каждого из нас однажды встречается человек, который помогает понять и услышать себя, найти и принять свое предназначение. Порой мы не осознаем всю важность такой встречи, случившегося взаимодействия. Но однажды приходит понимание. И тогда сердце наполняется благодарностью и любовью.

Я помню тот день, когда увидела ее впервые. Высокая, статная, одетая в строгий темный костюм и кипенно белую блузу. Нинель Николаевна Ряшенцева, мой первый учитель русского языка и литературы.

В пору моего детства у нас была большая и сильная страна под названием Советский Союз. Русский язык знали все, но я училась в национальной школе, где, как предмет, он добавлялся в программу только с пятого класса.

Нинель Николаевна помогла полюбить его по-настоящему. Она была родом из Ленинграда. Образованная, интеллигентная, корректная, но строгая и требовательная одновременно. Я всегда с нетерпением ждала ее уроков. Учила стихи, читала всю заданную литературу, тщательно готовилась к сочинениям. Мне так важно было услышать ее похвалу, сказанную низким, бархатистым голосом:

– Отлично, Мила. Ты - большой молодец!

Именно она научила меня слушать и слышать стихи великих поэтов, понимать мелодику слова и самой начать писать. Именно она однажды отправила мои стихи в газету. И они были опубликованы.

После окончания шестого класса мне подарили на день рождения золотые серьги. Их я вдела в уши первого сентября. И... получила выговор от директора школы. В то

время детям запрещалось носить украшения в средние учебные заведения. Думаю, если бы моя мама знала об этом, ни за что не позволила бы их надеть при посещении мной школы. Но мама не знала, а мне так хотелось. В результате я оказалась в кабинете директора.

Мне было очень горько и обидно. Хотелось плакать. Я не видела ничего плохого в том, чтобы носить подаренные серьги. Но это было мое детское мнение, а правила есть правила. И директор отчитывал меня по всем законам жанра. Неожиданно дверь открылась и вошла Нинель Николаевна.

– Можно? – спросила она таким тоном, что отказать было невозможно.

– В чем дело? – лицо директора выразило легкое удивление.

– Дело в том, что еще Пушкин писал: «...быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Понимаете?

– Не совсем, – директор продолжал недоумевать.

– Эта девочка – лучшая в классе, и одна из лучших во всей школе. По моим предметам. Думаю, что и по другим тоже. Мила очень цельная и осознанная, как личность, несмотря на её юные годы. Она уже дельный человек. Может разрешим ей, в виде исключения носить серьги? Ее это не испортит. А другим послужит примером.

– Так Вы пришли, как адвокат? – прищурился директор.

– Нет, – улыбнулась она мягко. – Как миротворец.

Знаете, чем все это закончилось? Мне разрешили носить серьги, единственной в школе!

Нинель Николаевна стала моим настоящим кумиром, а русский язык и литература – любимыми предметами.

Мне очень хотелось сказать ей слова искренней любви и благодарности, за все, что она сделала, но я не смогла. Все школьные годы она казалась мне особенным существом, настоящим небожителем, который только иногда спускается к людям. Единственное, что я могла для

нее сделать, так это несколько месяцев заставлять самого отпетого двоечника нашего класса, Пашу Рыбака, учить стихи. Чтобы на выпускном вечере он вышел, стал перед ней на одно колено и прочитал незабвенные строки:

«Я Вас любил
Любовь еще быть может
В моей душе угасла не совсем...»

Она плакала. А потом, когда закончилась торжественная часть, подошла ко мне.

– Я знаю, Мила. Это твоя работа.

– Ну, не только. Паша тоже молодец.

– Да, конечно молодец. Благодарю! – и обняла меня. Это было так неожиданно, что я сама чуть не расплакалась.

– Послушай, что я тебе скажу, русский язык – это твое призвание. Тебе нужно поступать в университет. Хоть на журналистику, хоть на лингвистику, хоть на филологию. И писать. Помни! Тебе обязательно нужно писать. У тебя получится. Верю в тебя.

Я слушала, молча, потому, как давно решила поступать в медицинский, на фармацевта.

Спустя много лет, после того, как вышла моя первая книга, я вспомнила эти слова. Но поделиться со своим учителем этой маленькой победой уже не могла. К тому моменту Нинель Николаевна Ряшенцева покинула эту землю.

Однако каждый раз, когда рождается новый стих, рассказ или повесть, я чувствую рядом ее доброе присутствие, а в голове снова и снова звучат слова: «Русский язык - это твое призвание. Тебе нужно писать!»

И я пишу. Преодолевая кризисы, неверие в себя, отчаянье, отсутствие вдохновения. Снова и снова вспоминаю это такое простое, но такое важное: «Верю в тебя!»

Но время идет, а природа, как известно, не терпит пустоты. В нашу жизнь приходят новые люди. Кто-то на мгновение, кто-то надолго, а кто-то на всю жизнь. Девочка Мила давно выросла и кроме вдохновения ей сейчас так нужны советы и рекомендации более опытных и профессиональных мастеров. Ведь для того, чтобы развиваться дальше, обязательно нужны Учителя. Именно Учителя с большой буквы. Хорошо, что в нашем мире все еще встречаются настоящие подвижники русского языка.

Именно таким, новым «Наставником слова» стал для меня ОН - живой классик, рядом с которым повезло жить!

Николай Миркамалович Шамсутдинов не только поддержал начинающего литератора в момент становления, но и через свои произведения, преподавал уроки настоящего мастерства. С его легкой руки начался новый этап в моей писательской деятельности. Развитие, совершенствование, и первые литературные победы.

Как важно, что в жизни есть настоящие Учителя. Те, кто готов поделиться бриллиантами своей души, через передачу, через веру. Я благодарна миру, за то, что он подарил мне таких уникальных наставников. Низко кланяюсь каждому из них.

И еще. Я точно знаю, что пока есть такие люди, как Нинель Николаевна и Николай Миркамалович, русский язык будет процветать и развиваться.

Тюмень, 2022

И назовёт меня всяк
сущий в ней язык...

Николай ШАМСУТДИНОВ

Литературно-художественные переводы
поэтов многонациональной России:

с хантыйского языка поэта Романа Ругина

ПЕСНИ МОЕГО СЕВЕРА

О, как щедро земля – мои песни вспоила
Животворною силой студёной Оби!
Летним солнцем людские сердца осветила,
Оттого-то и тянутся к песням они.
И добреют от песен скуластые лица,
Волны ластятся к тёмным рабочим рукам.
И сиянье полярное сказочной птицей
Над землёю взмывает по зимним ночам...

И летят серебристые, быстрые блёстки
От размашистых вёсел на щёки Оби,
И вплетается шёпот весенней берёзки
В неумолчное многоголосье тайги...

Только вспомню свой Север –

как шумно взметнёт он

Буровые к зениту, где солнце кипит.

Только вспомню свой Север –

простор захлестнёт он

Крепким дроботом частых оленьих копыт.

Белорыбицей белой блеснёт предо мною,
Птичьей стаей растает он в голубизне,
Моё сердце омоет закатной волною,
И качнётся, как лодка, оно на волне...
Свои песни я щедро по тундре рассеял,
Чтобы не было скучно каюру в пути...

Потому-то сыздетства мне дорог мой Север,
Открывающий мне все богатства свои.
И когда я вдали от него, он мне снится,
Оттого и на сердце порой нелегко...
Как хочу я хоть малюю каплей пролиться
В полноводную, звонкую песню его!

ЗИМНИЙ ЛЕС

Вершины инеем укрыв,
Принарядившись, как на праздник,
Лес вызывающе красив
И красотой зиму дразнит...
В заснеженном огне рябин,
Он вокруг себя глядит ревниво:
Он, молод, хочет быть один
Таким сверкающим, красивым.
Какое кружево плетёт
Мороз-кудесник прихотливо!
Берёзок белый хоровод
Ко мне плывёт неторопливо.
Всё в белых сказочных гусях
Запорошенные деревья,
Они поют – у них в гостях
Вся молодёжь моей деревни.
И мы, белы, как зимний лес,
По перелескам разбежались,
В счастливом поиске чудес
В лесных чертогах затерялись.
Люблю тебя, мой лес! Как ты
Красив! Покоя не нарушу...
А солнце льётся с высоты
Неудержимым жаром в душу.

ТАЁЖНАЯ ТАМГА

Прозорлив и мудр, мой народ
В старину тамги на кедрах ставил,
Завещал их нам из рода в род
И тамгами край родной прославил...

Вот тамга – лисица. И теперь
Знаю я, что метку вырезали,
Чтоб ловушки не оскудевали,
Чтобы не переводился зверь.

И когда охотник белковал –
Метку ставил, ведь была забота,
Чтоб по меткам каждый узнавал,
Что была удачною охота.

Как они бежали по стволам,
Словно гнали зверя вдаль! И даже
Вслед бежали дети, старикам
Запах крови ноздри будоражил.

Как Медвежий праздник ликовал,
И плясать срывался с нами ветер!
И тамги толпились – каждый знал
Мощь неукротимого медведя.

В постаревших тамгах мой народ
О своих заботах нам поведал,
Завещал их нам из рода в род,
Ибо о грядущей жизни ведал...

Только путь к добыче никогда
Мы тамгой в тайге не помечали,

Чтоб чужой не знал пути туда,
Чтоб костры чужие не пылали.

Если по чужим следам идти,
То не одолеть дороги дальней...
И тамги, как звёзды впереди,
Манят неразгаданною тайной.

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК

Пляска взбудоражила северный посёлок:
Молодые пляшут, старики не медлят...
Людом переполнен, пляшет дом весёлый,
На почётном месте –

ГОЛОВА МЕДВЕДЯ.

Ей клянутся в верности, ей дары подносят,
Хвалят силу зверя, мудрость прославляют,
Каются в провинностях и прощенья просят,
И, мирясь, друг друга снегом осыпают.

Дорогому гостю – честь в дому и место,
Хоть и рвутся парни с ним в борьбе схватиться,
Шутники ребята! И, столпившись тесно,
Прсят парни доброго гостя не сердиться.

Праздник разгорается! Лишь под вечер, в гуле,
Ханты проклинаят ружья, что пугают
Всех зверей в округе, проклинаят пули,
Что, в дыму и грохоте, лес опустошают...

Трое суток пляска стены сотрясает! –
Пышут щёки полымем в этой пляске знойной.

КРАСА ЗЕМНАЯ

Умыт росой рассветный лес,
Вздымая кроны до небес...
Но он невидим до поры,
В тумане прячьась до зари.

Ещё овраги холод пьют,
Но солнце всходит над лесами,
Свернув тумана кисею
Своими жаркими руками.
И песни птиц летят в зенит,
Всё в мире слаженно и мудро.
О, как звонкоголос родник,
Не уставая славить утро!

Прекрасна летняя земля!
Я прихожу, когда мне грустно,
Сюда, сюда, где счастлив я,
Где жизнь лесная безыскусна...

Но, среди лиственных теней,
Владеет дума мной порою,
Что не забыть природе дней,
Дышавших лютою жарою.
Пусть грянул дождь потом... Земля
Пила его, устав от зноя,
Но опалённые поля
Слепили мёртвой желтизною.

И всё же всюду жизнь права!
И смотрят горные вершины,

Как поднимается трава
К весенней жизни на равнине.
А лес поёт, цветы, кусты
В лучах безудержных купает,
И мне он тайну красоты,
Как тайну жизни, открывает.

Так в чём оно заключено,
Начало вечное, кто знает?
Но зло на смерть обречено,
И лишь на жизнь посягает.

...Я миновал тот перевал,
Где лес мой зеленел издревле,
И на опушке увидал
Ряды обугленных деревьев.
Они, молчание храня,
Чернели мёртвою листвою,
От беспощадного огня
Зелёный мир, закрыв собою.

И, потрясённый, я затих...
Но, будоража душу, голос
Ознобно шёл из гущи их,
Израченных, печальных, голых:
«Пускай мы в ранах и рубцах,
Зато за нашу спиною,
Весёлый, в птичьих голосах,
Мир славен жизнью молодой!»

Так тайну тайн я постигал,
Пусть многого не понимая...
А день лицо в росе купал,
Дорогу жизни открывая.

ТЕПЛО ТВОИХ РУК

Дорога твоей жизни не гладка –
Перемежает радости тоска.
Виновник твоих бдений и седин,
Я перед тобою,
«непутёвый сын».

«Такие дети...» –
сетуют соседи...
Но в чём источник кротости твоей!
Что чище и пронзительней на свете,
Чем всепрощенье наших матерей?

По белу свету носят меня ноги...
Увижу я путей моих в конце:
Ветвятся по земле мои дороги -
Морщинами на дорогом лице.

Прости меня
за ранние седины!
Как в детстве, наливается рассвет.
И, вновь в дорогу провожая сына,
Ты горсть муки бросаешь мне вослед.

Твоя тоска пройдёт по горлу дрожью...
Ты тянешь ко мне руки из разлук.
Да есть ли в мире что-нибудь дороже
Тепла шершавых
материнских рук?!

НАКАЗ УЧИТЕЛЯ

Я.М. Аслаханову

Всё тот же школьный двор...
Знакомый гул. Молчу:
Мне на детей не наглядеться,
Как на друзей, что в сердце берегу...
Звенит звонок – как будто бы из детства.

Как бы отбросив груз минувших лет,
Мимо садов весенних, что, бушуя,
Вросли тугими кронами
В рассвет, тропой знакомой на урок бегу я.

Привет, привет, забытый старый класс!
Учитель, здравствуй!
Помню, как «с натуры»
Писали жизнь мы.
Помню, как всех нас
Вводил ты страстно в мир литературы.

И – чудо ли? –
Я помню каждый спор,
И, кажется, что он не затихает.
Будил ты мысли в нас,
И до сих пор
Их огонёк в душе не затухает.

Мне не избыть из памяти своей
Тот миг, когда учитель встал с бокалом
И поднял тост за землю, за людей
И за успехи и в большом, и в малом...

Столы в цветах,
Бокалов хрупкий ряд.

В широкий зал заглядывают ветки.
И верой в нас лучится добрый взгляд.
Учитель, не забыть тебя вовеки!

Бокалы сходятся –
Смущённый звон...
И робко эхо этот звон разносит.
Мы смотрим на учителя, и он
Напутственное слово произносит.
И каждый, каждый им заворожён,
Его слова тихонько повторяя.
Они звучат, звучат со всех сторон,
Ни силы, ни значенья не теряя:

«Не унывайте, милые друзья!
Вам говорит: «Прощайте!» - ваше детство.
И вспять шагнуть, увы, друзья, нельзя.
Идти вперёд – единственное средство
Увидеть мир и краше, и светлей...
И каждый миг, как наши дни ни мчатся,
Богат неповторимостью своей,
И человек стоит у пульта счастья.

Вас в мире ждут кремнистые пути...
Пускай дерзанье в вас не остывает!
Ведь это счастье – всё вперёд идти,
Как будто пики, цели покоряя.
Пусть оступился, пусть упал – не ной!
Ведь наша жизнь с путём нелёгким схожа.
Она манит не взятой высотой,
Что с каждым днём и ближе, и дороже.
Прекрасна жизнь, горения полна.
Дерзайте, мои дети!

УЛИЦА ДЕТСТВА

Я часто представляю, как на гребне
Минувших лет, в накрапах седины,
Вернусь я в тот далёкий вечер летний,
Где спит калитка в кущах тишины.
Тревожные глаза, глаза солёные,
Стеснённое дыхание в груди...
Я руку подаю: «Прими, зелёная!
Оставленная улочка, прости!

Дай руку, вольно пахнущую травами...»
Не узнавая, та глядит светло.
Уже давно живёт иными нравами
Прибывшееся к городу село.
Другое детство на просторных улицах
Здесь оглашает криками возню,
Лишь изредка в толпе – что тут хмуриться! –
Я сверстников забытых узнаю.

«Узнай меня, нам данная в наследство!»...
Очарованье верности храня,
Ведёт меня звонкоголосым детством,
В улыбках окон, улочка моя.
Поёт арык, давно прорытый другом,
Врачуя душу свежестью, речист...
А в вышине – взметённой в небо туго
Акации смеётся каждый лист.

И груша, что сажал я, плодоносит.
Спасибо, брат, её спасавший в осень!
Протянутые ветви пожимаю,
«Давай-ка жить, не старясь!» – призываю...

ДЕТИ МОРЯ

Морская пена выбелила ночь,
И море зло ворочается, бредит.
И хрипло запеваёт во всю мочь,
Разгневанно окатывая берег.
Из мрака на песчаную косу
Идёт волна, холодная, тугая...
Но убегает с рокотом, внизу
По мокрой гальке нехотя сползая.

И посреди вселенской пустоты, –
Трепещущие, мокрые, живые, –
Бессильные распахивая рты,
Глощают рыбы воздух... А стихия
Внизу грохочет: пьяная вода,
Остервенела пена, дикий хохот.
Вверху молчит незрячая звезда,
Одетая в крошечный, вечный холод.

Восток светлеет... Свет звезды угас
Над вспененными, лютыми волнами –
Вот так слабеет и тускнеет глаз,
Омытый безутешными слезами.
И снова с моря наплывает гул,
Волна растёт, косматая, крутая,
И вспять идёт, в спасительную мглу
Измученную рыбу увлекая.

Великая, глубинная волна
Вскипает над песчаной полоской.
В ней нежность матери сопряжена
С извечною суровостью отцовской.

ПЛОВЕЦ

Я - пловец.
Я плыву...
У меня на пути
Белой пеною
Скалятся волны лихие.
Как я в детстве мечтал
Смело в воду войти,
Страх презрев
И бросая свой вызов стихии!

Мне приснилось когда-то:
На том берегу
Конь гнедой
Бьёт призывно копытом о камни,
В гриве – алое солнце.
Я в душе берегу
Глаз его нетерпенье, отвагу, сверканье.

Он врывается в сны:
«Поскорее мужай!
Полетим мы –
Забьётся земля под ногами!»
И плыву быстринной я, – река, не пугай! –
Бросив вызов стихии,
Борюсь я с волнами.

Перевод Николая Шамсутдинова стихотворений поэта Асламбека Осмаева из сборника: Осмаев А.Д. «Улица детства»: Стихи/Асламбек Осмаев. – Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, – 1982 и из собрания сочинений: Шамсутдинов Н.М. «Избранное» в пяти томах, Том 5, – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», –2018.

Откуда ты,
прекрасное дитя?

Николай ШАМСУТДИНОВ

ФУТБОЛИСТ

Почему нет дома Саши? –
Спозаранку,
На реке,
Его видели ребята
С пыльным мячиком в руке...
Это он до звёздной ночи,
Растрепав лихой вихор,
В двери старого сарая
Забивал за голом гол.

– Где же мальчик? –
Ищет мама, –
Это драма!..

Почтальон
Рассказал, что в летний лагерь
Уезжает скоро он.
Там,
В течение сезона,
На площадке – плачь не плачь! –
Вратарям задаст работу
Его звонкий, жаркий мяч!
Все узнают бомбардира!
И тогда –
Держись, отряд! –
Станет Саша капитаном
Самой лучшей из команд.

И, когда вернётся в школу,
Загорелый, он –

Вот тут:
– Погляди, звезда футбола!-
За спиной его шепнут.
Даже дедушка припомнил,
Что когда-то –
Верь не верь... –
Лучшим центром нападения
Он считался на дворе.

Тут же папа
Длинной лапой
Наподдал в крапиву мяч...
Два часа его искали,
Только почему- то вскачь...
Почему нет дома Саши?
Спозаранку,
На реке,
Его видели ребята
С пыльным мячиком в руке...

Григорий ГАЧКЕВИЧ – гость рубрики

Я – в игре!

Известно, что за великими спортивными победами всегда стоит настоящий характер. Мировые рекорды и олимпийское «золото» достаются, как говорится, «на морально-волевых качествах». Поэтому спортсменам-сибирякам и, особенно, землякам нашего героя - Николая Миркамаловича Шамсутдинова повезло уже сразу при рождении: им достался самый настоящий в мире характер – сибирский.

Ямало-Ненецкий автономный округ, родина Николая Миркамаловича, и главный город его жизни – Тюмень подарили всему миру имена таких прославленных олимпийских чемпионов, как биатлонисты Луиза Носкова, Александр Попов и Антон Шипулин. Но знаете ли Вы, что сибирский характер помогал в спорте также и Николаю Миркамаловичу? Бокс и лыжные гонки всегда занимали в его жизни особое место. Занимаясь, например, боксом с юных лет наш герой выполнил норматив второго спортивного разряда. Поэтому не удивительно, что меня уже при первом разговоре с Николаем Миркамаловичем поразили его крепкий внутренний стержень, его невероятная работоспособность, и восхитил его настоящий сибирский спортивный характер.

Когда за плечами – 40 лет профессиональной (а в случае Николая Миркамаловича – выдающейся) литературной деятельности, продолжать до сих пор ярко творить и восхищать своих почитателей можно только при наличии великого таланта и, как было уже сказано ранее, «на морально-волевых». У Николая Миркамаловича в избытке есть и то, и другое.

Поэтому специально для этого номера я подготовил подборку своих стихотворений для детей (но надеюсь, что

и многим взрослым они придутся по сердцу) о спорте и о физической активности.

Для меня Николай Миркамалович – это не просто выдающийся литератор и современный классик, это человек, который открыл мне двери в мир большой поэзии и который поверил в меня, как детского автора, за что я ему безмерно благодарен. Поэтому я очень рад предоставленной мне возможности участия в специальном номере «Гиперборея» и от всей души поздравляю Николая Миркамаловича с таким выдающимся творческим юбилеем!

Желаю ему всегда сохранять настоящий спортивный дух и никогда не сдаваться! Крепкого здоровья и новых побед во всём!

*С глубоким уважением и признательностью,
Мастер спорта СССР по прыжкам в высоту*

ГАЧКЕВИЧ Григорий Миронович – поэт, детский писатель, член Союза писателей Северной Америки, Международной гильдии писателей. Родился в 1973 году в Молдавии. По профессии – экономист. В настоящее время проходит обучение на Высших литературных курсах (специальность «Поэзия») в Литературном институте им. А.М. Горького (Москва). Автор восьми поэтических книг для детей, среди которых: «Весёлый Алфавит!», «В синем небе я купаюсь!», «Какого цвета зебра?», «Я – в игре!», «Простая радость», «Путешествуем с загадками». Регулярно публикуется в различных российских и зарубежных изданиях. Многократный лауреат международных литературных премий. Живет в Кишинёве, Молдова.

КОТ И АППЕРКОТ

Очень сильно любим спорт
Я и мой персидский кот.
Вот, к примеру, шёл вчера
Бокс по телику с утра.
И пока смотрели бокс,
У кота возник вопрос.
«Что такое апперкот?» –
Промурлыкал тихо кот.
Кот загнал меня в тупик –
Я к такому не привык,
И хочу я вам сказать,
Что боксирую на «пять».
Знают пуфик и диван:
Я – боксёрский ураган!
Все подушки – по плечу,
Их как грушу* колочу!
Настоящий я атлет,
Хоть всего мне восемь лет.
Но вернёмся мы к коту:
Вам скажу начистоту,
Он не ест совсем, не пьёт –
Ждёт рассказ про апперкот,
А ещё про хук и джеб,
Про нокдаун и сайдстэп*.
Я решил тогда: с котом
В клуб боксёрский мы пойдём.
Не волнуйтесь, всё в порядке:
Нам с котом дадут перчатки!

* Груша, апперкот, хук, джеб, нокдаун, сайдстэп – термины, используемые в боксе.

Я – В ИГРЕ!

Мне вчера на восемь лет
Подарили не планшет,
Не кроссовки, не игрушку,
А коньки и суперклюшку!
И теперь в своём дворе
Я – в хоккее! Я – в игре!
Не страшны мороз и стужа,
Хочешь стать звездой – не плачь!
Я своей команде нужен –
Мы выигрываем матч!
Я, друзья, без лишних слов
Гол всегда забить готов!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ночью выпал первый снег –
Мы с утра идём на бег!
Бег на лыжах – непростой,
И идём мы всей семьёй.
Первым катится, как шар,
Наш любимый сенбернар!
Следом – мама, брат, сестрёнка,
Все смеются очень звонко!
Дальше папа с дядей Лёшей
Маршируют по пороше.
Ну и вот в конце с трудом
Мы идём вдвоём с котом,
И, хотя я младше всех,
Верю, ждёт меня успех!
Я сейчас всех обгоню,
Проторю семье лыжню!

Пусть мороз, и даже лютый, –
Буду первым я, друзья,
Только лыжи почему-то
Очень медленно скользят...

ТУЛУП

На своём родном катке
Не сижу я в уголке –
Мчусь легко я метеором
Даже на одном коньке!
Безупречно воздух чист,
Лёд затейливо искрист,
И, назло досужим спорам,
Я – сегодня фигурист.
Я вращаюсь как юла
И порхаю как пчела,
И уже мне места мало –
Вот такие здесь дела!
Так что выделю я суть:
Надо в Арктику махнуть:
Проложу там для начала
Северный коньковый путь!
Но пока что не готов,
(Мало знаю я прыжков),
Хоть уже сродни оленю*
Я скачу, что будь здоров!
Но чтоб зуб попал на зуб,
Нужно кое-что из шуб,
Так что в Арктике «надену»
Я один прыжок – тулуп*!

* Олень, тулуп – виды прыжков в фигурном катании

О САННОМ СПОРТЕ

Наши сани едут сами...

Генрих Сапгир, мультфильм «Небылицы в лицах»

Рассказать хочу про сани,
Ну, про те, что «едут сами»,
А случилось это, кстати,
В небольшом чемпионате.
Но раскрою вам вначале
Очень важные детали.
Есть у нас за школой горка,
Мы зовём её «галёрка»,
И становится зимою
Эта горка ледяною.
В классе мы решили твёрдо,
Будет горка зоной спорта.
Но вот суть совсем не в горке,
А в той шутке-поговорке,
Где звучит, что наши сани
Едут очень просто сами.
Здесь, конечно, мне обидно,
Что других заслуг не видно.
Значит, то, что я ногами
Растолкал вначале сани –
Это что же всё – «не очень»
И пропустим, между прочим?
То, что был ещё Серёга,
Он толкал меня немного,
И толкал нас вместе Витя –
Тоже мимо, извините?
И ещё, что очень важно, –
Мы вели себя отважно
И с раскрытыми глазами

Разгоняли наши сани!
Так что вы себе представьте,
Как старались мы на старте!
Но потом помчались сани,
В самом деле как-то сами,
И в итоге вместе с нами
Очутились сани в яме.
А ведь мы претендовали
С полным правом на медали!

ПРЫЖКИ НА ЛЫЖАХ

Лыжи в небе пролетали! –
Мы все рты пораскрывали:
В первый раз прыжки с трамплина
Смотрим Сашка, я и Нина!
Как на лёгком дельтаплане,
Прыгуны летят над нами,
И отчётливо я вижу:
Буквой V парят их лыжи!
Хоть я мал, уже мне ведом
Этот тихий клич к победам,
Этот зов спортивной жажды:
V – победы хочет каждый!
Но один летит всех дольше,
Хоть на вид других он тоньше.
Будто бы парит в полёте
На ковре на самолёте!
И летят его две лыжи
Голубого неба выше...
Мы же все идей полны,
Как достичь ему Луны!

ТАЛАНТ

Быть хочу легкоатлетом
И на край земли нестись,
Лучшим став зимой и летом,
Над Олимпом вознестись.
В силах я своих уверен,
Хоть всего мне девять лет,
Мамой я не раз проверен
В том, что я – легкоатлет!
Я талантлив! Это точно!
Я в семье такой один!
Лишь меня, когда так срочно,
Просят сбегать в магазин.

НЕПРОСТОЙ СТАДИОН

Я пришёл на стадион.
Непростой, ребята, он:
Есть и старт, и финиш есть,
И трибуны, чтобы сесть.
Но от снега весь он чист,
Словно белоснежный лист.
И мишени строго в ряд
Прямо в поле там стоят.
К ним бегут биатлонисты –
Как один они плечисты,
Хоть у каждого – винтовка,
Все скользят на лыжах ловко.
Не лисицы, не олени:
Цель у них одна – мишени.
Вот такой вот стадион.
Там хозяин – биатлон!

МУШКЕТЁРЫ

Внимание! Внимание!
Устроим фехтование!
Готовимся заранее –
Линейки мы берём!
У нас нет амуниции,
Но есть у нас амбиции!
Становимся в позиции,
На раз-два-три начнём!
Закончим мы со спорами,
Дуэли будут скорыми,
Мы станем мушкетёрами –
Напишем свой роман!
И следом за кумирами,
С линейками-рапирами,
Шагаем мы пунктирами,
И каждый – Д'Артаньян!
...Но в этот миг позвал звонок
Всех «мушкетёров» на урок.

ТУРНИК

Честно вам скажу, друзья,
Не спортсмен по сути я,
И всегда дрожал слегка
Я от вида турника.
Во дворе у нас стоит
Он, имея важный вид,
Для кого-то он – турник,
Для меня почти тупик.
Кто-то на одной руке
Крутит «круг» на турнике,

Головою вниз висит
Кто-то там как сталактит.
Я же мимо турника,
Протекаю как река,
А потом бегом, бегом,
Чтоб быстрее юркнуть в дом.
Но однажды на урок
К нам пришёл не педагог,
А подтянутый гимнаст,
Был он крепок и вихраст.
И спросил он, кто пока
Сторонится турника?
Я не выдержал и встал... –
Так попал я в чудо-зал!
Там есть брусья и помост,
А турник там словно мост,
Есть там конь и есть бревно*,
Мне понравилось оно!
А ещё там все, друзья,
Невысокие, как я,
Но зато ловчей макак,
И никто там – не слабак!
В зале я совсем не сник,
Берегись теперь, турник!

* Конь, бревно – названия гимнастических снарядов

ВОЛЕЙБОЛЬНЫЙ МЯЧ

Вот над сеткою взлетели
Люди-великаны,
Люди-сосны, люди-ели,
Люди-ураганы!

После их любого жеста
Горделивой птицей
Мяч летит, но ищет место,
Чтобы приземлиться.
То прямой он путь находит,
То совсем окольный,
Но один в своём он роде,
Мячик волейбольный.
Хочешь с ним ты подружиться,
Выходи – сыграем!
Станет другом эта птица –
Точно это знаем!
И не будет места скуке
Там, где мяч и сетка,
Взять его лишь надо в руки
И ударить метко!

ПЕЛЕ

С детства я люблю футбол!
Самый главный возглас – «Гол!»
Целый день ношусь с мячом!
Мне с мячом всё нипочём!
И когда бегу домой,
Шум побед летит со мной!
Рассказать я всем хочу,
Как бил метко по мячу!
Только есть одна печаль –
Мне всегда ужасно жаль,
Что терьер породы йорк
Не разделит мой восторг!
В честь Пеле ему дал имя,
А футбол проходит мимо!

О люди!

Жалкий род,
достойный слёз
и смеха!

Николай ШАМСУТДИНОВ

пародии на стихи известных поэтов

ОЗОРНИК

*Душою чист, талантом ярок...
Но обескровленный поэт,
он и супруге не подарок.*

*И лично я поэму эту
затеял лишь из озорства.*

*Не соблюдя приличий...
Герман Дробиз*

Со мною вот какая драма:
не по закону естества
женился я, а, скажем прямо,
как и писал, – из озорства,
ведь у меня была подруга,
и, если честно, не одна...
С того ли хмурится супруга,
забвением удручена?
Что ж из того, что чист и ярок
я, как надраенная жесьть?
«Да-а, парень явно не подарок,
Поистаскался...», – хмыкнул тесть.
Ну, что за варварский обычай?!
Я заблажил истошно: «Ой!» –
когда, не соблюдя приличий,
он вытянул меня вожжой.
И вот супруге: «Дорогая!...» –
дарю я страстный поцелуй,
рукою *н е ч т о* потирая...
И поделом – не озоруй!

РАЗВОД

*Дальше – больше... В месяце июле,
дабы гнев твой праведный утих,
я вернул тебе твои кастрюли
с благодарной памятью о них.*

*Соберу и я свои манатки.
Будь здорова! Каждому – своё.*

*Но когда над ним витает рок –
...я в такие игры не игрок...*

Игорь Волгин

В жизни мне проклятый смысл открылся,
видно, над судьбой витает рок...
Чтобы я хоть раз ещё женился! –
нет, я в эти игры не игрок!

Мы расстались...

С нас и взятки гладки.

Но, поскольку бренно бытие,
я тебе отдам твои манатки,
но и ты мне... Каждому – своё.

Отдавай мне спицы для вязанья,
шлепанцы, халат, и все дела!
Но к чему твои напоминанья,
что ты кофемолку отдала?!

Это было, вспомни-ка, в июле,
а уже зима, поди взгляни...
Я верну тебе твои кастрюли,
только ты мне валенки верни!

РАЗБИТЫЕ НАДЕЖДЫ

*...в окно глядят верблюды – это горы,
с портрета не Джульетта – это ты...*

стакан невытый – это тоже ты.

*... ковер прожженный там, где ты прожгла,
когда лениво потянулась лапой
с постели в пепельницу, не нашла
так и воткнула в мой ковер...*

Ушел бы! Другая караулит у дверей.

Олжас Сулейменов

По окнам лупит ливень – это лето...

Верблюд или гора – из темноты?

Забывшись, я шепнул вчера: «Джульетта...»,
как тут же лапой поддала мне – ты.

Очнулся я, гляжу – пошло все прахом,
развеяны все лучшие мечты...

Какая ты Джульетта?! Ты – неряха!

Грязнуля, замарашка – вот кто ты!

Несчастливая! На что это похоже?!

Куда ни ткнусь, везде твои следы...

На кухонку бегу я, и – о, Боже! –
гора посуды грязной – тоже ты!

А ты ещё вчера фужер разбила!

Зачем, ответь, ты мой ковер прожгла,
вместо кагора выпила чернила,

геранью закусила и – ушла?!

Ушел бы я, пристанища листая...

Забудь б тебя, глотая горький ком!

Но у дверей давно уже, я знаю,

Другая ждет...

С отбойным молотком!

НЕЗАТЕЙЛИВАЯ

*Когда б мы жили без затей,
я нарожала бы детей
от всех, кого любила...
Вероника Долина*

Я без затей,
одна, живу,
неприхотливою слыву,
но как прекрасно б было,
когда б, распущена совсем,
я завела себе гарем
из тех, кого любила!

Ложась в холодную кровать,
мне надоело вековать
с гитарою на пару.
И, множа сладкие грехи,
я б всех любила – под стихи,
любила – под гитару.

Я, русы косы по плечам,
в подушку плачу по ночам,
пиная одеяло,
что в жизни скомканной своей
я всех моих шальных затей
не ре-а-ли-зо-ва-ла...

Мне, первоклашке, по весне
влюбиться б в Чехова в пенсне...
Но, в искусе любви,
с улыбкой томной на устах,
я отдавалась в знойных снах
Гуану, Казанове.

А там – кино, благой пример,
и, молода, – «Алан! Мон шер!» –
рекла я упоенно...

Теперь, такие вот дела,
скорблю я, что не родила
мальчонку от Делона.

Мгновенья страсти я ловлю,
к тому ж «Нана» еще люблю...

– Уймись! – стенает мама,
но я грешу себе, пока
беременна от «Спартака»,
а может, от «Динамо»...

А напоследок я скажу,
что от Киркорова рожу,
все ахнут, я-то знаю,
когда я в Лещенко вопьюсь,
когда с Добрыниным сольюсь,
с Меладзе – наверстаю!..

ЛЕПИМ

Снег летит на переулки...

Мы из снега бабу лепим,

Будто мало в мире баб.

Виталий Шенталинский

Навалило ж снега с неба!
Оттого ли, что ослаб,
Бабу я леплю из снега,
Словно мало в мире баб.

Баб-то много... Я устало
Роюсь в куче снеговой...
Много баб – силёнок мало.
Я с законною женой

Был, мне помнится, когда-то,
А теперь – молчок и сплю...
Оттого-то, взяв лопату,
Бабу снежную леплю.

С головой меня заносит
Белым снегом... Се ля ви:
Баба снежная не просит
Ни полочки, ни любви.

Не трещит о новой дачке,
Ей обнови не нужны
И, к тому ж, в моей записке
Снежной бабе нет нужды.

Вот она – любви опора!
При раскладе вот таком
Всё к тому идёт, что скоро
Стану я – снеговиком!

Чем я хуже? Скроен ловко,
Свеж и снежен, бравый вид,
И торчит вперед морковка,
Это важно – что торчит!

ИДЕАЛ

*Всё вам кажется, сердечные, что вы
Лучшей участи достойны!*

Нужно женщин уводить...

*По-солдатски нужно женщину любить...
Александр Юдахин*

Ну, и женщины пошли у нас – беда-а-а!
Их уводят, а они всё просят ласки...
Непорядок, я скажу вам, ерунда!
С ними нужно обращаться по-солдатски!

Что признания и клятвы? – всё слова...
Нет, ребята, женщин баловать не надо!
Им понятней и доступнее: «Ать-два!
Марш на кухню!

Два наряда! Три наряда!».

Жёнам нравится начальственный басок,
А прикрикнешь – им вдвойне!
втройне! приятно.
На любовь их вдохновляет марш-бросок
С полной выкладкой,
до рынка и обратно...

СОЮЗ

*Вам надоели были – так вот вам прибаутка:
Друг друга полюбили солдат и проститутка...
Солдат себе воюет, а проститутка ждет.*

*Порою и изменит – какая уж тут честь?
Измены и в уме нет, да надо ж что-то есть.
Солдат же, как пристало, преследует врага
И не грустит нисколько, что у него рога.*

Дмитрий Быков

Сюжетов – избыток, тем необычной пьеса:
Друг друга полюбили поэт и поэтесса,
Иного нет в помине, и руки нежных муз
Скрепили этот мини-писательский союз.
Вы ждете – теща беса, ночами напролет
Поэт кутит, повеса, а поэтесса – ждет?
Пусть в этом нет резона, но утверждает пресса,
Что вопреки шаблону бытует поэтесса,

Доступная соблазнам и в нравах не строга...
Поэт узнал не сразу, что у него – рога.
И что же он? «К барьеру, соперник!...». Выстрел? Шок?
К чему губить карьеру?! Он – написал стишок
О том, как он несчастен. А стыд его?! А честь?!
Хоть разорвись на части, да надо ж что-то есть...
С тех пор, в семейном круге, с изрядным вдохновеньем,
О романах супруги он пишет с упоеньем.

Он популярен в свете – признанье! Гений! Дар!
К тому же и в бюджете не лишен гонорар.
Вокруг амуры реют, и крепче нет союза,
Целуя ее в шею, он страстно шепчет: «Муза!».
Вот это в нашем вкусе! Поэт, он прав и тут,
Ведь поэтессу Мусей с рождения зовут...

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ананьева Елена	123
Астафьев Виктор	16
Баженова Любовь	129
Бартфельд Борис	126
Бушуева Мария	34
Быстрова Анастасия	42
Гачкевич Григорий	202
Гостева Елена	65
Гурарий Семён	12
Звонарёва Лола	50
Золотцев Станислав	18
Карелина Лариса	59
Кириллин Анатолий	167
Кривчиков Константин	128
Лексина Нина	83
Левина Виктория	153
Петров Владислав	53, 110
Сазанович Вячеслав	131
Сладкова Маргарита	118
Тихомиров Константин	15
Тихонова Бетти	130
Романова Мила	177
Шамсутдинов Николай	86, 136, 182, 200, 214
Юстус Ирма	69

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья «К 40-летию со дня вступления в Союз писателей СССР», Н. Шамсутдинов	3
Рубрики альманаха:	
«Как слово наше отзовется...»	11
Гость рубрики Семён Гурарий	12
«Минута – и стихи свободно потекут»	85
Гость рубрики Владислав Петров	110
Гость рубрики Маргарита Сладкова	118
«О чём, прозаик, ты хлопчешь?»	135
Гость рубрики Виктория Левина	153
Гость рубрики Анатолий Кириллин	167
«И назовёт меня всяк сущий в ней язык...»	181
Гости рубрики национальные поэты России:	
Роман Ругин	182
Асламбек Осмаев	188
«Откуда ты, прекрасное дитя?»	203
Гость рубрики Григорий Гачкевич	206
«О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!»	217
Алфавитный указатель	222
Содержание	223

**Литературно-художественный альманах
специальный выпуск «Гиперборей» - собирает друзей!»**

ГИПЕРБОРЕЙ

№1(8) 2022

**Куратор издательского проекта:
Шамсутдинов Николай Миркамалович,
Сопредседатель Правления Союза российских писателей**

**Редактор-составитель:
Дмитриенко Ирина Михайловна,
E-mail: i.matveyka@mail.ru**

**Ответственный за выпуск:
Храпова Елена Витальевна**

**Литературные произведения и тексты в авторской редакции.
Сохранены особенности пунктуации и орфографии авторов.**

**Вёрстка и оформление обложки: Матвеева И.М.
При оформлении обложки использована фотография
из личного архива Н.М. Шамсутдинова**

**Подписано в печать 28.03.2022
Формат 60x84/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 17,48. Тираж 120. Заказ №390**

**Отпечатано в АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел: (3452) 56-56-50
E-mail: dom@dom-pechati.ru**

Николай Миркамалович ШАМСУТДИНОВ

советский и российский писатель: поэт, прозаик, сатирик, переводчик, публицист.

Член Союза писателей СССР (1982) и Союза российских писателей (1991), родился на полуострове Ямал 26 августа 1949 года. С 1994 года – председатель Правления Тюменского регионального отделения Союза российских писателей (объединивший литераторов трёх субъектов Российской Федерации: Тюменской области, ХМАО-Югры, ЯНАО в единое писательское содружество), с 2019 – сопредседатель Союза российских писателей по Сибири и Дальнему Востоку.

Заслуженный работник культуры РФ, академик Российской академии поэзии, Международной академии литературы, искусства, коммуникаций (Германия). Почётный работник культуры и искусства Тюменской области Н.М. Шамсутдинов в 2009 году становится ПЕРВЫМ в области членом Всемирной ассоциации писателей Международного ПЕН-клуба, а в 2020-ом единственным писателем из области, вошедшим в состав Творческого совета Ассоциации союзов писателей и издателей России.

Лауреат более 30 международных и отечественных литературных премий: Общенациональной премии им. А.М. Горького, им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, Уральского федерального округа-2013, Губернаторов Тюменской области-2015 и Ямало-Ненецкого автономного округа-2019, им. М.А. Волошина, «Золотое перо», Золотая медаль «ЛиФТ», Всеканадского литконкурса «Взрослые – детям», Германия: фонда «Доминанта» – за выдающиеся открытия и развитие новых эстетических принципов в литературе, им. Нобелевского лауреата Генриха Бёлля – за выдающиеся достижения в литературе и общественной деятельности, «Творец и Хранитель» – основателю и издателю литературно-художественного альманаха «Гиперборей», дважды «Бриллиантовый дюк» премии им. герцога де Ришелье (Франкфурт-на-Майне – Одесса), Гран-при премии им. А.Г. Сниткиной-Достоевской (Монреаль), Лондонской премии им. лорда Джорджа Ноэля Гордона Байрона в категории трёх поэтических книг, около четырехсот публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

Автор пятидесяти трёх поэтических книг, около четырехсот публикаций в отечественной и зарубежной периодике.
Живёт и работает в Тюмени.

**«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

2022